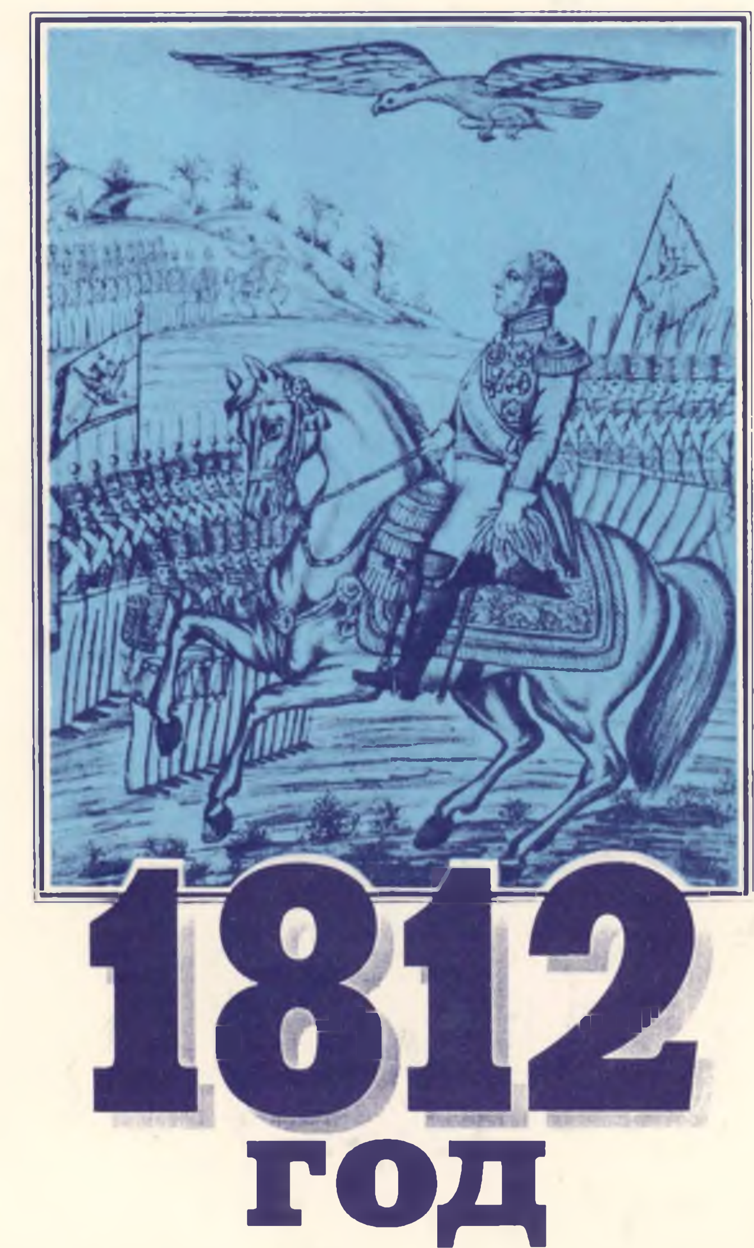

1812 год
в воспоминаниях современников

1812 год в воспоминаниях современников

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1812 год

в воспоминаниях современников

МОСКВА "НАУКА" 1995

ББК 63.3(0)52
Т93

Редколлегия:

А.Г. Тартаковский (ответственный редактор),
В.И. Буганов, Б Г. Литвак, П.Г. Рындзюнский

Рецензенты:
А.В Семенова, Ф.А. Петров

1812 год в воспоминаниях современников. – М.: Наука, 1995. –
Т93 202 с.
ISBN 5-02-009607-5

Впервые публикуются извлеченные из архивов ценнейшие мемуарные рукописи с уникальными сведениями о ранее скрытых сторонах военной и политической жизни России в эпоху 1812 г. Неоценимое значение имеют свежие свидетельства о М.И. Кутузове, М.Б. Барклае де Толли и других полководцах и их собственные мемуары. Широко представлены воспоминания гражданских лиц демократического происхождения, в том числе крестьян, выразивших народную точку зрения на Отечественную войну особенно глубоко и полно.

Для всех интересующихся отечественной историей и русской мемуарной культурой.

Т $\frac{0505010000\text{-}095}{042(02)\text{-}95}$ 21-95, I полугодие **ББК 63.3(0)52**

ISBN 5-02-009607-5

"Великие воспоминания 1812 года"

Многим, наверное, памятно проницательное суждение В.Г. Белинского: "12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец", принес с собой не только "внешнее величие и блеск, ⟨...⟩ но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании" и "всем этим способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения"[1]. Строго говоря, общественное мнение как обособленная от власти и официальной идеологии самостоятельная идейно-общественная сила зародилось в России (разумеется, в образованных, дворянских и разночинских слоях) по меньшей мере за полвека до того, еще в екатерининскую эпоху[2].

Но, конечно, же великие потрясения 1812 г., пробудившие чувства общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности множества людей самых разных состояний, впервые в русской истории дали мощный стимул публичному выражению гражданского самосознания и политической активности, и тут Белинский был, безусловно, прав. Именно в таком плане, думается нам, следует понимать и мысль А.И. Герцена о "политическом интересе", воодушевившем Россию в 1812 г.[3]

Осознание этих глубинных духовных сдвигов, привнесенных в русское общество 1812 г., явилось, однако, не только плодом позднейших исторических размышлений – в еще большей мере оно было свойственно современникам.

П.А. Вяземский, участник Бородинского сражения, человек декабристско-пушкинского поколения, сохранивший и во времена своей консервативной старости свежий взгляд на прошлое, вспоминал в 1860-х годах: "После счастливого окончания Отечественной войны и победоносного похода нашего от развалин Москвы до Парижа, Россия свободно вздохнула, ожила духом обновления и возрождения ⟨...⟩ Никогда Россия, даже и в воинственное и громкое царствование Екатерины Великой, никогда, как в то время, Россия не стояла на подобной политической, государственной и народной высоте. И тогда каждый имел внутреннее сознание, что по силам своим содействовал этому возвышению", что "все без изъятия вынесли на плечах своих и на духовном могуществе своем Россию из беды и подняли ее на высокую ступень славы и народной доблести"[4].

К этим замечательным словам о "духе обновления и возрождения" трудно было бы что-нибудь добавить, если бы не такое же чувство охваченности "всех и каждого" высокой политикой не выразилось еще в горниле самих событий.

Недавно было опубликовано письмо старого русского поэта-классициста Н.П. Николева от начала ноября 1812 г. Д.И. Хвостову с взволнованным рассказом о пережитых им невзгодах в окрестностях занятой французами Москвы. Воспитанник княгини Е.Р. Дашковой, введенный ею еще в юные годы в круг просвещенных вельмож екатерининского царствования, типичнейший "архаист" – живое воплощение культурно-этических традиций XVIII в., он сумел удивительно точно почувствовать в изменившемся общественном климате новое мироощущение личности, соприкоснувшейся с грозными испытаниями военного времени. Отвергая официальную версию о неизбежности уступления Наполеону древней русской столицы, Николев с горечью писал своему адресату: "Ах мог ли кто помыслить, что после Петра Первого и Екатерины Второй случится то с Москвою, что случилося! Политики, может быть, скажут, что так надобно было для спасения вселенной..., а я с потерей жизни моей готов спорить со всеми политиками мира, что так было не должно; что общее спасение не могло быть основано на погибели Москвы, как от ошибки политики, и что необходимость сей жертвы не есть необходимость лучшего плана ⟨...⟩ Так, время уже то прошло, когда политики имели право зажимать рты усердной правде; работа их кончена и обнаружена. Общее страдание, общая напасть дают свое право каждому страждущему и бедствующему уму и сердцу вслух говорить о том, что видят, разумеют и чувствуют! Ибо страх умереть в темнице за слово правды не есть уже страх после тех страхов, коим подвергнула человечество неправда гордого невежества человеков!"[5]

Итак, 1812 год, пробудивший гражданское и политическое сознание отдельно взятой личности, когда "духовное могущество" нации стало и внутренне переживаемым чувством, необыкновенно обострил и ее историческое самосознание, ощущение ее непосредственной причастности к решению судеб отечества, к общему движению истории, а отсюда – и зародил в ней потребность запечатлеть опыт своего участия в великих событиях эпохи.

На этой почве складывается устойчивая мемуарная традиция, вобравшая в себя множество всякого рода памятных записок, как специально посвященных эпохе 1812 г.*, так и более обширные по временно̀му охвату произведений с текстами об этой эпохе. Общее число выявленных к настоящему времени воспоминаний и дневников, так или иначе отображавших события того времени, составляет более 500 наименований[6] – ни одно другое явление исторической жизни России XVIII–XIX вв. не породило такого мощного потока мемуарных произведений. Беспрецедентной была и длительность бытования этой традиции – первые памятные записи дневникового и собственно мемуарного характера возникли еще летом и осенью 1812 г., последняя (запись почетным гражданином г. Павловска

---

* Под "эпохой 1812 г." мы понимаем не одну только Отечественную войну, но всю совокупность явлений военно-политической и общественной жизни заключительного тура войн России с наполеоновской Францией – от самого 1812 г. до кампании 1815 г. Еще современники отчетливо понимали нерасторжимую связь между ними ("Отечественная война завершилась походом 13, 14 и 15 годов", – писал армейский партизан К.А. Бискупский) и потому объединяли их в одну целостную "эпоху 1812 г." "Время от 1812 до 1815 годов было великой эпохой для России", – отмечал В.Г. Белинский[7].

Воронежской губернии М.А. Богданчиковым рассказа своего деда, С.Я. Богданчикова об участии в войнах 1808–1814 гг.) – датируется 1911 г.[8], т.е. мемуарная традиция 1812 г. развивалась на протяжении целого столетия.

Однако процесс этот шел далеко неравномерно и неплавно, в нем обнаруживалась определенная закономерность – периоды подъема в России общественно-исторических интересов к эпохе 1812 г. (например, первые послевоенные годы, 1830-е годы, вторая половина 1850-х – начало 1860-х годов) сопровождались и бурными взлетами в развитии мемуаристики, периоды же более приглушенного звучания темы 1812 г. в общественном сознании (например, 1820-е годы, 1840-е – начало 1850-х годов) – известным спадом. Но при всем том развитие мемуаристики 1812 г., несмотря даже на эти спады, совершалось непрерывно: за все дореволюционное время не проходило в России ни одного года, когда бы не печатались посвященные эпохе 1812 г. дневники и воспоминания и когда бы не вводились в общественно-историографический оборот новые мемуарные тексты об этой эпохе – факт большого историко-культурного значения[9].

Мемуарная традиция 1812 г., в созидание которой внесло свой посильный вклад несколько поколений россиян, представлявших чуть ли не все социальные "срезы" русского общества, обрела поистине всесословный характер, играла важную роль в формировании национального самосознания и вообще в духовной жизни общества, но вместе с тем она явилась и ареной нараставшей от десятилетия к десятилетию идейно-общественной борьбы.

Денис Давыдов как-то заметил, что "резец беспристрастного историка не отделит" имен ряда прославленных участников Отечественной войны от "великих воспоминаний 1812 года", полагая их и "великими воспоминаниями нашего века" в целом[10].

И, действительно, как теперь установлено, мемуарная традиция 1812 г. составляла существеннейшую часть русской мемуарной культуры XIX в., в первые же 30 лет после Отечественной войны мемуарная литература в России развивалась в значительной мере благодаря мемуаристике 1812 г. – уже потому хотя бы, что каждые вторые выходившие тогда в свет мемуары так или иначе касались той эпохи[11]. В тот же период создается и ряд замечательных по своим историческим и литературным достоинствам воспоминаний о ней, по праву считающихся мемуарной классикой XIX в.

Естественно, что мемуарные произведения на эту тему являлись в дореволюционной России предметом тщательного собирательства, а их публикации были чрезвычайно многочисленны. К концу же 70-х годов нынешнего столетия, т.е. на протяжении примерно 170 лет после 1812 г., отдельными изданиями, в журналах общего и отраслевого типа, в исторической периодике, в газетах, разного рода сборниках и т.д. было напечатано примерно 430–440 воспоминаний и дневников, в той или иной мере отражавших эту эпоху.

Общее же число их публикаций (многие из них печатались по нескольку раз) превышает 700 наименований[12]. Правда, в первой половине XIX в.,

ввиду близости событий, сохранявших еще животрепещущее значение, появление в печати мемуарных произведений на эту тему преследовало преимущественные цели гражданственно-патриотические и историко-публицистические. Лишь со второй половины XIX в. они начинают входить в круг занятий научной археографии, чему способствовали и успехи исторической науки в области изучения нового периода русской истории, в том числе и самой эпохи 1812 г., и расцвет исторической журналистики.

Как бы то ни было, но бо̀льшая часть публикаций мемуаров, специально ей посвященных, – 65% – приходится на вторую половину XIX – начало XX в., тогда как на дореформенное время – всего 35% от общего числа их публикаций за дореволюционный период[13]. Такое положение вещей в общих чертах представляется вполне объяснимым. Здесь имели значение и замедленные вообще темпы введения в оборот воспоминаний и дневников как источников личного происхождения, и необычайно стойкий в России в течение всего дореволюционного периода интерес к эпохе 1812 г. Но при том надо принять во внимание и некоторые другие обстоятельства: улучшение в результате реформ 1860-х годов и смягчения цензурных стеснений общих условий публикации исторических документов, и возможность после смерти Николая I касаться в печати ранее запретных сторон недавнего прошлого, и постепенное открытие для исследователей и археографов государственных архивохранилищ, частных собраний, личных архивов очевидцев событий того времени и их потомков. Уход из жизни поколения участников войн 1812–1814 гг. (в большинстве своем они сошли в могилу еще к 60-м годам XIX в., до 80-х же годов дожили буквально единицы) позволил снять до известной степени преграды и чисто этического свойства, допустив на страницы печати такие произведения, которые ранее, при жизни деятелей той эпохи, болезненно затронули бы их военную и личную репутацию.

Особенно большой размах публикции мемуарных памятников по 1812 году обретали в периоды повышенного общественного внимания к событиям того времени – в 1830-е, в 1860-е годы и в начале XX в., когда в связи с подготовкой 100-летнего юбилея Отечественной войны усилиями отдельных ученых, государственных архивов, военно-исторических обществ, губернских архивных комиссий по всей стране развернулась целенаправленная работа по выявлению и обнародованию источников на данную тему.

Именно тогда появляются первые (и остававшиеся до последнего времени единственными) мемуарные антологии по 1812 году – публикаторская практика XIX в. изданий такого типа не знала. Если отвлечься от публикаций популярного характера, включавших в себя ранее напечатанные произведения[14], то следует указать на два издания, сохраняющие и поныне свое научное значение.

Оба были основаны на богатейшей коллекции мемуарных источников по эпохе 1812 г., составленной в 1830-х – 1840-х годах официальным военным историком А.И. Михайловским-Данилевским. В годы наполеоновских войн видный сотрудник главной квартиры русской армии, приближенный к М.И. Кутузову и начальнику Главного штаба П.М. Волконскому, находившийся в самом центре принятия ответственных военно-политических

решений, он рано осознал свое призвание стать в будущем мемуаристом и "историографом" Отечественной войны и еще в первые послевоенные годы начал собирать свою коллекцию. Однако сложилась она главным образом в процессе сбора материалов для порученного Михайловскому-Данилевскому Николаем I труда по созданию монументальных описаний кампаний 1812, 1813 и 1814 гг. С этой целью он обратился ко множеству их участников – к генералам, офицерам, партизанам, частным лицам – с просьбой доставлять их записки о том времени или записывать еще не закрепленные письменно воспоминания. Для этого же он разослал по губерниям циркулярные письма со специально разработанной анкетой по разысканию всякого рода сведений о "незабвенном 1812 годе" в гражданской среде – у чиновников, лиц духовного звания, провинциальных дворян, горожан и т.д. Если принять во внимание и таким путем полученные материалы, то коллекция Михайловского-Данилевского составит многие десятки произведений, – ее следует признать крупнейшим собранием мемуарных источников по эпохе 1812 г., которое прочно вошло в русскую историографию XIX–XX вв., – и поныне ни один серьезный исторический труд об этой эпохе немыслим без использования указанной коллекции. Однако в его собственных "Описаниях" кампаний 1812, 1813 и 1814 гг. ее материалы были введены в научный оборот лишь отчасти, позднее, уже на рубеже 1850–1860-х годов, их привлек для своих "Историй" тех же кампаний другой крупный военный историк, М.И. Богданович – и тоже частично. Так или иначе, но до конца XIX в. сами эти ценнейшие мемуарные рукописи, хранившиеся при жизни Михайловского-Данилевского в его громадном личном архиве, после смерти переданные в архив Военно-топографического депо, а затем поступившие в фонд Военно-ученого архива (ныне в РГВИА), почти не публиковались[15].

И вот в преддверии юбилея Отечественной войны видный военный специалист, генерал-лейтенант, профессор Академии Генерального штаба В.И. Харкевич, автор нескольких монографий о 1812 г., составил из этих рукописей сборник, в начале XX в. изданный в 4-х выпусках. Вошедшие сюда дневники и воспоминания русских генералов и офицеров – участников Отечественной войны в составе 1-й и 2-й Западных армий (Вып. I и II), Отдельного корпуса П.Х. Витгенштейна (Вып. III) и армии П.В. Чичагова (Вып. IV) – были ограничены в основном сугубо военной стороной событий 1812 г.[16]

Подобный же, но тематически еще более узкий характер, имел сборник, изданный известным военным историком начала XX в. К.А. Военским, – в его основе лежали хранившиеся в коллекции Михайловского-Данилевского воспоминания участников Березинского сражения, не напечатанные Харкевичем[17].

Но начало XX в. оказалось и временем последнего подъема публикаторских усилий в области мемуаристики 1812 г.

Последовавшая вскоре первая мировая война, а затем потрясения революции 1917 г. и гражданской войны резко преломили в этом отношении ситуацию. Разрушение тысяч помещичьих усадеб и дворянских особняков в городах с их бесценными семейными архивами, приостановка прежней деятельности старейших научных и издательских центров в

сфере истории, архивных учреждений и исторических обществ на местах, гонения на выходцев из дворянских слоев, образованное офицерство и интеллигенцию – носителей исторической памяти общества, изгнание за рубеж вместе с гигантским выбросом эмиграции лучших культурных сил страны, оттеснение на периферию еще остававшихся в ней высококвалифицированных кадров историков, археографов, архивистов, библиографов и вместе с тем диктат марксистской доктрины в ее предельно извращенном в духе вульгарного социологизма варианте и с ее однобоким интересом к классовой борьбе, революционному движению, экономической истории, наконец, преследование всякого научно-идейного инакомыслия – все это решительно исключало сколь-нибудь плодотворное изучение остальных сторон русского исторического процесса и надолго пресекло возможность публикации мемуарного наследия старой России, в том числе и оставленного эпохой 1812 г. Тем более, что в изучении общественной жизни и общественной мысли XIX – начала XX в. возобладала революционно-центристская тенденция, прочно заслонившая все иные их проявления, а военно-историческая тематика всячески третировалась как монархическая и реакционная.

Естественно, что в этих условиях систематические поиски в архивах свежих мемуарных источников по эпохе 1812 г. не проводились, а их тексты почти не попадали на страницы печати. Так, за 1920-е – 1930-е годы вышла в свет всего одна публикация воспоминаний о 1812 г.[18]

Возрождение во второй половине 1930-х годов и особенно в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. интереса к национально-освободительным традициям и военной истории России, повлекшее за собой выход ряда важных исторических изданий, в деле освоения мемуарного наследия 1812 г. не привело к каким-либо сдвигам. Ничего существенного не дал в этом отношении даже 150-летний юбилей Отечественной войны, вызвавший целый поток исторических исследований и документальных публикаций. В связи с юбилеем увидели свет лишь три неизвестных ранее отрывка из воспоминаний о 1812 г. (причем два из них – на страницах газет)[19] и было осуществлено издание походных записок за 1812 и 1813 гг. близкого к будущим декабристам офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина – плод не столько планомерных поисков, сколько случайной и счастливой находки[20].

В результате затухания в течение шести с лишним десятилетий после революции публикации новых мемуарных памятников по 1812 г. стало складываться впечатление, что фонд из рукописей был практически исчерпан еще в начале XX в. На истощение в этом смысле "золотоносной" жилы архивов указывалось еще по поводу выхода сборника В.И. Харкевича[21]. Всякому, кто был тогда знаком с состоянием вопроса и мало-мальски следил за появлением в печати дневников и воспоминаний по 1812 году, не мог не броситься в глаза весьма высокий удельный вес среди них повторных публикаций. В самом деле, если на 1812–1839 гг. приходилось 26% повторных публикаций от всех мемуарных публикаций в пределах этого периода, то в 1900–1916 гг. соответственно – уже 49%. На эти же годы падает 35% повторных публикаций от общего их числа за весь дореволюционный период, начиная с 1812 г. Не мог не обратить на себя внимания и факт многократного воспроизведения одних и тех же

мемуарных памятников на основе не просто перепечатки прежде изданных текстов, а нового обращения к тем самым рукописным оригиналам, по которым они уже были опубликованы. Все это было, конечно, признаком не только устойчивого интереса к мемуарам о 1812 г. и недостаточной, возможно, осведомленности историков в предшествующих изданиях, но и, действительно, высокой степени исчерпанности резерва имевшихся в наличии мемуарных рукописей[22].

Отсюда же возникло убеждение в том, что в наши дни о широком введении в общественно-историографический оборот свежих мемуарных источников по эпохе 1812 г. не может быть и речи, что ожидать каких-либо открытий здесь уже не приходится и что уделом историков и публикаторов остается лишь перепечатка ранее изданных произведений. Такое убеждение господствовало, однако, до той поры, пока в русле общего оживления в 1970-х годах источниковедческих изучений по отечественной истории не было предпринято специальное источниковедческое исследование мемуаристики 1812 г. как составной части русской мемуарной культуры. Его результаты, изложенные в нашей цитированной выше монографии "1812 год и русская мемуаристика", показали, прежде всего, что представление об исчерпанности к началу нынешнего столетия фонда не приведенных в известность мемуарных рукописей по эпохе 1812 г. было верно лишь отчасти применительно к тем из них, которые к исходу дореволюционного периода находились в государственных и ведомственных архивах, библиотеках и музеях национального значения, хотя и тогда в их тайниках продолжали храниться отдельные мемуарные рукописи, в XIX в. и даже начале XX в. не имевшие шансов увидеть свет по цензурно-политическим соображениям. Что же до мемуарных рукописей, остававшихся за пределами названных учреждений, то на них указанное выше представление никак не могло быть распространено.

Дело в том, что подобного рода рукописи в немалом числе и до и после 1917 г. хранились, оставаясь никому не ведомыми, в семейных бумагах самих мемуаристов, у их потомков, друзей, духовных наследников (не считая тех, что были вывезены в эмиграцию), в рукописном отделе Библиотеки Зимнего дворца (т.е. принадлежавшие царской семье). Значительная их часть находилась у историков и редакторов исторических журналов (М.П. Погодина, П.И. Бартенева, В.И. и М.И. Семевских, С.П. Мельгунова), в составленных в конце XIX – начале XX в. частных коллекциях известных русских собирателей памятников старины (П.И. Щукина, А.А. Титова, Е.В. Барсова) и в образованном тогда же в связи с подготовкой 100-летнего юбилея Отечественной войны Особом комитете по устройству Музея 1812 г.

И только на рубеже 1910-х – 1920-х годов, когда публикации мемуарных источников по эпохе 1812 г. фактически прекратились и интерес к ним историков заметно поостыл, а остатки вздыбленных революцией и гражданской войной дворянских архивов и частных собраний начали оседать в советских государственных архивах, библиотеках, музеях, здесь стали скапливаться и эти рукописи, причем они продолжали поступать сюда и в последующем – вплоть до самых недавних лет. Надо, однако, учитывать, что в большинстве своем они были обработаны, описаны и

каталогизированы лишь в последние десятилетия и только с конца 1830-х годов сведения о них начинают проникать в справочную архивоведческую литературу – в обзоры фондов и отдельных поступлений, в аннотированные указатели мемуарных источников и материалов по Отечественной войне, в путеводители по архивам и т.д. Точности ради надо сказать, что некоторые из мемуарных рукописей, поступивших на государственное хранение уже в советское время, были известны еще до революции по отдельным упоминаниям о них в печати и по ссылкам на них в трудах официальных историографов А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, Н.К. Шильдера (главным образом на рукописи из коллекции Военно-ученого архива), но другим ученым во второй половине XIX – начале XX в. они были, как правило, недоступны – ни в целях их изучения, ни для опубликования.

Отталкиваясь от указанных выше архивоведческих пособий, в ходе работы над названной выше монографией было выявлено в разных архивах более 40 неизвестных или забытых мемуарных рукописей по эпохе 1812 г., и, кроме того, суммированы разбросанные в источниках свидетельства о существовании в свое время еще 37 мемуарных произведений, впоследствии затерянных или вовсе утраченных[23].

Это дало новый стимул продолжению работ в данной области. В преддверии исполнявшегося в 1987 г. 175-летнего юбилея Отечественной войны на базе вновь обнаруженных рукописных материалов было решено подготовить сборник неопубликованных воспоминаний и дневников: "1812 год глазами современников" – первую в советской историографии публикацию такого профиля – и с этой целью заново фронтально обследовать фонды центральных архивов, рукописных отделов библиотек, музеев и научных учреждений, где могли бы еще находиться подобного рода мемуарные рукописи. Такое обследование, проведенное в 1983–1984 гг. Институтом российской истории РАН (ранее: Институт истории СССР АН СССР) совместно с сотрудниками одиннадцати крупнейших архивохранилищ Москвы и Ленинграда, оказалось достаточно плодотворным. В общей сложности в 1970-х – первой половине 1980-х годов было выявлено около 80 неизвестных или известных ранее лишь частично воспоминаний и дневников по эпохе 1812 г., не считая записей о ней в некоторых более протяженных по хронологическому охвату дневниках*.

---

* См., например, "Записные книжки" за 1807–1830-е годы графа С.П. Румянцева с дневниковыми записями 1812–1814 гг. (ОР РНБ. Ф. 655. № 49–51), дневник за 1808–1822 гг. сотрудника русского посольства в Берлине С.Ф. Лашкарева с записями за 1812–1814 гг. (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 723). Здесь же хранятся богатейшие по своим сведениям о политической, военной, придворной, светской, литературной жизни дневники князя Л.И. Голенищева-Кутузова – председателя Ученого комитета морского министерства, члена Российской академии, ближайшего родственника М.И. Кутузова. Он вел их на французском языке (с небольшими перерывами) с 1806 по 1843 г. тщательно и педантично, почти изо дня в день, посвящая каждому году отдельную тетрадь примерно в 200 страниц убористого текста. Записи за период 1812 г. и заграничных походов, особенно интересные и содержательные, занимают, таким образом, около 600 страниц и заслуживают, как, впрочем, и дневники Л.И. Голенищева-Кутузова в целом, самостоятельной публикации. Единственные появившиеся в печати извлечения из них – записи за 1836 г., раскрывающие подоплеку оживленной полемики в русской печати вокруг пушкинского "Полководца"[24].

При формировании из этих мемуарных рукописей состава сборника "1812 год глазами современников" принимались во внимание их общая историко-культурная ценность, познавательно-историческое значение для изучения эпохи 1812 г. и, конечно же, их литературно-повествовательные достоинства. Предпочтение отдавалось воспоминаниям и дневникам с ярко выраженным общественным звучанием, причем произведения частного характера, представлявшие лишь специальный военно-исторический интерес, как правило, не включались. Остались также за пределами сборника и некоторые весьма пространные по объему и сложные по характеру написания мемуарные рукописи, которые нуждаются в предварительном текстологическом изучении и должны были бы стать предметом отдельных изданий. Таковыми являются, например, насыщенные общественно-бытовыми и военно-политическими наблюдениями дневники знаменитого русского мемуариста, писателя и ученого второй половины XVIII – первой трети XIX в. А.Т. Болотова – так называемые "Исторический журнал 1812 г." (241 с.) и "Исторический журнал 1813 г." (185 с.), до сих пор остающиеся мало известными и не привлекшие к себе внимания исследователей (ОР РНБ. Ф. 89. № 41, 42).

Но и при столь строгом отборе в сборник вошло 30 с лишним мемуарных произведений общим объемом более 50 а.л., включая обширный научно-справочный аппарат[25]. К лету 1985 г. сборник "1812 год глазами современников" (ответственный редактор А.Г. Тартаковский) был подготовлен и утвержден к печати Ученым советом Института российской истории РАН.

Материалы сборника, разносторонне и в свежем ракурсе освещавшие эпоху 1812 г. как в ее собственно военных, так и социально-политических аспектах, в том числе и ранее скрытые, намеренно замалчивавшиеся стороны военно-общественной жизни того времени, значительно обогатили источниковую базу темы 1812 г. в современной историографии и позволяли с новых позиций подойти к ее историческому изучению[26].

Вскоре, однако, выяснилось, что ввиду издательских трудностей выход в свет сборника в таком объеме и в назначенный срок невозможен*. Пришлось поэтому пойти по пути разукрупнения состава сборника по жанровому и фондовому принципам и публикации его произведений отдельными частями. Прежде всего был выделен комплекс дневников за 1812–1814 гг. русских генералов и квартирмейстерских офицеров (Н.Д. Дурново, Д.М. Волконского, В.В. Вяземского, И.П. Липранди, А.А. Щербинина, А.И. Михайловского-Данилевского), выпущенный в 1990 г. издательством "Советская Россия" отдельной книгой: "1812 год... Военные дневники"**. Были вычленены и произведения сборника из фондов ОПИ ГИМ. Их собственно мемуарные тексты (воспоминания офицеров

---

* Некоторые материалы сборника (отрывки из дневников Д.М. Волконского, Н.Д. Дурново за 1812 г., "Выписки из дневника 1812 года, сентября 3 и 4 дня" И.П. Липранди, воспоминания М.А. Милорадовича "О сдаче Москвы") в юбилейном, 1987, году были напечатаны с нашими пояснениями в журнале "Знамя" (№ 8).

** Составление и вступительная статья А.Г. Тартаковского. Подготовка текста произведений, преамбулы к ним и примечания Л.И. Бучиной, А.М. Вальковича, Ф.А. Петрова, В.Н. Сажина, А.Г. Тартаковского, С.В. Шумихина.

Г.П. Мешетича, М.М. Петрова, И.Р. Дрейлинга, ополченца И.М. Благовещенского, однодворца-солдата М.А. Богданчикова) вышли в свет в 1991 г. в издательстве "Мысль": "1812 год. Воспоминания воинов русской армии"*. Семь дневников за 1813–1815 гг. из этих же фондов (Ф.Ф. Шуберта, А.А. Лёхнера, А.Д. Черткова, И.Ф. Соловьева) были напечатаны в выпущенном в 1992 г. издательством "Терра" документальном издании "1812–1814. Из собрания Государственного Исторического музея" – "Дневники офицеров русской армии" (С. 315–487)**.

Предлагаемый ныне вниманию читателя свод воспоминаний представляет собой последнюю часть сборника вновь выявленных мемуарных рукописей по эпохе 1812 г., завершая, таким образом, их публикацию***.

Далее мы лишь кратко остановимся на этом своде воспоминаний, поскольку более подробно об их содержании, источниковедческом значении, их рукописной истории, биографии и общественно-политическом облике авторов сказано в предпосланных каждому произведению преамбулах и в примечаниях в конце книги. Отсылая к ним читателя, постараемся выявить здесь некоторые общие черты публикуемых здесь воспоминаний – именно как свода, как определенной совокупности мемуарных памятников.

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть, что данный свод (равно как и остальные упомянутые только что публикации вновь выявленных мемуарных источников по эпохе 1812 г.), в отличие от изданных в начале XX в. мемуарных антологий В.И. Харкевича и К.А. Военского, основанных на одной, задолго до того сформировавшейся компактной коллекции, явился результатом целенаправленных разысканий мемуарных рукописей во множестве архивных фондов и коллекций, которые в таких масштабах ранее никогда не проводились. Данное обстоятельство, несомненно, повышает представительность вновь публикуемых мемуарных материалов.

В отличие от этих антологий, настоящий свод воспоминаний не замкнут и на чисто военной стороне событий одного 1812 г. как с точки зрения состава их авторов, так и по своей тематике. В нем раскрываются взгляды, мнения, оценки, впечатления не только профессионально-военных людей, участников боевых действий, но и широкого круга гражданских

---

* Составители Ф.А. Петров, А.К. Афанасьев, Л.И. Смирнова, Н.Б. Быстрова, Н.Л. Зубова, М.В. Фалалеева; вступительная статья Ф.А. Петрова.

** Составители, авторы вступительных статей и комментариев А.К. Афанасьев, Н.Б. Быстрова, Н.Л. Зубова, Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева, А.Д. Яновский. Кроме того, дневники А.Д. Черткова были перепечатаны в кн.: Тр. Государственного Исторического музея. М., 1993. Вып. 83. Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Ч. XII. С. 81–113.

*** Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно о неопубликованных, хранившихся доселе в архивах мемуарных рукописях, а не о переизданиях в составе тематических сборников популярного характера уже опубликованных в свое время воспоминаний об эпохе 1812 г. Несколько таких переизданий, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, было выпущено в связи со 175-летним юбилеем Отечественной войны. Наиболее содержательное из них – сборник "России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев" (М., 1988). Сюда вошли, главным образом в отрывках, наряду с хорошо известными мемуарами (А.П. Ермолова, Д.В. Давыдова, С.Н. Глинки), тексты давно забытых, затерянных на страницах редких изданий мемуарных записок современников той эпохи.

жителей самого различного сословного положения; освещается их *отношение* к ключевым событиям войны, *преломление* в сознании русского общества "грозы 12 года" как цельной исторической эпохи и десятилетия спустя после ее завершения.

17 вошедших в настоящее издание мемуарных произведений – памятники первоклассного исторического значения, в ряде случаев уникальные и по своему происхождению, и по познавательной ценности своих свидетельств. Важно, что, взятые в целом, они адекватно отражают жанровую структуру и наиболее существенные черты развития мемуаристики 1812 г., как она исторически складывалась на протяжении XIX в.

Диапазон входящих в ее состав произведений весьма широк. Это не только традиционные собственноручно-авторские повествования, но и воспоминания в форме иных видов источников, что вообще характерно для мемуаристики XIX в. с ее расширяющейся тенденцией к проникновению в смежные жанры. Речь идет о "мемуарных записях" – зафиксированных письменно устных рассказов "старожилов" 1812 г. другими лицами, о частных письмах с припоминаниями о событиях того времени, о деловых записках служебного назначения, подававшихся в те или иные учреждения с оправдательными целями или ради освещения каких-то особо важных эпизодов 1812 г., наконец, о мемуарно-критических заметках на всякого рода труды об Отечественной войне. В материалах настоящего сборника представлен чуть ли не весь спектр этих жанровых форм.

Мы видим здесь осуществленную всего через несколько лет после войны запись А.И. Михайловским-Данилевским рассказа генерала М.А. Милорадовича о неизвестных до того обстоятельствах оставления Москвы русскими войсками в 1812 г. (№ 5) и рассказ крепостного Московской губернии о партизанской борьбе крестьян против французов, записанный почти полвека спустя его внуком (№ 14), и еще более далеко отстоявшую от 1812 г. запись сыном известного военного историка А.В. Висковатова – К.А. Висковатовым припоминаний о М.Б. Барклае де Толли одного из ближайших сотрудников его штаба А.Л. Майера (№ 17). Как личное письмо к А.В. Висковатову построены воспоминания о М.Б. Барклае де Толли другого близкого к нему лица, доктора М.А. Баталина (№ 13). В эпистолярную форму облечены и "Мелкие эпизоды из виденного и слышанного..." – воспоминания о Москве в 1812 г. выходца из купеческого сословия Е.А. Харузина, начинающиеся с обращения автора к историку М.П. Погодину (№ 15). По всем канонам официальной деловой записки на имя экзекутора московской Управы благочиния С.А. Андреева составлен в 1836 г. мемуарный, в сущности, рассказ следственного пристава П.И. Вороненко о том, что происходило в Москве при вступлении в нее французов (№ 7).

Однако даже традиционные по форме авторские воспоминания, включенные в настоящий сборник, весьма разнообразны по манере повествования, приемам составления, по своему объему и масштабам изображения военной действительности эпохи 1812 г. Некоторые из них имеют своим первоисточником поденные записи, веденные еще в ходе самих событий, хотя мера выраженности дневникового начала в разных произведениях далеко неодинакова. Так, в "Записках о военных действиях 1812 года"

московского купца Н.Ф. Котова оно выступает на поверхность, составляя существенный элемент их структуры (№ 2), в "Записках московского жителя, живущего в Запасном дворце" (№ 4), в "Походных записках" И.Ф. Паскевича (№ 8) и воспоминаниях К.И. Теннера (№ 12) дневниковое начало только угадывается, причем относительно последних мы располагаем точными данными о существовании предшествовавшего им, веденного еще в ходе войны, дневникового "Журнала". Но в значительной своей части мемуарные сочинения настоящего сборника написаны в основном по памяти, иногда с корректировкой ее военной и иной документацией эпохи и сведениями, почерпнутыми из исторических трудов. Наряду с весьма обширными воспоминаниями, освещающими целые периоды кампании 1812 г. или ключевые, стратегически важные, переломные вехи ее истории, здесь присутствуют и краткие очерки о частных эпизодах, и небольшие описания быта мирного населения в условиях неприятельской оккупации, и мемуарные зарисовки облика отдельных военачальников. С точки зрения полноты охвата военной жизни эпохи исключение составляют "Мои воспоминания" Д.В. Душенкевича (№ 9), заключающие в себе связный рассказ о кампаниях 1812–1815 гг. в целом.

Весьма существенны наблюдения над возрастом авторов публикуемых в сборнике произведений. Выше мы отмечали, что мемуарная традиция 1812 г. берет свое начало еще в летне-осенние месяцы того же года и завершается в 1911 г., растянувшись, таким образом, на целое столетие. В рамках данной традиции, заключающей в себе несколько этапов исторического осмысления русским обществом опыта и наследия 1812 г., явственно прослеживается процесс смены нескольких поколений, – и материалы сборника наглядно это демонстрируют.

Если не считать автора одной из ранних мемуарных записок – чиновника Московского Воспитательного дома Х.Х. Христиани, родившегося еще в конце 1740-х годов, почти ровесника М.И. Кутузова, застигнутого войной, по тем временам, уже более чем в преклонных годах (№ 3), то остальные мемуаристы сборника четко делятся на три поколения.

Первое поколение – участники войн с Наполеоном двух возрастных слоев. Один представлен людьми, родившимися в 1770-х и 1780-х годах, воспитанными под влиянием идейных, психологических, бытовых устоев екатерининского времени, хотя в зависимости от своего социокультурного статуса усваивавшими их в разной степени. Война застала их вполне зрелыми людьми с прочно сложившимися взглядами на политику и современную им жизнь (И.А. Адлер, М.А. Милорадович, П.И. Вороненко, М.А. Баталин, А.Н. Сеславин, И.Ф. Паскевич, К.И. Теннер, Н.Ф. Котов). Другой возрастной слой – мемуаристы, появившиеся на свет в 1790-х годах и вступившие в войну молодыми офицерами, для которых 1812 г. был самым сильным, самым жгучим потрясением жизни, оставившим неизгладимый отпечаток на их воззрениях и нравственном складе. Это поистине "дети 1812 года", если понимать данный термин не в идеологическом, а в более обширном – "поколенческом" – его значении (в материале нашего сборника людей данного возрастного слоя совсем немного: Д.В. Душенкевич, возможно, анонимный автор записки "Бедственная переправа французской армии через р. Березину" – № 11)

Представителям этих двух генераций поколения деятелей 1812 г. принадлежит большинство публикуемых произведений.

Теперь, когда иссякают воспоминания участников Отечественной войны и заграничных походов и естественно повышается ценность любых свидетельств о них очевидцев, усиливается интерес к воспоминаниям *второго поколения* мемуаристов – младших современников 1812 г., которых война застала в детском и отроческом возрасте. Именно 1870-е годы отмечены целенаправленными поисками людей, хоть что-то еще помнивших о том времени, а в русской печати появляется немало их воспоминаний, записанных (или продиктованных) авторами уже на склоне лет. В настоящем издании всего два таких произведения – "Мелкие эпизоды из виденного и слышанного..." Е.А. Харузина (№ 15) и "Воспоминания старожила..." И.Е. Голдинского (№ 16), богатые живыми приметами эпохи, донесшие и по прошествии 60 лет непосредственность впечатлений от наполеоновского нашествия.

Присутствуют в публикации, наконец, и самые отдаленные "мемуарные отголоски" 1812 г., исходившие от последнего, *третьего поколения* мемуаристов, – людей, родившихся много лет спустя после Отечественной войны и включавших в свои мемуарные очерки второй половины XIX – начала XX в. рассказы о ней старших по возрасту свидетелей событий. Характерным образцом этой категории является в настоящей публикации упомянутая выше запись К.А. Висковатовым устных рассказов о М.Б. Барклае де Толли сотрудника его штаба в походах 1812–1813 гг. А.Л. Майера.

Если ограничиться в составе публикации воспоминаниями традиционного типа, литературно оформленными и написанными с явно выраженной мемуарной установкой, то мы не всегда можем судить о конкретных целях их создания, – авторы об этом часто умалчивают. Неясно, в частности, предназначались ли они для текущей печати или были обращены к потомкам, писались ли для себя и детей или для чтения в узком дружеском кругу.

Некоторые из побудительных мотивов создания воспоминаний могут быть прояснены в свете установленного выше факта оживления в определенные периоды общественно-исторических интересов в России к эпохе 1812 г. Уже в первые послевоенные годы, когда память о них была особенно свежа и злободневна в общественном сознании, данная тенденция обнаруживалась достаточно отчетливо – на эти годы приходится пять публикуемых в сборнике произведений (№ 1–5). Показательны здесь в этом отношении вступительные слова к "Запискам о военных действиях 1812-го года" Н.Ф. Котова, где он прямо признает, что начинает их писать под непосредственным влиянием только что минувших событий, движимый стремлением сохранить в памяти "ужасное время" французского нашествия.

То же было и в 1830-х годах, когда наблюдался новый подъем исторических интересов к Отечественной войне. Создание тогда и в самом начале следующего десятилетия шести публикуемых ныне воспоминаний (П.И. Вороненко, И.Ф. Паскевича, К.И. Теннера, Д.В. Душенкевича, А.Н. Сеславина – № 10, записки "Бедственная переправа...") прямым или

опосредованным образом связано с этим подъемом и с активными усилиями А.И. Михайловского-Данилевского по собиранию всякого рода записок участников войн начала столетия.

Для конца 1850-х – 1860-х годов такое же побудительное значение имело издание "Истории Отечественной войны 1812 г." М.И. Богдановича, историко-критических трудов И.П. Липранди и, конечно же, "Войны и мира" Л.Н. Толстого, вызвавших бурную реакцию в печати.

С выходом в свет толстовского романа связан новый, правда весьма недолгий, всплеск интересов русской общественности к эпохе 1812 г. Роман породил острую полемику, множество критических отзывов в прессе, затронувших его не только художествено-повествовательные и идейные, но и исторические аспекты[27]. В полемику включились и немногие дожившие до того времени ветераны 1812 г. – П.А. Вяземский, А.С. Норов, А.А. Щербинин, оценившие толстовскую эпопею с консервативных в социально-идеологическом и литературном плане позиций и с разной степенью осведомленности в реальных обстоятельствах эпохи.

В этой связи мы хотели бы привлечь внимание еще к одному мемуарному отклику на "Войну и мир". Речь идет о воспоминаниях о Бородинском сражении инженерного офицера Д.И. Богданова, написанных им в 1869 г. – уже в преклонном возрасте и в генерал-лейтенантском чине. В течение долгого времени они были фактически преданы забвению, только в 1952 г. к ним впервые обратился Е.В. Тарле, а в 1962 г. небольшой из них отрывок увидел свет в юбилейном сборнике о Бородине. Сохранились две авторизованные копии воспоминаний Богданова, удостоверенные его подписью: одна – в коллекции материалов по истории войн 1812–1814 гг. в РГВИА, другая, более полная, в рукописном отделе Библиотеки Зимнего дворца в ГАРФ. Это ценный мемуарный источник, освещающий ряд специальных вопросов подготовки и хода Бородинского сражения, непременно должен быть опубликован полностью и с развернутым военно-историческим комментарием. В плане же затронутой выше темы отметим здесь, что в своих воспоминаниях Богданов упоминает толстовский роман в связи с критической статьей в его адрес в газете "Голос" (1868. № 83), которая и послужила Богданову отправной точкой для полемики с современными историческими трудами о Бородинском сражении. Уже одно это не позволяет исключить его воспоминания из круга мемуарных откликов ветеранов 1812 г. на роман Толстого, тем более что в воспоминаниях содержится целый пласт сведений, уточнявших и дополнявших, с позиций участника событий, фактическую канву описания в "Войне и мире" знаменитой битвы[28].

Как бы то ни было, но на периоды повышенного общественного внимания к эпохе 1812 г. (т.е. на первые послевоенные годы, 1830-е годы и конец 1850-х – 1860-е годы) приходится основная часть публикуемых в сборнике воспоминаний.

Вместе с тем нельзя не отметить немалой роли в их создании на этой, уже нисходящей стадии развития мемуаристики 1812 г., историков и издателей журналов (А.В. Висковатова, М.П. Погодина, М.И. Семевского). Именно по их непосредственной инициативе или в связи с их деятельностью по обнародованию мемуарных памятников возникли публи-

куемые ныне воспоминания М.А. Баталина о М.Б. Барклае де Толли, анонимная записка "Бедственная переправа...", воспоминания Е.А. Харузина и И.Е. Голдинского.

Что касается социально-профессионального положения авторов в событиях эпохи 1812 г., то в сборнике можно выделить три группы материалов.

Воспоминания *военачальников* 1812 г. Надо сказать, что изданные до сих пор произведения этого ранга не столь уже многочисленны. Более или менее связные повествования об Отечественной войне в целом оставили только А.П. Ермолов и Л.Л. Беннигсен. М.Б. Барклаю де Толли принадлежит описание лишь первого периода кампании (до его отъезда из армии 22 сентября). Не разысканы существовавшие в свое время и, вероятно, обширные записки о 1812 г. К.Ф. Толя и П.П. Коновницына – от последнего дошли до нас лишь беглые мемуарные наброски. Подобные отрывочные наброски дошли и от некоторых других генералов (например, П.В. Чичагова, Н.Н. Раевского, М.С. Воронцова). Но воспоминания о 1812 г. большей части русских генералов, командовавших тогда бригадами, дивизиями, корпусами и более крупными соединениями, не сохранились или, скорее всего, они вовсе не были написаны. На этом фоне несколько публикуемых "генеральских записок" не могут не быть оценены достодолжным образом.

Уникальный характер имеют обнаруженные в связи с подготовкой настоящего издания воспоминания М.А. Милорадовича – о мемуарном наследии этого прославленного военачальника 1812 г. до сих пор не было вообще никаких сведений в исторической литературе. Они сохранились, как уже отмечалось, в записи А.И. Михайловского-Данилевского в виде сюжетно законченного очерка о драматичнейшем эпизоде оставления Москвы 2 сентября 1812 г.

Весьма важны для истории начальных этапов Отечественной войны впервые публикуемые в полном своем объеме записки командира 26-й пехотной дивизии генерал-майора И.Ф. Паскевича о тяжком отступлении 2-й Западной армии, боях под Смоленском и Бородинском сражении. Ценное их дополнение – пометы И.Ф. Паскевича на полях рукописи воспоминаний К.И. Теннера. При всей краткости этих мемуарных маргиналий, они заключают в себе ранее неизвестные данные об участии 26-й дивизии, которой командовал Паскевич, в преследовании наполеоновских войск в первые дни после сражения под Малоярославцем. Вообще, публикация в настоящем сборнике записок Паскевича будет, мы надеемся, способствовать преодолению односторонне-критического отношения к нему нашей историографии и более объективной исторической оценке деятельности этого крупного русского военачальника первой половины XIX в.

Воспоминания *штабных и армейских офицеров* представлены в сборнике четырьмя произведениями (№ 9, 10, 11, 12). Они весьма различны по общей тональности повествования и соотношению описаний боевых действий, частных сторон военной жизни и походного быта.

В этом отношении заслуживают всяческого внимания пространные записки Д.В. Душенкевича – одного из самых, видимо, молодых участников

войны, вступившим в нее 15-летним юношей. Зачисленный накануне открытия военных действий в знаменитую впоследствии 27-ю пехотную дивизию генерала Д.П. Неверовского, Душенкевич прошел с ней все антинаполеоновские кампании – с лета 1812 г. до окончательного сокрушения военного могущества французского императора в 1815 г. Записки наполнены живыми и непритязательными подробностями армейских будней в условиях изнурительных маршей, опасных маневров, кровопролитных сражений. В них ясно выражен взгляд на происходившее офицеров низшего и среднего звена, подлинных тружеников войны, вынесших на своих плечах вместе с солдатами все ее тяготы. Но в них хорошо передано и восприятие событий 1812 г. солдатской массой, ее запросы, военная неустрашимость, "скрытая теплота" ее патриотических чаяний. Составленные вдумчивым, наблюдательным, начитанным и литературно, несомненно, одаренным офицером, в неторопливой и обстоятельной манере, лишенной каких-либо признаков казенно-выспренней риторики, записки Душенкевича проникнуты ощущением внутреннего достоинства и явно демократическим настроением. Вместе с опубликованными в сборнике "1812 год. Воспоминания воинов русской армии" обширными мемуарными повествованиями Г.П. Мешетича и М.М. Петрова и таким замечательным памятником русской военно-мемуарной прозы, как "Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год" И.Т. Радожицкого (они увидели свет еще в 1830-х годах), записки Душенкевича образуют в некотором роде "офицерский эпос" 1812 г.

В ряду офицерских записок сборника несколько особняком стоят написанные чеканным военным слогом, сжатые, но чрезвычайно емкие по содержанию воспоминания знаменитого партизана и адъютанта М.Б. Барклая де Толли в 1812 г. А.Н. Сеславина с впечатляющими свидетельствами о личности полководца и некоторых чертах его стоического характера. Они ценны еще и тем, что дословно воспроизводят собственные оценки Барклая клеветнических нападок на него в армии и при дворе летом 1812 г. При всем своем стилистическом своеобразии воспоминания Сеславина внутренне созвучны пушкинскому толкованию образа полководца.

Антибарклаевские настроения той поры, ропот в разных кругах общества на его отступательный образ действий отмечены, между прочим, по детским воспоминаниям, преданиям и слухам, и в записках престарелого И.Е. Голдинского, датируемых 1873 г., – это самые поздние по времени возникновения собственноручные мемуары настоящего сборника.

Исторически очень значимая группа его произведений – мемуарные записки *гражданских лиц демократического происхождения*: ремесленников, купцов, мелких чиновников, канцеляристов и т.д. Все они – москвичи и почти все пережили французскую оккупацию, рассказы о которой и составляют содержание их записок. Известные ранее воспоминания на эту тему выходцев из низов городского населения часто записывались еще в первые послевоенные годы. К этому времени относятся в основном и публикуемые ныне произведения, дополняющие ранее изданные новыми сведениями.

В записках Х.Х. Христиани и двух анонимных авторов за конец 1812–1813 г. (№ 1, 3, 4) с поражающими воображение подробностями и беспощадной правдивостью повествуется о том, что происходило в сентябре – начале октября 1812 г. в Воспитательном доме и Запасном дворце, – главных очагах сосредоточения московских жителей, спасавшихся от пожаров и насилий неприятельских войск. Тема французской оккупации развивается и в наивно-простодушных по тону, но исполненных подлинного трагизма воспоминаниях мебельного мастера И.А. Адлера, написанных несколькими годами позже (№ 6). Атмосфера анархии, всепожирающего огня, разгула грабежей и убийств вселяла в этих простых, ничем не защищенных, брошенных Ф.В. Ростопчиным на произвол французского вторжения, религиозных по складу своего миропонимания людей настроения почти эсхатологического свойства. Публикуемые записки, отразившие этот комплекс коллективных настроений, раскрывают и глубину *личных* переживаний москвичами постигшей город катастрофы, проникновенно переданных автором одной из записок после описания ужаса первых пожаров: "Душа моя совершенно колебалась между страхом и надеждою, напоследок слезы облегчили грусть мою, все сие должно было видеть, но описать слабое перо мое не в состоянии" (№ 1).

Тематически к этим запискам о московских событиях 1812 г. примыкают составленные 60 лет спустя по детским впечатлениям воспоминания 70-летнего выходца из той же социальной среды Е.А. Харузина. В них рассказывается в целом о тех же трагических эпизодах французской оккупации, но как разнятся они от этих возникших вскоре по освобождении Москвы, проникнутых чувством отчаяния и крайнего пессимизма, записок – и по углу зрения, и по мироощущению, и по составу фактических сведений, наконец, по стилю повествования, языку, речевой манере и т.д.!

Бедствия москвичей отразились и в "Записках о военных действиях 1812-го года" купца Н.Ф. Котова – это одни из немногих дошедших до нас (и хронологически самых ранних) купеческих мемуаров о 1812 г. Н.Ф. Котов успел выехать из Москвы 1 сентября, вернувшись сюда только в конце года, и внес в свои наполовину дневниковые, наполовину памятные записи слышанные им от московских беженцев и других лиц рассказы о положении занятого французами города, об их бесчинствах, о Наполеоне, о влиянии "английского посланника" на стратегические решения русского командования после Смоленска, о действиях Кутузова в период отхода к Москве, о том, что Ростопчин "казнил сына Верещагина", причем вполне достоверно известия причудливо перемежаются полувымышленными слухами. Вообще, в этого рода записках, вышедших в первые послевоенные годы из среды простонародья, быть может, более широко, чем в мемуарных источниках иного социального происхождения, присутствуют всевозможные мифические слухи, молва, анекдоты, иногда просто легендарного свойства, сближающиеся с преданиями фольклорного типа. Но зато в них и народная точка зрения на события 1812 г. выразилась куда как полнее.

В еще большей мере она проявилась в редчайших в мемуарной литературе об Отечественной войне воспоминаниях крестьянского происхож-

дения. В настоящем сборнике они представлены упомянутым выше "Воспоминанием о 1812-м годе" безымянного крепостного – участника крестьянского партизанского движения в Подмосковье, записанных в 1860 г. его внуком. Это едва ли не самые ранние из известных нам крестьянских мемуаров по эпохе 1812 г. Кстати, яркие эпизоды крестьянской вооруженной самодеятельности, связанные с действиями прославившегося в 1812 г. партизанского отряда Ермолая Четвертакова, запечатлены и в записках такого, казалось бы, далекого от крестьянского быта мемуариста, как квартирмейстерского капитана К.И. Теннера.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что наиболее значительные явления военно-политической жизни России 1812 г. в той или иной мере затронуты в воспоминаниях сборника. Что касается собственно военной стороны дела – стратегических замыслов командования, крупных сражений, хода боевых операций и т.д., то значение вновь публикуемых воспоминаний (особенно важны в этом плане "Походные записки" И.Ф. Паскевича и примыкающие к ним записки К.И. Теннера, воспоминания Д.В. Душенкевича) может быть должным образом оценено и уточнено специалистами по военной истории. Добавим только, что на их страницах предстает целая плеяда прославленных военачальников эпохи 1812 г. Не говоря уже о М.Б. Барклае де Толли, который является главным действующим лицом трех публикуемых ниже мемуарных записок, и о М.А. Милорадовиче и И.Ф. Паскевиче, выступающих здесь как авторы, материалы сборника содержат свежие и ценные свидетельства о М.И. Кутузове, П.И. Багратионе, А.П. Ермолове, Н.Н. Раевском, Д.С. Дохтурове, К.Ф. Толе, Д.П. Неверовском.

С точки зрения освещения военно-общественной жизни эпохи незаурядный интерес представляет полнокровное отражение в публикуемых воспоминаниях московских событий 1812 г. – одной из центральных тем русской мемуарной литературы об Отечественной войне. Помимо того, что им специально посвящено восемь воспоминаний сборника (№ 1–7, 15), о положении Москвы в военных обстоятельствах того времени с той или иной степенью подробности идет речь еще в двух произведениях (№ 9, 13), т.е. почти две трети его состава отразили эту тему. Не повторяя сказанного, отметим, например, новые оттенки, штрихи и фактические сведения о деятельности столичной администрации и самого Ф.В. Ростопчина, об оставлении города русскими войсками и вступлении в него французов и, конечно, о причинах московского пожара. Трудно переоценить поэтому значение впервые публикуемой в сборнике в полном составе текста записки следственного пристава П.И. Вороненко, из которой совершенно неоспоримо выявляется решающая роль Ростопчина в возникновении первых поджогов города, а следовательно, и в том гигантском размахе и силе, которых достигли охватившие город в первые сентябрьские дни 1812 г. пожары. Записка Вороненко, подтверждаемая рядом достоверных источников, в том числе и позднейшими воспоминаниями дочери Ростопчина – Н.Ф. Нарышкиной, позволяет приблизиться к решению одного из самых острых и спорных вопросов истории 1812 г., оставившим, как известно, глубокий след в историческом сознании русского общества[29].

Касаясь в историческом аспекте общественно-политической стороны содержания сборника, нельзя не признать, что в нем как будто бы не нашла своего отражения тема зарождения декабризма, на его страницах мы не видим громких имен представителей передовой офицерской интеллигенции, получивших впоследствии широкую известность благодаря участию в декабристском движении. Правда, одно декабристское имя мы все-таки встречаем среди персонажей, включенных в сборник воспоминаний. Это 14-летний сын Х.Х. Христиани, автора не раз упомянутой выше записки, – Василий Христиани, отважно боровшийся, по свидетельству отца, с поразившим Московский Воспитательный дом огнем (№ 3). В конце 1810-х годов поручик по квартирмейстерской части, преподаватель известного московского училища колонновожатых – рассадника передовой дворянской молодежи, В. Христиани, как вспоминал декабрист Н.В. Басаргин, был принят в Союз благоденствия[30]. Но дело, разумеется, не в тех или иных декабристских персоналиях. Гораздо важнее, что всем богатством своих наблюдений над военно-общественной ситуацией 1812 г. воспоминания сборника подводят нас к более конкретному пониманию истоков тех социальных умонастроений и нравственно-психологических предпосылок, которые впоследствии привели к вызреванию на русской национальной почве освободительных идей.

И последнее. Насыщенные множеством военно-бытовых подробностей, проникнутые эпическим ощущением событий, воспоминания сборника вместе с тем доносят до нас неповторимые голоса людей той эпохи с их живой речью, с самим строем их мыслей и чувств. Хотелось бы поэтому надеяться, что, помимо своего научно-познавательного назначения, сборник послужит еще и предметом занимательного исторического чтения.

[1] *Белинский В Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VII. С. 446–447.

[2] История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 572, 574.

[3] *Герцен А.И.* Соч.: В 30 т. М., 1955. Т. VI. С. 213.

[4] Рус. архив. 1866. Ст. 898–899.

[5] Письма русских писателей XVIII в. Л., 1970. С. 411.

[6] *Тартаковский А Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 94; *Он же* 1812 год глазами современников // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 8–9.

[7] Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1903. Ч. VII. С. 310; *Харкевич В.И* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1904. Вып. III. С. 181; *Белинский В Г* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 446.

[8] *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 141.

[9] Там же. С. 137–149.

[10] Сочинения Д.В. Давыдова. М., 1960. Ч. 1. С. 31; Сочинения Д.В. Давыдова. СПб., 1893. Т. 1. С. 148.

[11] *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 146–149.

[12] Там же. С. 94.

[13] Там же. С. 144.

[14] См., например: Пожар Москвы. По воспоминаниям в переписке современников. М., 1911. Ч. 1–2; *Каллаш В В* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.

[15] *Тартаковский А Г* 1812 год и русская мемуаристика. С. 217–223.

16 *Харкевич В.И* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900–1907. Вып. I–IV.

17 *Военский К* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. Опубликованные здесь воспоминания еще в 1910 г. были напечатаны К.А. Военским в "Военном сборнике" (№ 12), а затем целиком вошли в его книгу "Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году". СПб., [1912].

18 *Глушковский А* Москва в 1812 году // Красный архив. 1937. Т. 4. С. 121–159.

19 День Бородина. Походные записки И.Ф. Паскевича // Неделя. 1962. № 29; Честь защищать отечество. Из воспоминаний Д. Душенкевича, адъютанта генерала Неверовского // Изв. 1962. 17 окт. № 248; Из воспоминаний Д. Богданова. "Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца" // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 336–339.

20 Тетрадь Александра Чичерина // Новый мир. 1962. № 9. С. 7–70; Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966.

21 Военный сборник. 1903. № 8. С. 265.

22 *Тартаковский А.Г* 1812 год и русская мемуаристика. С. 98–101, 303.

23 Там же. Прил. Перечень III; *Тартаковский А Г* К определению состава неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 г. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 283–290.

24 *Мануйлов В А , Модзалевский Л Б* "Полководец" Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4–5. С. 151; История СССР в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный каталог. С конца XVIII в. по 1917 г. Л., 1975. Вып. 1. С. 70.

25 Сведения о мемуарных рукописях, не вошедших в этот сборник, см.: *Тартаковский А.Г* 1812 год и русская мемуаристика. Прил. Перечень III. № 2, 5, 8–10, 12–13, 15–20, 25–31, 33, 35–37, 39, 43, 46; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Д. 120. Л. 11–29; Ф. 92. Д. 4002; Ф. 160. Д. 313. Л. 103–114; Д. 316; ОР РГБ. Ф. 301. 7. 28, 29; Ф. 231. III. Карт. 15. № 32; ОР РНБ. Ф. 163. № 13; Ф. 608. № 73; РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1736, 1212, 3255, 3256; Архив ПФИРИ. Ф. К-115. № 366; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3498; Д. 4118. Л. 1–12 об.

26 Оценку сборника см.: *Экштут С* "Пред грозным временем, пред грозными судьбами" // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 117.

27 Роман Л.Н. Толстого "Война и мир" в русской критике. Л., 1989; *Бабаев Э Г* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978. Ч. 1.

28 *Тарле Е В* Бородино // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1962. Т. XII. С. 406–475; Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 336–339; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1326; ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 900.

29 *Тартаковский А* Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6/7. С. 88–93.

30 Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 214.

А.Г. Тартаковский

Археографическое предисловие

В сборник включены мемуарные источники, выявленные в фондах личного происхождения, государственных учреждений и коллекций ГАРФ, РГИА, РГАЛИ, РГВИА, ОР РГБ, ОР РНБ, РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), Архиве ПФИРИ. О существовании некоторых рукописей уже имелись сведения в литературе, часть их выявлена впервые, в том числе считавшиеся прежде затерянными. При отборе для сборника выявленных рукописей принимались во внимание их общая историко-культурная ценность и значение как источников для изучения эпохи 1812 г.

Включенные в сборник произведения в большинстве своем ранее не печатались и, таким образом, впервые вводятся в общественно-исторический оборот. Исключение составляют: 1) воспоминания И.Ф. Паскевича и Д.В. Душенкевича, прежде публиковавшиеся в небольших отрывках, – теперь они печатаются полностью; 2) мемуарная записка А.Н. Сеславина о М.Б. Барклае де Толли, напечатанная М.И. Семевским еще в 1860 г. в "Отечественных записках" (№ 4. С. 50–51) с неточностями в передаче текста, – в настоящем сборнике она воспроизводится по автографу[1].

Источниками текста большинства публикуемых произведений являются подлинники – автографы и авторизованные копии. Часть произведений публикуется по современным им копиям. Отдельные воспоминания дошли до нас только в копиях (в том числе и машинописных) начала XX в., по которым они и публикуются.

В тех случаях, когда удавалось обнаружить множество текстов памятников – печатных и рукописных (автографов, писарских копий, позднейших списков), отражавших историю его создания и распространения, они подвергались текстологическому изучению с целью выявления различных редакций, уяснения их соотношения друг с другом и установления наиболее авторитетного и полного текста как источника публикации памятника. Существенные элементы авторской правки в публикуемых рукописях даны в подстрочных примечаниях.

Публикация подготовлена в основном в соответствии с принятыми правилами издания исторических документов. Тексты дневников и воспоминаний печатаются полностью по современной орфографии с учетом языковых особенностей памятников, относящихся к различным историческим эпохам. Сохранение этих особенностей тем более важно для произведений, написанных в первой трети XIX в. – в пору не вполне устоявшегося правописания, когда еще были живы речевые традиции XVIII в., а споры о языке окрашивались в идеологические тона. Поэтому и употре-

бление тех или иных орфографических форм не было нейтральным – оно часто оказывалось результатом сознательного выбора, наполняясь определенным значением – социальным, культурно-бытовым, литературно-стилистическим и т.д.

Явные неисправности текстов (пропуски букв, недописанные окончания, описки и т.д.) устраняются без оговорок. Сохраняются авторские сокращения имен и отчеств и слов, внесенных в Список сокращений. В квадратные скобки заключены восстановленные слова или части слов, пропущенные или утраченные в оригинале. Отточия оригиналов не оговариваются. Авторские подчеркивания выделяются курсивом, внутренние заголовки (названия разделов, годы, месяцы и т.д.) – разрядкой, иноязычные слова (например, русские – во французском тексте, французские – в русском) – полужирным шрифтом. Падежные окончания после дат и номеров воинских частей наращиваются без оговорок.

Помсты в публикуемых текстах воспроизводятся в подстрочных примечаниях. Там же оговариваются авторские примечания "(*Прим. авт.*)" и неразобранные слова, даны необходимые текстологические пояснения и переводы иноязычных вкраплений в тексты публикуемых произведений. Подстрочные примечания обозначены звездочкой "*", исторические примечания, помещенные в конце книги, – арабскими цифрами.

Собственные заголовки рукописей по возможности сохранены и заключены в кавычки. Даты создания произведений, установленные при подготовке публикации, заключены в квадратные скобки. Даты даются по старому стилю.

Архивный шифр публикуемых рукописей указан в Примечаниях.

Тексты рукописей подготовлены: О.Н. Бурдиной (№ 11, 15), О.Н. Бурдиной и А.И. Аксеновым (№ 2), Л.И. Бучиной (№ 5), С.Н. Искюлем (№ 1, 4), Н.С. Крыловым (№ 8,12), В.Н. Сажиным (№ 3, 6), А.Г. Тартаковским (№ 7, 10, 13, 14, 16, 17), С.В. Шумихиным (№ 9). Преамбулы и примечания составлены: А.И. Аксеновым (№ 2), О.Н. Бурдиной (№ 11), С.Н. Искюлем (№ 1, 4), Н.С. Крыловым (№ 8, 12), В.Н. Сажиным (№ 3, 6), А.Г. Тартаковским (№ 5, 7, 10, 13, 14, 15, 16, 17), С.В. Шумихиным (№ 9). В выявлении материалов для сборника, помимо составителей, приняли участие Т.В. Кучина, С.А. Малышкин, М.С. Супрун, С.В. Шведов. Переводы немецких текстов в воспоминаниях И.А. Адлера выполнены К.М. Азадовским.

Редколлегия приносит свою благодарность за ценные советы и замечания Б.Д. Гальпериной, Н.Б. Панухиной и В.Д. Сплошнову.

Научно-техническая работа по подготовке рукописи сборника к печати и составление Указателя имен осуществлены Е.Ю. Тихоновой.

[1] Записка А.Н. Сеславина (№ 10), отрывок из письма М.А. Баталина к А.В. Висковатову с воспоминаниями о Барклае де Толли (№ 13) и мемуарный очерк К.А. Висковатова о Барклае де Толли (№ 17), подготовленные для настоящего издания, были опубликованы в № 6/7 журнала "Родина" за 1992 г., посвященном 180-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г.

Воспоминания

№ 1

П..... Ф..... "Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу их из оной)"*. [Конец 1812 – начало 1813 г.]

События войны 1812 г., разом затронувшие судьбы многих и многих людей, резко изменившие привычный, устоявшийся строй жизни, не могли не найти своего отражения в записках и воспоминаниях современников. События поразили воображение и тех, кто близко наблюдал решающее столкновение противоборствующих сторон, и тех, кто, будучи по счастью не застигнут войной, узнавал о новостях из официальных бюллетеней, газет и изобильных в ту пору слухов. События равно поразили воображение людей весьма противоположных сословных представлений, людей, отличных друг от друга душевным складом и тем, что называется убеждениями. Но то, что наблюдали они своими глазами, или то, что слышали от других людей, своей разительной неординарностью, своей порой напрашивающейся апокалипсичностью, сложным сочетанием до конца не понятых коллизий, обнаруживающихся устремлений и чувств среди себе подобных, естественно побуждало современников браться за перо. Простое человеческое побуждение укреплялось движением высокой мысли о нравственном долге перед потомками – донести до них свидетельство о трагических событиях, о которых довелось услышать или очевидцем которых случалось быть тому или иному мемуаристу.

Воспоминания, письма современников, носящие зачастую характер мемуарный, а порой и дневниковый, ибо описывают события день за днем, и, наконец, сами дневники, сохранившиеся в весьма малом числе, в той или иной степени отразили и внешнюю сторону военных событий эпохи 1812 г., и многообразие "внутренней", народной жизни в годину нашествия. Одно из первых мест среди этих важных мемуарных свидетельств занимают по праву те, в которых речь идет о том, что происходило в "священной, древней столице России", ненадолго оказавшейся оставленной русской армией и занятой неприятелем.

Таких воспоминаний – и не остывших под пеплом московских пожарищ, и написанных позднее, когда пережитое неизбежно воспринималось иначе, часто под воздействием других, переживаемых автором, событий – немало. Опубликованные в разное время после описываемого в воспоминаниях, они до сих пор являются богатейшим и одним из основных источников, рисующих многообразную и волнующую воображение панораму истории почти двухсотлетней давности. И несмотря на то, что увидевшие свет воспоминания

---

* Иначе сказать нельзя. (*Прим авт.*)

московских жителей и оказавшихся волею случая в Москве немосквичей дают, казалось бы, весьма колоритную и близкую к действительности картину жизни российской столицы "под французами", каждая новая находка, извлеченная из архивных недр, проливает свет и добавляет новые штрихи к уже знакомым из других источников фактам.

Одной из таких неизвестных читателю мемуарных записок, пребывавших в архивах, пока не попали в поле зрения пытливых исследователей, и открывается настоящий сборник воспоминаний о войне 1812 г. И если в записках других мемуаристов читатель узнает о том, что происходило на Крестовской улице, в Леонтьевском переулке, на Моховой, в Охотном ряду, близ церквей Николы в Гнездниках, архидьякона Евпила или близ Сухаревой башни, о том, как протекала жизнь в Вотчинном департаменте и Новодевичьем монастыре, то из публикуемой ниже записки ему станет известно о событиях, происходящих в другой части Москвы.

Императорский Московский Воспитательный дом – а именно о нем идет речь в этой записке – был учреждением весьма заметным в общественной жизни столицы. Находился он на Солянке "в собственном доме" между Свиньинским переулком и Солянским проездом. Адрес Воспитательного дома в те времена указывался по-разному: "в Мясницкой части под нумером 1" или "на Солянке и на Набережной, в 1 квартале", или еще "близ Варварской площади".

Воспитательный дом в Москве был учрежден манифестом императрицы Екатерины II от 1 сентября 1763 г.; таким образом старания И.И. Бецкого, выдающегося общественного деятеля и просветителя, получили зримое воплощение в организации Воспитательного дома с госпиталем "для бедных родильниц", который пребывал учреждением государственным, но к тому же еще и находящимся "под особливым Монаршим покровительством и призрением". Император Павел передал управление Воспитательным домом своей супруге императрице Марии Феодоровне. Воспитательный дом и возникшие при нем различные обслуживавшие его учреждения целиком находились на попечении и содержании Императорского двора, на что ежегодно выделялись соответствующие суммы, а после воззвания Святейшего Синода идея поддержки Воспитательного дома вызвала широкое сочувствие в среде российской аристократии и духовенства.

Главным предметом деятельности Воспитательного дома была забота о "несчастнорожденных" детях не только в Москве, но и в других областях Империи. Призрение подкидышам оказывалось в Петербурге, Архангельске, Пензе, Нижнем Новгороде и иных городах, откуда они препровождались для дальнейшего воспитания в Московский Воспитательный дом. Воспитательный дом не прерывал своего благотворительного дела ни в 1771 г., когда Москву постигла моровая язва, ни в последующие годы, во время иных бедствий; более того, Воспитательный дом расширял свою деятельность, беря под свое попечение оставшихся сирот. В 1812 г. количество "несчастнорожденных" или покинутых младенцев, принятых в Воспитательный дом с момента его основания, перевалило за 100 тысяч, причем многие из этих несчастных были рождены в госпитале Воспитательного дома. Значительное число детей, находившихся на попечении Московского Воспитательного дома, получало начальное образование, а некоторые из них и среднее образование. При Воспитательном доме существовали так называемые классические классы, по окончании которых воспитанники могли поступать в университет. Воспитанницы "французских классов" готовились в гувернантки, а позднее поступали в Николаевский сиротский институт. Для воспитанников дома была учреждена ремесленная школа с полным шестилетним курсом. Московский

Воспитательный дом, наряду с таковым же Петербургским домом, был учреждением образцовым и уважаемым в первую очередь благодаря тому вниманию, которое оказывали ему представители царствующей фамилии, двор и околопридворная среда.

Воспитательный дом упоминается во многих записках и воспоминаниях о Москве 1812 г. Так, один безымянный мемуарист, описывая со слов своей матери благородный поступок защитившего ее француза, пишет далее, что тот затем "отвел нас в Воспитательный дом" (Москва в 1812 г. Описание моего пребывания в Москве во время французов с 1 по 21 сентября 1812 г. // Рус. архив. 1896. № 8. С. 531). Или, например, чиновник Вотчинного департамента Алексей Дмитриевич Бестужев-Рюмин пишет в своих записках: "... Не находя себя уже в безопасности в доме г. Дурновой, ибо солдаты Молодой гвардии с их офицерами перешли в Кремль, я рассудил также с семейством моим искать спасения в Воспитательном доме, и его превосходительство Иван Акинфьевич Тутолмин дал мне, по милости своей, в оном комнату, в которой я поместился" (*Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествиям в столице Москве // Там же. № 7. С. 379). Подобные примеры можно продолжить. Такая новая "известность" Воспитательного дома в Москве 1812 г., нашедшая свое отражение в воспоминаниях современников, объясняется тем, что каменные стены строений Дома защищали его обитателей от пожара, а солдаты французской армии защищали его от посягательств извне. Поэтому-то купец Свешников, описывая свои впечатления после возвращения в сгоревшую столицу, отмечает, что "целы в Москве места: Воспитательный дом, весь..." (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1900. Ч. V. С. 178). Поэтому-то адъюнкт Московского университета Петр Васильевич Победоносцев, заехав уже в середине декабря 1812 г. в Воспитательный дом, записал в своем дневнике, что в комнатах тамошних священников "все цело, даже и мебель осталась неповрежденной" (*Победоносцев П.В.* Из дневника 1812 и 1813 гг. о московском разорении // Рус. архив. 1895. № 2. С. 218–219).

Публикуемая ниже мемуарная записка была обнаружена А.Г. Тартаковским в Архиве ПФИРИ. Ф. 226 (Коллекция Библиотеки Академии наук).

Автор подписался инициалами "П..... Ф....." Поскольку в рукописи несколько раз упоминается о Московском Воспитательном доме и о его директоре Иване Акинфиевиче Тутолмине, можно полагать, что автор ее – один из чиновников Воспитательного дома. Однако по "Списку Императорского Московского Воспитательного дома служащим по части экспедиции о воспитанниках обоего пола во время неприятеля не бывших при должностях" (РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 59. Л. 123–124) и по "Списку Императорского Московского Воспитательного дома служащим: ... оставшихся в Москве" (Там же. Л. 127–162 об.), лицо, имя и фамилия которого подходили бы к указанным инициалам, не значится. В "Списке чиновников служащим в Кремлевской экспедиции, находившимся в Запасном дворце в Москве" (Там же. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942, ч. II. Л. 278) имеется канцелярист П. Федоров, но каких-либо данных, позволяющих утверждать, что П. Федоров – это и есть тот "П..... Ф.....", обнаружить не удалось.

Рукопись представляет собой пять сшитых листов большого формата с золотым обрезом. Заглавие рукописи написано на отдельном листе. Рукопись – беловой экземпляр, писанный одним почерком и одними чернилами. Поправок, вставок, исправлений не имеется.

Хронологически рукопись охватывает 1 сентября – 12 октября 1812 г. Бумага рукописи имеет филигрань "I. Norwood 1809". Следует предположить, что время составления рукописи конец 1812 – начало 1813 г.

В рукописи неоднократно упомянут директор Московского Воспитательного дома Тутолмин, причем очевидно старание автора представить действия Тутолмина в выгодном свете. В этой связи характерно, что автор подчеркивает: Тутолмин "все сии шесть недель был почти безотлучно на дворе". Это в известной мере перекликается с показаниями московских чиновников, вызванных в сенатскую следственную комиссию, которая была создана в конце 1812 г. для выяснения благонадежности оставшихся в Москве при французах жителей (Там же. Д. 942, ч. II, III). В ряде случаев указывали на "безотлучность" того же иного лица, имея в виду подчеркнуть безупречность его поведения. Рукопись могла быть составлена с определенной целью: оправдать действия Тутолмина.

Известно, что Тутолмин не был привлечен к следствию; тем не менее у сенатской комиссии могла возникнуть потребность в получении дополнительных сведений о действиях Тутолмина.

"Некоторые замечания..." существенно дополняют донесения Тутолмина о событиях в Воспитательном доме во время пребывания в Москве французов (см. примечания к публикуемому тексту), в которых он, естественно, был озабочен тем, чтобы представить свои действия в наиболее выгодном свете.

Первого числа сентября, в воскресенье, войска наши стояли под Москвою по Смоленской дороге в пяти верстах; в сей день божественная литургия в Москве была в последний раз, равно и вечерни со звоном в необыкновенное время, то есть в три часа пополудни.

Второго числа, в понедельник, с пятого часа утра до пятого часа вечера войска российские частию шли чрез Москву так, что наши еще не выходили из оной, а уже французы шли по Арбату*; по улицам слышна была ружейная и пушечная пальба изредка. Ввечеру сего числа Москва была зазжена в семи местах, пожар при ужасном вихре был чрезвычайно жесток.

Третьего числа, во вторник, пожары продолжали усиливаться, французы грабили весь город и всех попадающихся им навстречу, в числе которых досталось и мне так, что оставили меня в одной рубахе.

Четвертого числа поутру, в среду, французский губернатор, поставленный в Москве, Лессепс[1], с начальником Воспитательного дома г-м Тутолминым[2] осматривали все покои в оном, для помещения в оных их больных и раненных.

В сей же день с половины дня в окружности помянутого дома обнялась почти вся Москва ужасным пламенем, казалось, что даже само небо пылало огнем; ужасный шум необычайного вихря, свист, стон и крик погибающего скота казало взору моему представления света! Душа моя совершенно колебалась между страхом и надеждою; напоследок слезы облегчили грусть мою, все сие должно было видеть, но описать слабое перо мое не в состоянии. В первом часу ночи огонь со всех сторон стал приближаться, искры рассыпались по всему двору и воздуху; дом сей несколько раз загорался и при всяком разе загасали его чиновники, оставившие тут, сами они носили воду и предохраняли от малейшей опасности, даже малыя дети, которые не в состоянии были носить воды, затаптывали ногами падающие искры. Все сие приписать должно

---

* Улица так называемая. (*Прим авт.*)

неусыпному старанию г-на Тутолмина, который все сии шесть недель был почти безотлучно на дворе.

Вдруг зачинается большая суматоха, объявляют, что должно выходить; первый предмет взору моему представляются кормилицы с нещастными детьми, шум, вой и плач их разрывали душу мою на части[3]. К четвертому часу утра тщанием г-на Тутолмина дом сей был почти в безопасности, народ, живущий в нем, стал сбираться в свои места, душа моя стала как бы на месте, впредь до определения Всевыйшным судьбы моей, на которого единственная наша надежда простиралась. Ветр порывистый весь день продолжался, пожары местами сизнова оказывались. На другой день со двора нельзя было сойти ни на шаг, везде грабили так, что снимали даже рубашки.

Пятого числа, в четверток, пожары везде продолжались, как равно и грабежи, везде слышны были неистовые поступки французов, чинимые ими в наших церквах, как-то: вводили в оныс лошадей, разграбливали ризы, обдирали образа, ставили их вверх ногами, раскидывали по полу и жгли их в кострах, – что должен был чувствовать при сем истинный христианин?

Шестого числа, в пятницу, Бог даровал небольшой дождь, который пожарам отчасти препятствовал.

Г-н Тутолмин имел сего числа аудиенцию у императора Наполеона, который благодарил его за сбережение дома от пожара! и принял его, как сказывают, довольно ласково, приказывая, каким образом относиться к государю[4]; при сем отправлен был нарочной курьер из чиновников сего дома г-н Рухин[5] к государю императору всероссийскому.

Седьмого числа, в субботу до половины дня, проходил чрез Москву французский обоз в с. Коломенское, при сильных ударениях грома и излиянии дождя.

В Воспитательном доме поставлен был караул из осьмидесяти рядовых, несколько офицеров и одного полковника[6].

С восьмого числа сентября, в продолжении шести недель, то есть по шестое число октября, продолжались безперестанные грабительства, французы заставляли попадающихся им навстречу нести их ноши и добычи; хозяин из своего собственного дома должен был свое же имущество нести за ними на их квартиры, не взирая ни на какое лицо, в сие время нельзя уже было различить генерала с последним мужиком, одеяния всех были равны.

Бесчинствы и ругательствы французов суть приличны только им одним, как народу необузданному, раболебствуя гнусному своему вождю до безумия.

Представте себе: они ездили пьяные на скверных клячах, накрывши их церковными покровами, в свяченических ризах и с женским чепцом на голове!! Вообще, все они по недостатку мужеского платья ходили в солопах и юбках!!!

В Симоновом монастыре над воротами при входе, в образ нерукотворенного образа спасителя вбили они гвоздь в глаз и повесили на оном человека![7] Вот точные изверги рода человеческого; что должны были при сем зрелище чувствовать оставшие в несчастной Москве? и притом

рабствовать не только французам, но даже недостойным, скверным и не стоющим никакого внимания бритым полячишкам.

В сие время напечатана была первая афишка Наполеона жителям Москвы, которая изъясняла: дабы жители, ничего не страшась, объявляли, кто известен, где хранится провиянт и фураж[8]; но ни одного такового доносителя не оказалось, а хотя бы и были они, конечно (в семье не без урода), то как были бестолковы и сумасбродны на сей случай французския объявлении при всей их просвещенности; не взяв прежде мер, дабы запретить грабить и обдирать донага, требовали откровенности.

В исходе сентября месяца посыланы были французским правительством выбранные из жителей московских некоторые за покупкою хлеба в окрестные селения, однако ж они обратно не возвращались.

За сим последовала другая афишка, или, лутче сказать, провозглашение к жителям Москвы[9], которая значила следующее:

"Провозглашение

Жители Москвы.

Несчастия ваши жестоки, но его величество император и король хочет прекратить течение оных.

Страшные примеры вас научили, каким образом он наказывает непослушание и преступления.

Строгие меры взяты, чтоб прекратить беспорядок и возвратить общую безопасность.

Отеческая администрация, избранная из самих вас, составлять будет ваш миниципалитет или градское правление, оное пещись об вас, об ваших нуждах, об вашей пользе.

Члены оного отличаются красною лентою, которую будут носить чрез плечо, а градской глава будет иметь сверьх оного белой пояс, но, исключая время должности их, они будут иметь только красную ленту вокруг левой руки.

Городовая полиция учреждена по прежнему положению, и чрез ее деятельность уже лутчей существует порядок. Правительство назначило двух генеральных комиссаров или частных приставов, поставленных во всех прежних частях города; вы их узнаете по белой ленте, которую будут они носить вокруг левой руки.

Некоторые церкви разного исповедания открыты, и в них безпрепятственно отправляется божественная служба.

Ваши сограждане возвращаются ежедневно в свои жилища, и даны приказы, чтоб они в них находили помощь и покровительство, следуемыя несчастию.

Сии суть средства, которые правительство употребило, чтоб возвратить порядок и облегчить ваше положение; но чтоб достигнуть до того, нужно, чтоб вы с ним соединили ваши старания, чтоб забыли, естьли можно, ваши нещастия, которыя претерпели, предались надежде не столь жестокой судьбы, были уверены, что неизбежимая и постыдная смерть ожидает тех, кои дерзнутся на ваши особы и оставшееся ваше иму-

щества, а напоследок и не сумневались, что оныя будут сохранены, ибо такая есть воля величайшего и справедливейшего из монархов.

Солдаты и жители! Какой бы вы нации не были, восстановите публичное доверие, источник щастия государств, живите, как братья, дайте взаимную друг другу помощь и покровительство, соединитесь, чтоб опровергнуть намерение зломыслящих, повинуйтесь воинским и гражданским начальствам и скоро ваши слезы течь перестанут.

Москва $\frac{\text{19-го сентября}}{\text{1-го октября}}$ 1812 года

Интендант или управляющий градом и провинциею Лессепс".

Первого числа октября на колокольне Ивана Великого, в самой главе, открыты были отверстия в нескольких местах, а с пятого числа на шестое в ночи крест был снят; неизвестно точно для чего, но слышно было, что Наполеон хотел препроводить в Париж; жаль, ежели наши казачки не постараются его в дороге отбить, а позволят вывести.

В Кремль из жителей московских во все продолжение здесь французов никого не впускали; даже сами они были впускаемы туда по билетам, кругом Кремля в нескольких местах были деланы батареи; лавки, стоящие между Спасскими и Никольскими воротами, разбивали из пушек ядрами. Однако ж седьмого числа октября все замыслы Наполеоновы были оставлены, войска его не более как в одне сутки выбрались из Москвы почти все, кроме некоторых оставшихся в Кремле, с такою поспешностью, что оставляли не только награбленныя свои добычи, но даже свою аммуницию. Неизвестно, что было сему причиною, наши казаки или наполеоновская предприимчивость? Только должно думать, что первыя; которые ж из них в сие время содержали караул в Воспитательном доме, оставляли свои добычи и напитки в шкафах за своими печатями с тем, что, ежели они чрез две недели не возвратятся, то предоставляли оными пользоваться кому угодно.

В доме сем хлеба оставалось уже очень мало, доходило почти терпеть голод, бедныя питомцы питались только третьей долей своей порции; протчие ж живились одною вареною пшеницею. Благодарение Богу, что сие жестокое время случилось еще осенью и можно было кое-как довольствоваться огородными овощами.

Но, к щастию, нашему провидению угодно было обратить французов совершенно вспять, и мы имели, хотя неизобильно, однако, понемногу всего. В Москву стали навозить печеной хлеб и калачи, неможно представить, с какою жадностию народ толпился около сих продавцов! но не удивительно, поелику многие, которые в продолжении всего сего плачевного времени не видали куска хлеба в глаза.

Перед выходом своим французы уверяли, что они надеются непременно в скором времени опять возвратиться в Москву, но мы в сердцах своих отвечали им: да сохранит нас Бог от таковых доброжелательных гостей и да приберет вас чорт в преисподнюю, от лица земли русской!

Седьмого числа октября горел Симонов монастырь, Петровский дворец, и видны были еще в нескольких местах вновь открывшиеся пожары.

Десятого числа во весь день слышны были частые ружейныя и пистолетные выстрелы, к вечеру пальба усилилась, причем были слышны и пушечные выстрелы, что продолжалось почти всю ночь.

Наши казаки приезжали в предместья Москвы, выгоняли из больниц французских раненых, они кучами тащились в Воспитательный дом, а некоторых переносили на носилках, как в единственное убежище от предстоящей опасности.

В сей день губернатор, поставленный французским правительством, Лессепс, писал очень убедительное письмо к г-ну Тутолмину, дабы в случае прихода в Москву российских войск имел он попечение в рассуждении оставшихся в оной французских больных и раненных[10].

Двенадцатого числа октября не пускали московских жителей даже в Китай-город, равно и их союзников.

Ввечеру в девятом часу французской караул в Воспитательном доме был снят, почему нетрудно угадать было, что они из Москвы хотели бежать опрометью.

Теперь я приступаю к описанию такого действия, котораго слабый ум мой не только описать, но даже вообразить не в состоянии; в сей роковой для величественного и веками построенного Кремля вечер он должен был разрушиться не более как в три часа.

С вечера зазжены были Хамовническия казармы и Комисериат, в полночь загорелся Кремлевский дворец, в час пополуночи слышен был великий шум и конской топот, это ретировались или, лутче сказать, бежали один чрез другого – французы.

Спустя после сего не более часа времени при жесточайшем и ужасном треске Кремль был взорван, спустя по времени в пяти местах, при сих ударах вся Москва совершенно дрожала, народ был в крайнем смятении, тем более что никто о сем не имел ни малейшего сведения; отломки камней летели за Москву-реку, все здания осыпались совершенно, как известью[11]. Даже и в сие время, когда Воспитательный дом был в столь близком расстоянии от сего действия, всемогущему Богу угодно было сохранить его как единственное здание во всей Москве.

По выходе французов поутру горел арсенал и магистрат, в Москву наехало множество казаков и Изюмской гусарский полк; к вечеру явилось необычайное количество простого народа из разных деревень, им-то досталась вся добыча, которую французы второпях не успели взять с собою, и от многого употребления вина были совершенно безумные, однако дисциплиною казаков и их нагаек приведены были в чувство и уже боялись бесчинничить.

На конец сих слабых моих замечаний, ибо, быв при таковом плачевном позорище, вряд кто-либо мог заметить более, да вздохнет каждый из глубины сердца о остававшем в Москве множестве народа, притерпевших всякие мучении не только телесных, но душевных, которые несумненно тяхчае всех первых; видев столь обширную грамаду, какова мать России Москва, объятую пламенем, продолжавшегося сряду десять дней, лишившихся последнего своего имущества и домов, холод и голод, изнурявший

их до последнего издыхания; и тысячу подобных бедствий, одни за другими следовавших. Как чувствительному сердцу не раздиратся было, видев ужасное пламя, плач и стон нещастных, множество сгорелых людей в пожарах, по всем улицам валяющихся мертвых тел как французских, так и наших соотечественников, матерей, ищущих своих детей, – в заключение к всего, дети, убивающия своих родителей, родители детей, и брат брата*. О ужас, о век варварский!!

П..... Ф.....

№ 2

Н.Ф. Котов. Из "Записок о военных действиях 1812-го года". [Конец 1812–1813 г.]

Автор "Записок о военных действиях 1812-го года" Николай Федорович Котов (1782–1831) происходил из московской купеческой семьи "средней руки", состоял в 3-й гильдии, хотя и являлся владельцем шляпной фабрики. Котовы – типичные представители третьей в XVIII в. волны обновления и пополнения московского купечества, осуществлявшейся в последней четверти столетия, которую составили многочисленные выходцы из провинциальных купцов, посадского населения, а также крестьянства.

Отец автора "Записок", Федор Иванович (1754 – до 1815) прибыл в Москву по указу Московского магистрата 19 января 1781 г. из Обер-егермейстерской конторы Переславля-Залесского. По социальному статусу он относился к разряду государственных крестьян, но по должности состоял сокольничьим помытчиком, или, иначе, дрессировщиком ловчих соколов. Чрезмерным, до жестокости, усердием в обращении с охотничьей птицей он заслужил себе прозвище "Кат", закрепившемся в фамильном прозвании "Катов" и лишь во время проведения в 1795 г. 5-й ревизии преобразованном в более благозвучное "Котов".

Благодаря этим занятиям, приносившим доход от увлечений богатых аристократов, он смог накопить средства, необходимые для выкупа из зависимого состояния и вступления в купечество. Впрочем, накопления эти были довольно скромными, позволившими лишь записаться в 3-ю гильдию да снять "наемный покой". Его скорый успех уже в качестве московского купца связан с женитьбой на недавно ставшей сиротой 17-летней дочери московского 2-й гильдии купца А.А. Икорникова Аграфене, за которой он получил половину наследства тестя, разделенного со старшей сестрой жены Марьей, ставшей, в свою очередь, женой упоминаемого в "Записках" 2-й гильдии купца И.И. Скребкова.

Удачный брак, природная нахрапистость открыли перед Федором Ивановичем возможность расширить тот торг, ради которого он и прибыл в Москву, упрочить свое положение, приобрести в дальнейшем дом в 4-й части Москвы в приходе церкви Софии премудрой Богородицы на берегу Москвы-реки и даже объявить на некоторое время (в 1797 г.) капитал в 8005 руб. по 2-й гильдии (Материалы для истории Московского купечества. М., 1885. Т. 3. С. 334; М., 1886. Т. 4. С. 682; Капитальные книги Московского купеческого общества.

---

* Небезызвестно, что в нашей военной службе множество поляков, отцы и братья которых восстали против России и присоединились к французам. Этому я сам свидетель. (*Прим авт.*)

1795–1797 гг. М., 1913. С. 323). Впрочем, выше этого в сословно-иерархической лестнице он никогда не поднимался. Сказывалась ли здесь расчетливая прижимистость, не позволявшая ему тратить деньги только за гильдейский статус, или мировоззрение вольного охотника пожить в свое удовольствие, ограничивавшее устремления достигнутым, приходится только гадать.

Но на это не повлияло даже заведение Федором Ивановичем собственной шляпной фабрики в Москве в 1788 г. (еще под фамилией "Катов"). Данному факту предшествовало событие, характеризуемое поговоркой "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Федор Иванович прибыл в Москву вместе с младшим братом Василием (род. 1759), который скоропостижно умер в 1785 г., а его часть капитала была присоединена к своей старшим братом.

Два события, таким образом, в биографии Федора Ивановича Котова – удачный брак и объединение семейного капитала по смерти брата – привели к открытию фабрики "шляпного мастерства". Товары на ней, как и на большинстве промышленных заведений этого времени, вырабатывались исключительно вольнонаемными рабочими, а продавались в собственных лавках в шляпном ряду на очень значительную сумму в 52 тыс. руб. в год, что и зафиксировано соответствующей ведомостью, составленной на рубеже XVIII–XIX вв. (РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 176; Капитальные книги... С. 229).

В 1800 г. автору публикуемых "Записок" Н.Ф. Котову исполнилось 18 лет. Дети, точнее сыновья, в купеческих семьях рано приобщались к делу, и нет никаких сомнений, что наш автор тоже уже выполнял поручения либо при фабрике, либо, скорее всего, в лавках у торговли. Но уже через несколько лет сын сменит отца. Неизвестно, когда данное событие произошло точно, но с 1809 г. Николай Федорович проходит по ведомостям о фабриках и заводах как единоличный владелец шляпной фабрики (РГИА, Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 21). И это при живом и еще не старом отце, который оставил дела, возможно, по здоровью (он и умер-то около 60 лет от роду). Во всяком случае, тональность "Записок" при всем их подчеркнуто почтительном отношении к "батюшке" свидетельствует о полной самостоятельности действий Николая Федоровича, и ни словом в них не упоминается о какой-либо распорядительной деятельности отца. "В сей день (16 ноября 1812 г., уже по возвращении в Москву. – *Ред.*) я с молодцами в кладовой нашей занимался разборкою шляп", – по-хозяйски записывает он в дневник. Этот же будничнo-хозяйский тон пронизывает дневниковые известия о написании писем к кредиторам, восстановлении лавки и др. А хозяйство к 1812 г. у Н.Ф. Котова заметно увеличилось. Кроме фабрики в Москве, в его владении находилась еще одна шляпная фабрика, приобретенная им в селе Чуженки Богородской округи. И обе вплоть до сентября 1812 г. действовали весьма успешно и рентабельно, так как весь произведенный на них товар за первую половину 1812 г. был продан без остатка (Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 25).

И вот в одночасье, а точнее, за полтора месяца пребывания французов в Москве было потеряно все. Конечно, Отечественная война 1812 г. больно ударила по всей России. Но для московского купечества, как и для купечества городов, через которые прошла армия Наполеона, это в полной мере было катастрофой. Современники отмечали, что были разрушены практически все промышленные заведения города и "фабрик целых осталось мало" (Сын отечества. 1813. № 9. С. 105–107). Дело усугубилось и той стремительностью, с которой русские войска оставили, а французские вошли в первопрестольную, что породило панику, "бежали опрометью" куда и как попало. "Укрываясь от нашествия, московское купечество рассеялось по разным городам" (Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847 гг.), собранные Н. Вишняковым. М., 1905. Ч. 2. С. 40–41). Котовы вместе со своими свойственниками Крестовни-

ковыми бежали в Ярославль, т.е. туда, где, вероятно, имелись деловые интересы или, по крайней мере, знакомые. Из "Записок" следует, что они прибыли в Ярославль в дом местного купца П.Г. Оловянишникова. Кроме того, на пути к Ярославлю лежал родной город Котовых и Крестовниковых Переславль-Залесский, а в Ростове Великом не раз останавливался по торговым делам К.В. Крестовников – тесть младшего брата автора "Записок" Михаила. Здесь, в Ярославле, где беженцам пришлось пережидать занятие французами Москвы, "живя в скуке" и даже "готовясь еще в дальнейший путь в Вологду", и посетила Николая Федоровича Котова счастливая мысль запечатлеть "ужасное время" в дневниковых записях.

Мысль действительно счастливая, ибо никому другому из тысяч бежавших московских купцов она не пришла в голову. Во всяком случае, нам неизвестно, чтобы кто-либо из них вел дневники, а позднейшие воспоминания об этом очень немногочисленны. Публикуемые "Записки" уникальны, ибо представляют если не единственный, то весьма редкий памятник о войне 1812 г. купеческого происхождения.

Впрочем, для самого автора мысль о дневнике не была неожиданной. Он и раньше, в мирное время, пробовал себя в составлении "Записок Николая Федоровича Котова о царствовании Екатерины II и Павла I 1785 по 1800 г.". Конечно, это не могли быть личные мемуары, а скорее, записи воспоминаний и рассказов других лиц. Но когда война 1812 г. и вынужденное сидение в Ярославле подтолкнули его к ведению дневника, он, разумеется, имел в виду и свои предыдущие занятия. Так появилась запись, перенесенная впоследствии в качестве предисловия к его "Запискам", состоящим из двух разнородных частей: "Во имя отца и сына и святого духа начато 1812 года октября 7 дня. После ужасного времени и разорения нашего дома, последовавшего от французов, в коем остались все мои разные памятные записки, я теперь с помощию божиею, что может память сохранить, начинаю писать следующее" (ОР РГБ. Ф. 54 (Н.П. Вишняков). Ч. 8. Л. 31).

Первая запись собственно дневника, или журнала ("1812 г. Ярославль. Журнал"), датирована 9 октября. Последняя запись ярославского периода сделана 15 октября, когда автор с отцом выехали из Ярославля в Москву. Дневник был возобновлен 8 ноября уже в Москве и доведен до 19 ноября. До нас он дошел не в оригинале, а уже в переработанном виде в составе "Записок о военных действиях 1812-го года". Причем самому дневнику предшествует несколько страниц воспоминаний в форме поденных записей о перипетиях бегства из Москвы в Ярославль с 1 по 17 сентября, о поездке Николая Федоровича из Ярославля 18–21 сентября для встречи отца, бежавшего из Москвы позднее, и даже запись о получении уже 15 октября в Ярославле известия об освобождении Москвы. Происхождение этой части "Записок" проследить трудно, но можно предположить, что первоначальные наброски по свежим следам были сделаны 7–8 октября, когда и возникла мысль запечатлеть "ужасное время", а к непосредственному составлению их автор возвращается уже в конце ноября в Москве, о чем свидетельствуют хронологические накладки между мемуарной и дневниковой частями. Тогда же были внесены дополнения в дневник московского периода, что и вызвало в нем хронологические перебивы: 9, 22, 15, 12, 14, 15. Записи от 22 и 15 ноября о "просительных письмах" были сделаны тематической вставкой к 9 ноября, когда впервые об этом зашла речь. Поэтому можно считать, что 22 ноября был последним днем, когда Николай Федорович обращался к своей "Записке". Но компоновку рукописи в целом он осуществил уже в 1813 г., как об этом свидетельствует копия с его прошения Александру I с "реестром имению и товару московского купца Ф.И. Котова", сгоревшими и разграбленными в пожаре Москвы. Доку-

мент этот, датированный 14 февраля 1813 г., помещен автором сразу после "Записки Николая Федоровича Котова о царствовании Екатерины II и Павла I 1785 по 1800 г." и перед публикуемой здесь "Запиской о военных действиях сына Федора Ивановича Котова – Николая Федоровича".

Сами же "Записки", очевидно, ценились как семейная реликвия. Во всяком случае, они были скопированы, и одна из копий была извлечена на свет, возможно, в связи с приближавшимся 100-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г. и в 1910-х годах была приобретена Н.П. Вишняковым, одним из видных московских коллекционеров, известным буржуазным деятелем, хранителем купеческой старины. Рукопись публикуемых "Записок" является, в свою очередь, копией, сделанной Вишняковым и внесенной им в переплетенную позже тетрадь под общим заглавием "Сборники разных статей и извлечений, № 3" (ОР РГБ. Ф. 54 (Н.П. Вишняков). Ч. 8). В замечаниях к "Запискам" Вишняков подчеркнул, что он воспроизвел их "сполна" с текста, который доставил ему один из потомков автора – П.А. Котов. При этом он особо выделил, что "доставленный мне материал состоял не из оригиналов, а из копий, сделанных не совсем умело неизвестно кем". Учитывая копийный характер источника, Вишняков внес в рукопись соответствующие орфографические коррективы, а также исключил ряд официальных, уже опубликованных документов и реляций о войне 1812 г., которые имелись в тексте. В таком виде рукопись и отложилась в фонде Вишнякова.

Чем же значимы для нас публикуемые "Записки" московского купца Н.Ф. Котова? Их объем, по сравнению с многочисленными, обширнейшими и подробнейшими произведениями этого жанра об Отечественной войне 1812 г. очень невелик. Читатель не найдет в них новых данных собственно о военных действиях. Ведь их автор, не будучи очевидцем, по уровню общественного положения, отсутствию знакомств среди военных кругов не мог располагать иной информацией, кроме рассказов встреченных им людей и официальных сообщений. Отсюда предельный лаконизм его немногочисленных военных известий, составленных по слухам. Единственное исключение составляет рассказ о причинах сдачи Москвы, тактике М.И. Кутузова, действиях Наполеона и причинах оставления им Москвы. По времени данный рассказ относится к ноябрю, т.е. когда автор уже вернулся в Москву, а по типу повествования представляет собой запись общих рассуждений об этом в купеческой среде и может иметь ценность с точки зрения того, как отдельные слои населения, в частности купечество, воспринимали события 1812 г. Вместе с тем автор достаточно критичен к разного рода военным слухам. Явно иронично его отношение к рассказу немца-офицера из свиты графа П.П. Палена о том, что французы "вступили в Москву с музыкой и так смирно, так мирно – словом, Мир–Мир".

Основное содержание "Записок" Н.Ф. Котова составляют сообщения о хозяйственно-бытовой стороне жизни. Автор тщательно записывает все полученное им из писем и рассказов приказчиков, родственников, знакомых о бесчинствах французов, положении москвичей и самих оккупантов. Особое внимание он уделяет известиям о состоянии собственного дома, лавок, причем точен в их изложении, неоднократно сверяет их с другими сообщениями.

Он педантично фиксирует условия бегства и пребывания в разоренной Москве, в деталях, зримо восстанавливает картину быта, настроений, отношения к происходящему московского купечества, что придает "Запискам" особый колорит. Но при этом нельзя не сказать об основной их характерной черте – крайней лапидарности. Подобной особенностью отличается и дневник дмитровского купца И.А. Толченова (Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова / Под ред. Н.И. Павленко. Сост. А.И. Копанев,

В.Х. Бодиско. М., 1974) – другой редкий памятник купеческих дневников записок второй половины XVIII – начала XIX в. Очевидно, таково общее свойство раннего этапа купеческой мемуаристики, обусловленное не только сословным положением, но и уровнем самосознания, отражаемого степенью образованности.

Дело, разумеется, не в том, что почти до середины XIX в. среди купечества не было лиц с университетским образованием. Купечество в массе своей было не менее грамотно, чем, скажем, низшее или даже среднее духовенство. Но эта грамотность носила узко прикладной характер, легко приобретаемый в рамках начальной школы или даже домашнего образования, что могло быть позволено в купеческой семье. Отношение же в купеческой среде к просвещению в широком смысле было недоверчивым и не признавалось необходимым, по принципу "наука отбивает от дела" (Сведения о купеческом роде Вишняковых... С. 91–92).

В результате рождался прагматический взгляд на жизнь, сосредоточенный исключительно на деловых интересах. Он-то и нашел отражение в "Записках" Н.Ф. Котова и в форме, соответствующей данному взгляду. Поэтому запечатленная здесь конкретика до чрезвычайности упрощена лишь, скажем, перечислением фамилий. Автор не расшифровывает означенных лиц – ему-то они известны. В общеисторическом же контексте эти имена ни о чем не говорят.

А между тем стоящие за ними люди составляли ту наиболее многочисленную торгово-промышленную среду, которая обеспечивала нормальное экономическое функционирование. Не говоря уже о том, что знание этой среды вскрывает механизм внутренних взаимоотношений отдельных социальных групп.

В самом деле, о чем свидетельствуют встречающиеся в тексте имена родственников и знакомых, которые поддаются идентификации? Большинство из тех, с кем в достаточно тесных или даже родственных отношениях находились Котовы, это сравнительно недавние московские жители.

Крестовников Василий Иванович (1753 – после 1812) с сыном Алексеем (1768–1814) прибыли в московское купечество из купцов Переславля-Залесского в 1786 г., а Козьма Васильевич Крестовников – двоюродный брат первого и тесть брата автора "Записок" Михаила Федоровича Котова (1789 – уп. 1833) – числился и в начале XIX в. переславль-залесским купцом, хотя имел дом в Москве (Материалы... Т. 4. С. 685; Капитальные книги... С. 229, 431; [*Крестовников Н.К.*]. Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903. Кн. 1. С. 5, 23–28).

Василий Петрович Бабанин (1745 – после 1812), женатый на сестре автора "Записок" Анне, прибыл в московское купечество в 1775 г. из кузнецов ведомства Переславль-Залесской провинциальной канцелярии (Материалы... Т. 3. С. 32; Т. 4. С. 26; Капитальные книги... С. 248).

Сын упоминаемого в тексте "Записок" Юрия Михайловича Венециана, Гаврила Юрьевич Венецианов (1752 – до 1833), прибыл в московское купечество в 1780 г. как "неженской житель грек" (Материалы... Т. 3. С. 30; Т. 4. С. 24; М., 1888. Т. 7. С. 12; Капитальные книги... С. 9, 99, 307).

Степан Николаевич Фролов (1764–1826), женатый на племяннице отца автора "Записок" Марье, дочери переславль-залесского купца Алексея Ивановича Котова, прибыл в московское купечество в 1786 г. из волоколамских мещан (Материалы... Т. 4. С. 393; Т. 7. С. 136; Капитальные книги... С. 159, 371).

Иван Семенович Живов (1765 – после 1815) с отцом Семеном Ивановичем (1740–1793) прибыли в московское купечество в 1788 г. из касимовских купцов (Материалы... Т. 4. С. 58; М., 1887. Т. 5. С. 19; М., 1887. Т. 6. С. 10).

Петр Иванович Коробов (1748 – после 1815), на место которого во французской администрации был назначен отец автора "Записок", прибыл в московское купечество в 1774 г. из хлыновских купцов (Там же. Т. 3. С. 297; Т. 4. С. 585; Прил. 1. С. 4; Т. 5. С. 284).

Григорий Аврамович Кирьяков (1741–1812) с братом Андреем (1752–1804), отцом упоминаемого в "Записках" Алексея Андреевича Кирьякова (1781–1846), прибыли в московское купечество в 1770 г. из серпуховских купцов (*Аксенов А И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 112, 164, 165).

Все они, как и Котовы, переселились в Москву из провинциальных посадов в последней четверти XVIII в., составив последнюю в данном столетии волну обновления московского купечества. А это значит, что круг общения Николая Федоровича Котова и членов его семьи четко обозначен деловыми и жизненными интересами с лицами, связанными единством происхождения.

Более того, за исключением трех последних фамилий, упоминаемых в "Записках" только по случаю, всех вышеназванных объединяет и гильдейский статус – все они купцы 3-й гильдии, лишь время от времени объявляющие капитал по 2-й гильдии. Иными словами, налицо ярко выраженная социальная стратификация, характерная для корпоративно-клановых тенденций на всех сословных уровнях.

Так, простая идентификация лишь глухо названных в "Записках" имен приводит к важным выводам о характере взаимоотношений московских купеческих слоев, в которых отдельные семьи оказываются тесно связанными происхождением, сословной принадлежностью и родственными узами.

И еще об одной стороне "Записок" Н.Ф. Котова следует сказать отдельно. Купечество пострадало от разорения Москвы больше других сословий. Это будет понятнее, если представить суть предпринимательской деятельности купечества конца XVIII – начала XIX в., заключающуюся в том, что успех или неуспех "дела" купца был связан не с личными накоплениями, а с оборотами, основу которых составляли кредиты. Поэтому разграбление лавок с товарами, собственных домов с припасами и утварью, а тем более промышленных заведений было равносильно вырыванию основного звена в оборотной цепочке, приводящему к неизбежному разорению. Неудивительно поэтому, что основное внимание автора "Записок" сосредоточено на данном обстоятельстве. Чрезвычайно интересны дневниковые записи Н.Ф. Котова московского периода, сделанные в ноябре после возвращения. Уже на следующий день по приезде он пишет "просительные письма" кредиторам о займе денег. Для возрождения предпринимательства это вопрос вопросов. И Николай Федорович обращается к нему снова и снова еженедельно. Но он использует услуги не только московских, изрядно отягченных в условиях разрухи заказами, но и иногородних, например астраханских, заимодавцев. В числе его первых действий были также меры по возобновлению торговли. Уже 15 ноября он записывает о завершении строительства лавки "на площади", очевидно, уничтоженной пожаром. И только на следующий день занимается в кладовой разборкой шляп, или, вернее, того, что от них осталось. Ясное дело: вначале надо наладить главное, а остальное уже рутина, повседневность предпринимательства. А она уже не стóит, с точки зрения автора, "дневникового" внимания. И потому, сделав еще несколько записей, касающихся окончания всколыхнувшей его эпохи, и завершив все анекдотом об удачливом человеке, сохранившем деньги в выдолбленной репе, Н.Ф. Котов поставил в своих "Записках" точку.

Но та энергичность, что в них отмечена, с которой автор, как и тысячи других московских купцов, принялись за восстановление предприниматель-

ства, принесла скорые результаты. Возобновляется торговля и промышленность. Уже к середине 1813 г. "главнейшие заведения и мануфактуры московские возникли из под пепла и развалин" и даже "число фабрикантов противу прежнего нарочито увеличилось" (Северная почта. 1813. № 67). Вместе с тем очень многие купцы-промышленники не выдержали последствий 1812 г. В их числе оказались и Котовы. С 1813 г. фабрики Николая Федоровича исчезают из ведомостей о состоянии промышленных предприятий в России. Но его энергичные усилия не пропали даром и позволили семье удержаться в купечестве. Уже через 20 лет после описанных им событий его сыновья Григорий (род. 1807) и Федор (род. 1809), а также младший брат Михаил (род. 1789) жили со своими семьями каждый в особом капитале, хотя и по 3-й гильдии (Материалы... Т. 7. С. 224). А через столетие более отдаленный потомок предоставил его рукопись для публикации. И в этом есть заслуга автора "Записок".

Я из Москвы выехал с Козьм. Вас. Крестовниковым, оставив батюшку в Москве 1-го сентября, то есть в воскресенье в ночь, а наше семейство из Чудинки утром в воскресенье же вместе с семейством Крестовниковых*. Мы же по выходе в понедельник 2-го числа кормили в Пушкине и обедали, а ночь всю ехали, и лишь только мы выехали, то Мытища и зажгли, а во всю ту ночь видны были заревы. А ночевали в Воздвиженском, вместе с нами ночевал какой-то барин-князь. Сказывал, что французы в Москву не пойдут, а своротили на Калугу. 3-го числа в обедню приехали в Лавру и проводили своих, и в монастыре узнали, что французы в Москве. (Я видел прежде бывшего казначея, переславского уроженца. Он сказал: "Когда ты из Москвы?" Когда я его уведомил, то он мне сказал: "Теперь французы в Москве и Бонапарт в Кремле. Вчерась вступили в Кремль, и не было ни одного выстрела".) Козьма Вас. этому невдруг поверил. Я опять пошел в монастырь справиться. Тут мне сказали: "Вот в возах ризница, владыка посылал было к главнокомандующему в Москву просить провожатых, и посланный сказывал, что главнокомандующего не сыскал, а французы в Кремль вступили".

После обеда же видели мы Вас. Фед. Стужина[1]. Он сказывал, что утром в понедельник казнил сына Верещагина Растопчин[2] и после Растопчина в Москве не видели и что утром в понедельник не было в Москве не только полиции, но ни одного будочника. И такое неустройство и страх в Москве! Кабаки все разбиты еще в воскресенье, а в понедельник и все харчевные лавочки.

Нам же случилось стать на квартиру, где стоял генерал гр. Пален[3]. В свите его были офицеры, почти все немцы. Один из них мне сказывал, что французы вступили в Москву с музыкой и так смирно, так мирно – словом, Мир–Мир.

На другой день, то есть 4-го числа, в среду, к обеду нагнали мы своих и увиделись в Переславле, остановились у родни г-на Крестовникова, вдовы Носенковой. Тут у нас люди взбаламутились, и мы принуждены были с ними порядиться: с кем 40 руб., с кем 35 руб., в месяц, лишь бы ехать на другой день, то есть 5-го числа поехали далее и 7-го числа, в субботу

---

* Мих. Фед. Котов был женат на Марье Козьм. Крестовниковой. (*Прим Н Вишнякова*)

утром, приехали в Ростов и остановились на квартире, где Козьма Вас. останавливался в Ярмарку. А 8-го числа в воскресенье, к вечеру приехали в Ярославль, в дом ярославского купца Порфир. Григор. Оловянишникова[4]. Сами остановились в отведенной комнате, а лошадей отослали поставить на отдаточном дворе П.И. Маурина и таким образом проживали в Ярославе спокойно, но не имея известия об участи батюшки до дня 17-го сентября Веры, Надежды и Любви. В сей день услышали мы от А.В. Крестовникова, что к нему пишет зять его П.П.Ж., что дом Фед. Ив. Котова вызжен. Это же он слышал в Переславле от Лукаши. И в сей день положили мне ехать в Переславль и узнать лично от домашних об участи батюшки.

На другой день, то есть 18-го сентября, после завтрака отправился я в путь и ночевал не доезжая до Ростова 17 верст в дер. Семибратной, и поутру 19-го числа, проехав Ростов, кормили, и не доезжая до Переславля верст 20 в деревне, кажется Вязьмы, встретились с батюшкой нечаянно, и тут в деревне ночевали.

И уведомился я от батюшки, что на среду, в ночь с 3-го на 4-е число, сгорел наш дом и кладовые разбиты, и в продолжении всех дней, кои он при них был, 12-го, кладовые наши грабили, и мы были в отчаянии, что после в них не сыщем или из них не получим ни зерна. Сказывал, что он был назначен в французскую администрацию и, как видится после дела, что на место Коробова (sic?)*. Батюшка же находился в Москве в великой нужде и страшном гонении. Однако был весьма счастлив, что не был в работе и французами не тронут, что заверяют и все домашние.

20-го числа сентября мы с батюшкой ночевали в Семибратной деревне. Дорога была трудная по причине мороза после большой грязи; а как по дороге мало очень ехало, то шишки не были сбиты и 21-го к обеду приехали в Ярославль к своему семейству, которое уже перебралось в особые покои. И таким образом, живя в скуке, по недостатку денег и по множеству лошадей, коих у нас было 13, мы 2 продали, оставив навсегда 11 лошадей и всё готовясь еще в дальнейший путь в Вологду, и как, наконец, в Ярославле слухи стали становиться лучше и по получении известия о избавлении Москвы 15-числа октября, утром с батюшкой и со всеми молодцами и лошадьми выехали из Ярославля в Москву.

1812 г. Ярославль. Журнал. Во имя господа нашего Иисуса Христа октября 9-го дня получили мы ведомость из Чудинок чрез письмо приказчика нашего Вас. Тихон. Никольского, что 25-го числа сентября в полдень показались французы-фуражиры из Москвы отрядами верхами, и когда наши дворовые и фабричные, увидев их, побежали, то они их догнали и ограбили, побрали всех птиц и прочее, спрашивали коров. Им сказали, что они далеко пасутся, то обещали наутро приехать. В Чудинке находились Татьяна Федоровна с Машенькой и Николай и Вас. Яковлевич Серебряковы[5], и Фед. Фед. Нечаев[6] с женой. И Татьяну Федоровну частью ограбили, да у нее частью добро с лошадьми из предосторожности находилось в лесу, с Серебряковых сняли по капоту. После сего Тат. Ф. и все прочие и приказчик Никольский уехали в Переславль.

---

* *Так в тексте*

В сей день пришел из Москвы приказчик Козьмы Вас. Крестовникова Кирилла Сергеич. Сказывал, что одна из наших дворовых девчонок прибегала из Чудинки в московский дом и сказывала, что Чудинку французы выжгли. Он сказывал, что он от 28-го числа сентября из Москвы и французы все-таки грабят, не только рядовые, но и чиновники под видом сбережения, ибо в сие время учрежден был один только "вид" правительства, и что французы делают все поругания церквам, в некоторых живут в алтарях и на престолах обедают, в церквах с женщинами даже спят, в трапезах имеют лошадей и в них гадят. Ризницы все расхищены. Иной француз или поляк сидит на фуре в парчовой или другой ризе, правит лошадьми, или в какой-нибудь на черно-буром меху дамской епанче или салопе стоит на часах, – ибо они все так бедны, наги и голодны и обносились, что как хлеб, так платье всё отнимают, лишь бы кто что завидел, ни даже грудному ребенку не оставит. Имущество нигде не могло уцелеть ни в каких кладовых, ибо французы дом осматривали по частям. Где признаков нету, то из догадки проламывали. А более русские доказывали частью из платежа, частью же из страха или из мученья, а более за деньги либо за вино. Платье сберегают частью, сверх исподнего надевали грязные портки, а сапоги ни на ком не могли уцелеть, а если кои и сберегли, то только немногие догадались, что их разрезали. Рубашки не могли ни на ком уцелеть. Разве сберегли только немногие, сверх своей надевали какую-нибудь мерзкую или самую толстую. Хлеб сберегли, и то не многие в разных местах, например в печах и в обгорелых местах, а более питались так и рыли картофель, свеклу, из стогов таскали пшеницу и пареную ее ели.

Анекдот, слышанный из Москвы от пришедшего из Москвы Кириллы Серг., приказчика г-на Крестовникова, что один из Переславля-Залесского мещан, мясник, самый удалыга и смельчак, услышав, что выдана в Москве от Наполеона прокламация к жителям Москвы и вне оной находящимся: 1) чтобы все кому угодно (что могу упомнить из слышанной мною реляции, которая выдана печатная половина на русском, а другая на французском языках) могли приходить в свои дома. "Я из среды вас самих выбрал администерию, которая составит комитет и оный будет печься об вас самих, об ваших имуществах и об ваших нуждах. Членов оного вы узнаете по алым чрез плечо лентам, а глава оного сверх оного будет иметь белый пояс. Так же учреждена и полиция, которая имеет 2 полицмейстеров и 20 частных приставов, коих вы узнаете по белой на левой руке ленте". Еще и другая прокламация (Наполеон в бытность в Москве выдал 6 или 8 прокламаций), в кои* приглашает окольных жителей привозить хлеб и всякие съестные вещи, обещал безобидный и чистый платеж.

Оный переславский мясник вздумал воспользоваться оным случаем, приехав к Москве с пустыми телегами тремя на трех лошадях к заставе в полночь. Лишь только он показался, то оные 3 лошади были тотчас у него

---

* *Так в тексте.*

отняты. Он, оставя их, побежал в Москву к главному французскому коменданту. Пришел к его дому, требует, чтобы доложили генералу. Но как ему сказали, что теперь не можно, потому что он спит, но он требовал сего непременно, говоря, что я его превосходительству имею доложить секретное дело. Когда же генерала разбудили и он к нему вышел и спросил: "Какое дело?", то мясник стал говорить: "Ваше превосходительство, по приглашению вашего императора и короля, чтобы возить хлеб в Москву и что будет безо всякой обиды, я привез 3 воза хлеба и лишь показался, тотчас у меня лошадей отняли и хлеб разграбили", присовокупя притом, что "этак нам никак нельзя ничего привозить, да и никто не повезет". Комендант тотчас же послал справиться и у заставы подлинно нашли 3 телеги и 3 лошади, взятые от него. Комендант тотчас же велел их ему возвратить, спрося притом, что много ли у тебя было муки. Он ответил, что у меня были возы легкие, на каждом по 15 пудов. Комендант спросил: "Почем она тебе стоит?" А он сказал, что по 2 руб. "А много ли тебе надо пользы?" "Да надо по 1 руб.", – сказал мясник. Комендант велел отдать тотчас ему деньги. Мясник еще сказал: "Ваше превосходительство, позвольте взять мне из Москвы мое имущество", и когда комендант ему позволил, то он ему сказал, что если таким манером, то мы всегда и всё будем возить. Выпросив от коменданта провожатую команду и наложил на все 3 воза (им прежде накраденного и приготовленного имущества, как частного, так и церковного), благополучно приехал в Переславль.

Октября 10-го дня получено от 3-го октября письмо от дядюшки Ив. Ив. Котова[7] следующего содержания, что он и Яков Родион. здоров и жив в доме Степ. Никол. Фролова, который не сгорел, и с ними вместе Вас. Петр. Бабанин с тетушкой Анной Ивановной и Ив. Алексеев. Котов[8] с своим семейством. Грабеж в Москве продолжается, и из наших кладовых во всякое время и всякую всячину все-таки таскают, только зайцы понемногу таскают, и что к общему сожалению начали на Иване Великом главу разламывать.

Еще в городе пронесся слух, что курьер, едущий чрез здешний город (затем что принц из Главной армии на свое имя не получает депешей, а узнает и спрашивает словесно от едущих курьеров с депешами на имя государя), сказывали, что по Калужской дороге было сражение от Москвы в 70 верстах, в коем положено на месте 40 тыс. чел. и взято 30 пушек и богатый обоз с серебром и золотом, и неприятель в беспорядке ретировался.

Великая княгиня, как прежде было слышно, просила Кутузова, чтобы он уведомлял ее о действиях армий, но он на ее же просительном к нему письме написал карандашом: "Ваше императорское высочество, будьте покойны"*.

---

* Упомянутый здесь принц "Голстинский", как подписана одна реляция, был генерал-губернатором Новгородским, Тверским и Ярославским, а великая княгиня – его супруга, Екатерина Павловна, сестра Александра I. Настоящий титул его был – принц Гольштейн-Ольденбургский. Чрез него реляции передавались градской думе для сведения. Н.В. (*Прим Н Вишнякова*)

15-го числа октября утром отправились мы с батюшкой к Москве на 5 повозках*.

В сие число 8-го ноября увиделся я с Вас. Фед. из перинного ряда, и он сказал, что Алексей Андреевич Кирьяков приехал. Я к нему пошел, и он с Юрием Мих. Венецияном приехал из Чудина от Г.А. Кирьякова, и он его оставил больного. Спрашивал для него доктора, однако они (доктора́) в то еще время в Москве не собрались. Я тут обедал и ночевал, а поутру в Михайлов день были все у обедни в Петровском монастыре.

В продолжении сего времени кос-кто были у А.А. Кирьякова, был и аптекарь-иностранец. Разговаривали об обстоятельствах следующим образом: что Растопчин издавал свои афиши по полученным от Кутузова уведомлениям. И как было не верить тому, который командовал всеми армиями и у кого в руках было счастье и несчастье всей России? На случай же нашей ретирады говорят даже, что оное было сделано от Смоленска, по предложению английского посланника, который находился в армии (но правда или нет – оное неизвестно), только говорят, что Наполеон в том ошибся, что пошел от Смоленска к Москве. А может быть, Кутузов не ретировался далее, что после Можайского сражения известно, что французы были прогнаны 9 верст и наши отступили от места сражения и заняли не так выгодные позиции. Кутузов в надежде, что неприятель отдохнет после такого сражения дня три, занялся укомплектованием и приведением в порядок расстроенных полков, вдруг получил известие, что неприятель идет в 3 сильных колоннах и большею частью своих войск потянулся по Калужской и Тверской дороге, чтобы обойти армию и все московские укрепления, взойти в Москву сзади и действовать армии в тылу. Кутузов, видя себя в таких смешанных обстоятельствах, сделал Военный совет, на коем положено Москву отдать, то даже и Растопчин получил об оном известие за несколько часов. А российские солдаты охотно бы сражались и тем более, что Кутузов объявил в армии, что и московская дружина готова и идет к ним. И хотели пред Москвою дать сражение, так и Ростопчин писал, что и в улицах буду драться, и 2-го числа сентября, в понедельник, французы вступили в Москву, преследуя совершенно нашу армию и говоря им голосом: "Ступайте скорее, ступайте скорее! Мы не можем вступать! Что так медлите? Скорее, скорее!" Потом руками толкали. Потом после мирного их вшествия известно, что происходило.

Наполеон же после сражения Можайского издал прокламацию к войску. "Солдаты, я от вас многого ожидал, но вы превзошли мои ожидания. Вы страдали много не только сражениями, сколько маршами. Мы придем в Москву. Тут я буду делать с Россией мир, и вы там получите всякое продовольствие и новую обмундировку, и там-то вы отдохнете от своих трудов". Наполеона видели в Москве, что среди блестящей свиты он ездил в сером сюртуке и в маленькой трехугольной шляпе, как купец.

---

* *Далее в тексте вставкой следуют два письма: 1) Николая Федоровича Котова к брату Михаилу от 18 августа 1812 г., 2) Ивана Ивановича Котова, дяди автора "Записок", к жене Федора Ивановича Котова, Аграфене Алексеевне, написанное после 18 октября 1812 г.*

Скорый же их выход из Москвы последовал оттого, что Наполеон узнал, что 26 полков идет свежих казаков и во всех сторонах страшное ополчение и соединение войск, ибо во франц. войске никто не знает ничего, ниже короля и его генералы, и ниже самые адъютанты. А только он (Бонапарт) один получал отовсюду депеши, всюду разсылает ордеры, как королям, так и генералам, и никто, кроме его одного, не знает, в каком находится он положении. Говорят, что он (Наполеон) в бытность свою в Москве спал только по 4 часа: в 12 ложился и в 4 вставал. Еще говорят, что по приходе их в Москву генералы не знали и даже не верили, что у нас мир с турками. Тон же у них в армии такой, что рядовой солдат к генералу почти неуважителен, а не своего почти в глаза ругает.

Из Москвы ретирующиеся французы говорили, что мы идем под Калугу, под Калугу.

Может быть, сего и не последовало бы с Москвой, если бы не поздно были разосланы ордера, чтобы войска изо всех мест двинулись, а не в то время, когда государь издал манифест к царственному граду Москве.

9-го числа ноября цены состояли на съестные припасы на рынке:

говядина – от 14–10 коп. фунт, капуста кочан – 15 коп., икра паюсная – 60 коп. фунт, баранина – от 15–13 коп. фунт, хлеб печеный – от 5–4 коп.

Мы имели ночлег у Молчанова, а обедали и чай пили у Дурасова. В сие время сделалась оттепель и снег большей частью согнало, и мы с батюшкой в сие время сожалели, что нельзя будет нашему семейству ехать из Ярославля, потому что мы послали 2-го числа за ними 3 тройки с зимними экипажами. 13-го числа (ноября) утром поехали в Чудинку на телеге, то есть на колесах. Погода была осенняя тихая и довольно теплая, и в сей день в Чудинке были в бане и батюшка угорел или немного позапарился.

В Москве, как обер-полицеймейстер сказывал, может быть с небольшой прикрасою, что 8-го числа ноября народу простиралось около 100 тыс. чел.

В Москве всего было, говорят, от 9–10 тыс. домов, а осталось только до 2700 домов.

9-го числа были писаны просительные письма об деньгах чрез почту и адреса в Москву на берегу реки, против Кремля, в собственный дом И.В. Жернакову[9], С.Я. Серебрякову[9], в нем же и его прошено, чтобы он попросил Я.И. Чуркина[9].

22-го числа писаны просительные письма об деньгах и подтверждение прежнему И.В. Жернакову, С.Я. Серебрякову, Я.И. Чуркину с присовокуплением, что письмо его с распиской от 15-го августа не получено и говорят, что они увезены, а почтальон еще не бывал, а Вебер сказал, что если бы была и расписка, то у него теперь денег нету, представляя на волю оборотить назад, что и удержало подать в полицию объявление, видя, что будет без пользы (а просьбой, чтобы перевод не отдавать, а с почтою прислать).

15-го числа (ноября) писано в Астрахань М.М. Ржванову[10] подтверждение прежнему письму и с просьбою, чтобы на перевод ни на кого не давать, а прислать с почтою.

12-го ноября услышали благовест в Кремле в Чудове монастыре. Народ с любопытством желал знать причину оного. Наконец узнал, что митрополит Платон скончался[11].

14-го числа в Чудинке мы между тем заговелись в ожидании всего семейства из Ярославля, кои по причине согнанного снега не могли быть на зимних экипажах. За ними было послано 3 зимних экипажа, 9 лошадей и 4 чел., а именно: Иван Афанасьев, Вас. Прохоров, Иван Емельянов и Анисим Степанов.

15-го числа утром, в пятницу, отправились в Москву из Чудинок. В сей день окончено строение нашей на площади лавки, а наутро сделан расчет с товарищем Семеном Андреевичем, и обе лавки вышли по прокладке 301 руб. Следовательно, наша лавка стоит 150 руб. 50 коп.

16-го числа ноября впервые получено Москве освещение по ночам, не вся, а частью Тверская и вал, от нее лежащий. В сей день я с молодцами в кладовой нашей занимался разборкою шляп, коих оказалось очень много, но все почти лоскутки, потому что по шляпам ходили, как по сену, и на мятых шляпах ворочены тяжелые сундуки с расколанными крышками. И мы отделяли разорванные или совсем изломанные от не совсем изломанных. В сей день цена на капусту 12 коп. здешняя талая.

17-го числа, в воскресенье, я лишь хотел идти от Дурасова к Алексею Андр. (Молчанову) обедать и ночевать и вдруг идет батюшка, что я сейчас видел, он сказал, И.И. Скребкова и он мне сказал, что наше семейство едет, и мы тотчас собрались и приехали в Чудинку в сумерки и только что велели греть самовар, тут бегут, что наши приехали и все наше семейство благополучно и с взятым имуществом приехали вместе с дядюшкой И.И. Котовым и Николаем Яковлевичем.

19-го числа батюшка с братцем и молодцами на порожних 7 санях поехали в Москву за оставшим, а я остался в Чудинке.

Анекдот. И.С. Живов, увидевшись с А.А. Кирьяковым 10-го числа ноября, сказывал, что от оставшегося у него товара на 213 тыс. руб. отыскал на 500 руб. Оставшийся в Москве Игнат Михал. Сазонов сказывал, что, когда французы взошли, он запер ворота, и не могли они достучаться. Один перелез через забор. Они его из ружья хлоп. Потом они, ворвавшись в ворота, подхватили одного из его приказчиков с большою бородою, накинули на шею ему веревку, на заборину вздернули и спрашивали: "Где пан? где деньги?" Когда он не сказывал, вбежал на двор русский и сказал: "Да вот пан, что вы еще ищете?" И между тем переодевшегося И.М. Сазонова подхватили тотчас и привязали к ногам его веревки и вздернули на заборину и стали бить нагайками: "Где кладовые? где деньги?", – и он сам всё указал.

Еще забавно, что один мясник вынес из Москвы 30 руб. целковых, коего несколько раз обыскивали. Он догадался: выдолбил большую редьку и вложил в нее деньги и с оною редькой шел по Москве, имея в руках ножичек маленький, и когда станут его тревожить, то он от редьки отрежет ломтик и подаст французу. То он скажет: "О, недобре русский".

№ 3

Х.Х. Христиани. Записка. [Конец 1812 – начало 1813 г.]

14-летний отрок, бесстрашно преграждающий дорогу огню на пятом этаже Воспитательного дома (между прочим, будущий член Союза благоденствия), – лишь один из многочисленных эпизодов отважной борьбы мужской части семейства Христиани с последствиями нашествия наполеоновских войск на Москву. Отец, Христиан Христианович, автор публикуемой Записки, по указу от 6 декабря 1812 г. будет награжден чином коллежского советника (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1893. Вып. VI. С. 272–273), семье его в 1829 г. будет пожаловано дворянство, а трое его сыновей впоследствии получат высокие чины и должности на государственной службе (см. примеч. 1 и 2 к публикуемому тексту).

Но, разумеется, не об этих будущих чинах и отличиях помышляли Христиани, спасая от уничтожения Московский Воспитательный дом, – осенью 1812 г. он оказался средоточием тех, кто по разным причинам не смог или не захотел уйти из Москвы до вступления в нее французских войск; сюда же помещали раненых из числа самих французов: "Ежедневно прибегали под кров его лица разных званий и состояний; ежедневно приводили туда детей осиротевших или разрозненных со своими родителями во всем общего смятения и пожара" (Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в московском опекунском совете. М., 1859. С. 12).

Этих многочисленных обитателей Воспитательного дома, застигнутых в нем бедой, спасал Х.Х. Христиани со своими тремя сыновьями. Об их подвижничестве известно, кстати, и из донесения от 11 ноября 1812 г. директора Воспитательного дома И.А. Тутолмина императрице Марии Феодоровне. Здесь сообщается что Тутолмин использовал в своих переговорах с оккупационными властями "для перевода экономского сына, коллежского регистратора Петра Христиани", и далее: "Не могу 〈...〉 я умолчать о трудах бывших при мне в смутное время 〈...〉 нашего эконома Христиани двух сыновей коллежских регистраторов Франца и Петра Христиани" (Там же. С. 183). О сыне Христиани упоминает Тутолмин и в письме Н.И. Баранову от ноября 1812 г. (Рус. архив. 1900. № 11. С. 457).

Эти свидетельства, помимо того, что подтверждают подлинность излагаемых в тексте событий и поступков, служат для нас источником атрибуции текста: это писарская копия, не имеющая ни заглавия, ни даты, ни подписи. Но содержание ее с несомненностью свидетельствует о принадлежности перу сына голштинского купца Х.Х. Христиани (1747 или 1748 – 1817). С момента своего приезда в Россию в 1780 г. он определился на службу в Воспитательный дом бухгалтером аукционной палаты. В следующем году назначен там же экономом и с честью занимал эту должность до самой смерти. Примерно в 1782–1784 гг. женился на дочери содержателя фарфоровой фабрики Гарднера – Марии Елизавете Францевне Гарднер. Четверо их сыновей, как видим, доблестно служили России.

Рукопись сохранилась в составе личного архива В.С. Попова (1745–1822), высокопоставленного чиновника, с 19 апреля 1812 г. состоявшего председателем Комиссии прошений. Возможно, что публикуемый текст является объяснительной запиской Х.Х. Христиани, приложенной к прошению за себя или кого-либо из своих сыновей. Во всяком случае, текст можно уверенно датировать концом 1812 – началом 1813 г.

31-го августа весьма рано утром сообщил мне надзиратель Машков неприятное известие, что многочисленный отряд казаков, приехав к нам на скотный двор, разорили совершенно и увезли невымолоченный овес и 8 тыс. пудов сена, которыми мы было запаслись. Опасаясь лишиться всего нашего скота, состоявшего из 51 коров и телят, приказал я с согласия его превосходительства г-на Тутолмина пригнать оной ночью на 1-й сентябрь в Москву; но козы наши, коих было 19, разбежались по полям, и их невозможно было спасти.

2-го сентября, в 4 часа после обеда, вступил неприятель в Москву. Г-н Тутолмин решился явиться в тот же вечер к командовавшему неприятельскому генералу и просить его о даче караула для охранения дома от грабежа и обиды. Он взял с собою одного из помощников моих, но как они оба не говорят по-французски, то и отправил я с ними 3-го сына моего Петра[1] переводчиком. В тот же вечер отрядили к нам в дом одного офицера и 12 жандармов. Сей караул поместил я в своей квартере, где и продовольствовал оной в течении 10-ти дней, пока им не назначили других квартер.

2-го ж сентября, вечером, сделался в городе страшный пожар, которой распространился скоро в разные места и продолжался непрерывно. 4-го сентября при сильном ветре окружен был дом наш со всех сторон горящими строениями и ужасным пламенем. Барки частью пустые, частью наполненные пшеницею и другим хлебом, стоявшие в Москве-реке под самым домом нашим, объяты были пламенем, а также и мука и хлеб, выгруженные на берег и положенные в большие яруса. Между тем приняты были, однако ж, все меры для спасения дома нашего от пожара. Лабазы, выстроенные на берегу и наполненные мукою и хлебом, подвержены были великой опасности.

Мне с старшим сыном моим[2], одним из помощников моих, и другими добрыми людьми удалось потушить многие места, кои было загорелись. В это же время загорелся с одной стороны мост, находящийся при устье р. Яузы. Но как я туда уж и до сего отправил пожарную трубу, то и отстояли горящий мост с помощью многих посторонних людей, даже женщин и девок, кои с собственного движения стали носить воду. Ежели б сие не удалось, то достиг бы огонь дрова, лежавшие в множестве выше моста, и тогда бы невозможно было спасти с сей стороны большое наше окружное строение. Но пламя угрожало также сему строению со стороны улицы Солянки, куда мы все и бросились. Я с сыновьями и помощниками моими, а также и некоторые обыватели стали сламывать горящие заборы и деревянные домики и уносить дрова; без сей предосторожности огонь бы добрался до наших деревянных сараев, конюшней и погребов, и тогда бы невозможно было отстоять реченное большое строение. Но с помощью Всемогущего отвратили мы сие нещастие, в чем способствовал нам много расторопный и отважный наш пожарный начальник Бауермейстер, неоднократно подвергавшийся великой опасности.

Ужасная ярость огня за Москвою-рекою весьма затрудняла сохранение квадрата с сей стороны, ибо и тут также находилось множество дров; но второй помощник мой со многими обывателями всячески старался отстоять сие строение. Младший сын мой, помогавший тушить пожар со

стороны Солянки, удалился опять к реке. Вдруг заметили, что в 5-м этаже квадрата в отделении, принадлежавшем кормилицам, загорелась деревянная решетка пред окном. Сын мой взбежал со всемозможною скоростью по лестницам, открыл горящее уже окно и столкнул на двор решетку, объятую пламенем. Сим решительным поступком отвратил он и сию опасность. В эту ночь сгорело все строение, принадлежавшее к аптеке, прекрасный дом, называемой Гогеля, в котором жил напоследок доктор Танненберг[3], конюшни инвалидного дома и домашняя кузница наша с окружными строениями. Хотя свирепство огня и продолжалось во всех частях города, однако ж мы несколько успокоились в рассуждении дома нашего, потому что около нас все уже сгорело; но мы караулили день и ночь дрова наши, опасаясь, чтобы злодеям не вздумалось оные зажечь.

9-го сентября доложил я его превосходительству г-ну Тутолмину, что мне желательно съездить на наш скотный двор и посмотреть, не возможно ли спасти часть прекрасных наших плодов и овощей. Мне дали для прикрытия двух жандармов, с коими и отправился я туда в сопровождении старшего сына моего и некоторых из домашних. Проехав не без ужаса и опасности опустошенный город, прибыли мы на скотный двор. Но, всемогущий Боже! какое печальное зрелище представилось глазам нашим! Все плоды и овощи пропали с полей, заборы, деревянные строения были разрушены и сожжены. Каменное строение, двор, поля и лесочки наполнены были ранеными и пленными всякого звания; тут толпились священники, купцы, дворовые люди и крестьяне, окроме французского караула числом их было, конечно, до 6 тыс. Везде валялись непогребенные тела нещастных обоего пола, погибших от руки злодеев. Смело полагать можно, что жертв сих было до 400, ибо навозная яма была верхом накладена трупами. Сверх того лежали по полям околелые лошади, коровы и овцы. Гнусные злодеи оставили, однако ж, загородный дом наш, не предав оной огню, и довольствовались одним разорением. При возвращении в наш печальный город подвержены мы были опасности, не взирая на прикрывавших нас жандармов, ибо, проезжая чрез мост, на котором теснилось множество народу, ударил один португальской разбойник кучера моего саблею, но по счастию его не ранил.

Подрядчики, доставлявшие нам припасы, выехали все из городу, почему пригнаный с загородного дома скот нам весьма пригодился. Мы, однако ж, терпели большой недостаток в муке и крупах. Его превосходительство г-н Тутолмин отнесся о сем к французскому генерал-интенданту, и я выхлопотал, наконец, билет на 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров круп, кои я и принял. Но теперь представилось затруднение, где молоть пшеницу! Выпросив для прикрытия жандармов, отправился я с одним помощником и некоторыми домашними для отыскания мельницы в окрестностях Москвы. Мы нашли несколько мельниц, но оне все были разорены и покинуты. Наконец, отыскали мы одну мельницу, в которой расположены были несколько поляков, куда на другой день и приказал я привезти пшеницу, которую, смолов, отправил под прикрытием домой. Осмотрев сию последнюю мельницу, отстал было я несколько от товарищей моих, потому что лошадь моя устала; вдруг окружили меня

три вооруженные мародеры и я бы, вероятно, погиб, ежели б не показался на плотине один из жандармов.

10-й октябрь, в который день гнусные варвары приготовлялись выступить из городу, был один из ужаснейших для нас. Мы приняли всевозможные меры предосторожности на будущую ночь и никто не помышлял о сне. Во весь сей день был ужасный пожар. Сначала зажгли большой питейный магазин. После обеда загорелся великолепный дворец в Кремле, потом военный Комиссариат и некоторые другие строения. Вечер был холоден, и дождь шел безпрестанно. Но всех кровлях дома нашего расставлены были люди. Я занял место у задних наших ворот с довольным числом людей, потому что безпрестанно проезжали неприятельские разъезды. Около половины второго часа затмился огонь в Кремле, и в сие самое время взорвало часть Кремля на воздух с ужасным треском; в течении часа воспоследовало еще 4 таких же извержений, коими, однако ж, никого не повредило. Дом наш не понес также ни малейшего вреда, окроме того, что перетрескалось множество стекол[4].

№ 4

"Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года". [1813 г.]

"Записки" представляют собой едва ли не единственное свидетельство очевидца о том, что происходило в Запасном дворце и его окрестностях во время пребывания французской армии в Москве. Запасной (или Запасный) дворец, построенный в 1753 г., находился в Басманной части Москвы, на углу Красноворотной площади и Новой Басманной улицы. Дворец принадлежал дворцовому ведомству и служил резиденцией членам императорской фамилии и свите на время их пребывания в Москве. Чаще всего это происходило в связи с коронационными торжествами, когда двор приезжал в Москву и нужно было разместить императорскую семью и придворных.

Императорский Запасной дворец в Москве, так же как и Воспитательный дом, был каменный и поэтому послужил пристанищем для москвичей в неспокойное время в сентябре – начале октября 1812 г. П.В. Победоносцев записал в своем дневнике 16 декабря 1812 г.: "...Сокольский (Андрей Анисимович, преподаватель Екатерининского института. – *Ред.*) с женой, во время несчастья, был не далее как за 3 версты, и когда французы туда пришли, то жена его и сестра ее чудесным образом спаслись наверху под крышею и провели там несколько суток; потом он просил французского коменданта, и ему дали караул для провождения в Москву семейства его, и они жили уже в Запасном дворце, что у Красных ворот, и там выдавали им муку" (*Победоносцев П.В.* Из дневника 1812 и 1813 гг. о московском разорении // Рус. архив. 1895. № 2. С. 219).

"Записки" были обнаружены А.Г. Тартаковским в Архиве ПФИРИ. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг).

"Записки" не подписаны, и, хотя в конце карандашом проставлена фамилия "Вишневский", авторство последнего весьма сомнительно.

Автографы надворного советника Г.Ф. Вишневского под его заявлениями в следственную сенатскую "Особую комиссию для точного исследования о преступивших долг и присягу" (РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942, ч. II. Л. 250, 277 об.) существенно отличаются по всем почерковым характеристикам от

упомянутой карандашной пометы "Вишневский". О Г.Ф. Вишневском в "Записке" говорится всегда в третьем лице. Кроме того, при сличении фактического содержания "Записок" со следственными показаниями Вишневского обнаруживается, что автор "Записки" более обстоятелен и точен в описании событий, не ограничивается тем, что происходило в Запасном дворце и вокруг него, и отнюдь не касается того, в чем Вишневский считал своим долгом оправдаться перед комиссией сенаторов. Текстуальный анализ "Записок" и показаний Вишневского позволяет сделать вывод о том, что синтаксически и орфографически, а также по внутреннему психологическому настрою между обеими рукописями не обнаруживается определенной связи.

Автором "Записок" мог быть один из чиновников, живших во время пребывания в Москве французов в Запасном дворце.

Рукопись "Записок" входит в сборник на 180 листах, в картонном переплете с кожаным корешком, на котором имеется наклейка с надписью первой четверти XIX в. "Разные сведения". На верхней доске переплета имеется наклейка с "№ 4". В сборник, между верхней доской и рукописями сборника, вложен листок с надписью "№ 1059, 2148(I) из собр. Бауэра". Это дает указание на возможное первоначальное (или одно из первоначальных) местонахождение рукописи перед тем, как она поступила в Архив ПФИРИ. Хронологически материалы, помещенные в сборнике, охватывают период 1812–1815 гг.; большинство их относится к войне 1812 г. (копии указов, своеручных писем Александра I, таблица с перечнем "понесенных потерь от нашествия... обывателями Московской столицы..." и пр.). Формат бумаги рукописи – в лист.

Рукопись написана одним почерком разными чернилами и представляет собой черновик с немногими редакционными исправлениями. Возможно, рукопись – один из вариантов текста, так как на л. 14 автор, как бы пропустив при переписке строку, начинает новую, не закончив предшествующий абзац; заметив ошибку, он вычеркивает начатую строку ("Мы почти одни только жители Запасного дворца") и продолжает незаконченный абзац, а затем, л. 14 об., начинает с ранее вычеркнутой фразы. Кроме того, возможно, что рукопись создавалась на основе различных ранее осуществленных записей, и автор обратился к одной из таких записей, не закончив списывание предыдущего текста, и вернулся к нему.

Данная рукопись могла быть составлена с целью оправдания надворного советника Г.Ф. Вишневского, который давал показания в следственной комиссии.

Хотя анализ филиграни бумаги рукописи позволяет заключить, что она относится к 1813, 1816, 1819 и 1821 гг. (*Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX в. М., 1959. С. 54. № 382), "Записки" скорее всего были составлены в 1813 г. Об этом свидетельствует, во-первых, живость и непосредственность передачи в ней в форме подробных поденных записей впечатлений от пребывания французов в Москве и, во-вторых, оправдательное назначение "Записки" – вопрос о виновности остававшихся здесь местных жителей наиболее активно обсуждался в судебно-следственных инстанциях именно в 1813 г.

Что было в сие время в Москве, того не было и не будет нигде и никогда! Еще ранее сентября уже начиналось преддверие сей гибельной бури, а продолжалось до 12-го октября. В оные сорок дней не токмо каждый час, каждая секунда дня и ночи ознаменована была новыми ужасами!!!

Во весь август выезжали уже московские жители в разные губернии; а с половины оного и до конца почти и день и ночь ехали во все заставы, забирая самое нужное из своего имения, а многие и без оного. Лошади наемные от сего вздорожали до крайности так, что в конце месяца не было совсем оных и ни за что не можно было достать их. Необыкновенная пустота на улицах наводила какой-то страх и уныние. Главный лазарет, назначенный в Москве, также раздирал сердца наши, видя множество наших раненых защитников отечества и их раны, коих, не уместя в казенные больницы, ставили в обывательские домы. Все, все тогда было в движении! В оные же смутные дни вывозили казенное имущество и присудственныя места.

С 31-го августа на 1-е сентября проходила наша армия чрез Москву, к Коломне. В сие же время сняли все габвахты и притоны; причем и полиция также со всем штатом и снарядами выехали поутру, и город был оставлен без всякого начальства и защиты два дни[1]. Вот новый ужас! От его начались бунты по всем улицам и домам, к усугублению которых вырвались колодники из острога, и ямы, смирительного дома и прочих частных тюрем, сумасшедшие, проходящие ратники, отставные армейские солдаты, выздоровевшие раненые, фурманьщики, проч.; все они начали разбитием питейной конторы и винного двора; потом кабаков и виноградных погребов, отчего водка, вино и полпиво[2] текли реками по улицам. Ибо не столько пили, сколько лили. Пьяные же врывались в дома и лавки силою и грабили все попадающееся; тогда ни кто добрый человек не смел показаться на улицу. Лавки же все были заперты до 30-го числа; а следственно, кто из жителей не успел запасти припасов, то был без пищи. Тут чины, какия бы не были, не смели о себе объявлять на улице; крик, брань, угрозы и всякого рода буйства превышали все границы; в ето время, кто бы не перевозил свое имение в безопасное убежище от огня, был разбит и граблен на дороге наглым самым образом.

С 1-го же сентября на 2-е в ночи начались пожары в окрестностях Москвы, и слышна была пушечная пальба, огонь был день и ночь.

С 2-го числа загорелось все Замоскворечие и Смоленской рынок.

А 3-го и 4-го Китай-город со всеми лавками.

5-го числа был пожар и Красных ворот, и пошел к Лафертову; в ето время загорался Запасной дворец, в котором некоторые в окошках рамы уже выгорели и загоралась крышка, ибо около его вокруг был жестокий огонь, а к тому же перед вечером случилась столь сильная буря, что человеку не можно было устоять на ногах; столбы, прикованные железом, и зонты во дворце на галерее сорвало, песок и щебень несло по воздуху, а искры, уголья и головни сыпали наподобие сильного огненного дождя, покрыли весь дворец! Густой черной дым наполнил все улицы и затмил солнце! Глухой стон от падающих обгорелых потолков, крыш и стен! – вопли сгоравших больных, раненых и здоровых, не успевших из пламя выйтить! – вой собак, ржание лошадей, крики птиц; не умолимая в убийстве и грабеже ярость неприятеля; посрамление храмов божьих! Необозримое пламя, объявшее все части Москвы и окрестности оной, представлявшее океан огненный! – дым, все сие представляло страшную картину, которой никаким пером изобразить не можно!!!

Горе! Горе! и воспоминавшему оное!

В сие время жители из домов, объятых уже пламенем, выбегали в беспамятстве; искали спасения только жизни своей. Будучи ограблены, изувечены, а многие убиты, без пищи искали спасения в домах, по крайней мере уцелевших от огня. Наш дворец к спасению таковых и послужил, ибо оный сохранен был чрез необыкновенное благоразумие и деятельность г-на надворного советника и кавалера Гаврилу Федоровича Вишневскаго[3], не только от пожара, но и от грабежа и голодной смерти! он принял и спас таковых нещастных от пятисот человек разного звания, в коих до 50-ти чиновников; распоряжение его к заливанию пожара вместе с нами, мгновенные его способы в такое критические время, словам сказать: водимый Богом, умел спасти не только от огня, меча, но и от грабежа. Да будет хвала Богу! и благодарение Вишневскому! Имя его не будет забвенно вовеки!!!

Таковые ужасные пожары продолжались 8 суток, то есть до 9-го числа, в которое время некоторые жители, выбегавшие из пламя, спасая себя от огня, почитаемы от неприятеля были за зажигальщиков и фискалов и вместе с действительно таковыми были тот же час без суда при глазах наших расстреливаны; а другие повешены, многие изрублены саблями и исколаты штыками, а прочие, изнемогая от голода, также умирали, не исключая и младенцев. Тела сих нещастных мучеников и самых злодеев, заслуживающих подобною участь, также и остовы околевших лошадей покрывали все улицы, дома и дворы! а убийствы, грабежи и голод, все поедающий огонь, пушечные и оружейные выстрелы уверяли несомненно нас в представление света! Во все сии дни, в коих властвовала анархия, мы проводили и день, и ночь без сна на дворе, опасаясь огня, грабежа и ожидая ежеминутно смерти от проезжающих в беспорядке безпрестанно отрядов неприятеля и врывавшихся в дом наш, которые в одной руке пистолетом и в другой саблею вынуждали делать из нас все, что им хотелось! от тайного советника до последнего мужика, разного звания люди видели все роды сих ужасов и насилий, быв ограблены, принуждаемы еще были вместо лошадей носить для неприятельских солдат тягостнейшии ноши ограбленного ими имущества, рыть на огородах картофель, и за то, что не сможет нести долго тягость сию, были биты и увечены саблеми. Абыватель, коего с домом сгорело все его имущество, оставшееся еще, принужден был сам отрыть и сам же нести за неприятелем тягость, соразмерною лошади, – оставя между тем жену и семейство свое на произвол судьбы! Многие и поднесь не отыщут своих жен и родственников!! Таковую участь, я говорю, имели все, от генерала до мужика.

Первый отряд неприятельской был конница, которая показалась 2-го сентября в 6-м часу пополудни у Красных ворот. 4-го числа г-н Гаврила Федорович Вишневский умел умолить некоторых неприятельских офицеров стать к нам постоем, чтоб охранять от грабителей и убийц.

5-го числа, когда был в опасности от огня, ужасной бури и наш дом, мы толпою до несколько сот людей разного звания с женами и детьми принуждены были искать спасения в незагоревшихся домах; для чего и пошли по улицам искать таковых, сквозь пламя, опаляющее нас с обеих сторон.

На дороге, по коей шли, хотя и с провожатым одним французским офицером, но все были останавливаемы поляками и граблены. Необыкновенная картина! огненое море, жар и дым на каждом шаге нас останавливало; частые встречи неприятелей, обирающих нас с обнаженным оружием, приводило в неизъясненное отчаяние и страх! Нашедши уцелевший дом г-на Нелединскаго[4], что у Златоустенского монастыря[5], в нем ночевали с дозволения находящегося в нем французского полковника; кто мог в комнате, но большая часть и за множеством несщастных сотоварищей на дворе. Поутру, когда и сей был угрожаем огнем, мы пошли искать другово и, обрев таковой на Покровке г-на Булыгина, но в коем не более 3-х часов побывши, быв угрожаемы следующим за нами пламенем, перешли опять в Запасной дворец, который уже просчистился от дыма, а по взгорению около его всех окружностей, от огня. В нем-то мы, уже находясь все время бытности французской, себя спасали, хотя видели всех родов ужасы! видели многочисленных врагов своих, составленных из десяти или более наций и языков!

Можно ли не сказать, что сие происшествие есть Епоха в истории! Что приключение сие было неожиданно! Что огненное море пожара и бури было необыкновенно! Что многоязычность врагов та же! Что поступки их ужастны!! И что оставшиеся жители Москвы, коих очень много, примерно нещастны!!! Мы почти одни, только жители Запасного дворца, которых сохранена не только милая для всех жизнь, но и все имущество, как казенное, церковное, так и частное, имели даже во все сие время и пропитание, но все сие чрез мудрое распоряжение г-на Вишневского, который, подвергая себя тысячи опасностям лишится своей жизни, исходатайствовал не только охранительный караул к нашему дому, доставил нам пропитание, но уделял и многим посторонним, даже наших раненных, кои обгорели, а другии валялись на улицах, умирая с голода, испросил прибрать в больницы, где, совокупя с прочими там уже бывшими, доставлял пропитание, кроме того, что он испросил освобождение знатным семерым нашим чиновникам, взятым в залог под крепкою стражу, и возвратил их отчаявшимся семействам. Бог! и милосерднейший наш монарх! за того его и самого не оставит!!!

До вступления в дом наш караула, во время страшного грабежа и насильствия, и когда лютая смерть быстро носилась над обширным градом, Москва ежеминутно насыщалась нещастными жертвами своими; тогда и наш дом был посещен сими разбойниками; и самая первая жертва сего грабежа был спаситель наш г-н Вишневский, коего одного, почти обобрав, ушли. Ни один дом, лавка, ни одна церковь и ни один человек в городе не был пощажен от грабежа и насильствия!

От 2-го сентября и до 6-го октября во время, которое не можно было никому отважиться ходить по улицам для доставления себе пищи, ибо грабеж и всякого рода насильствия не переставали, хотя, впрочем, и были противу сего взяты меры от французского начальства, но не имев по многим причинам к тому способов, не могло оно сего прекратить совершенно. Во все же сие время зарево продолжалось вокруг нас и день и ночь.

6-го же числа октября неприятельская армия с императором своим весьма поспешно в ночь вышла из Москвы на Калужскую дорогу, сняв кордон и пикеты от всех застав, расставив оные по Белому городу; в Кремле же остался главный командующий маршал дюк Тревизский[6] и Лесепс с малым числом войска.

7-го числа зажгли пороховой двор, что в Сокольниках у Красного пруда; вот опять новое явление! Новый ужас! это был Везувий в Москве! Мы же бедные по нещастию были близки от сей смертельной картины, находясь в Запасном дворце. В 3-м часу пополудни совсем неожиданно вдруг раздался страшный гром с треском! от коего старинные стены нашего дома затряслись, стекла попадали! Мы без памяти, с бледными лицами выбежали на двор и на улицу узнать причину оного; мы в страхе вообразили, что вся Москва взлетела на воздух! Увидели черный дым, покрывающий все поле в Сокольниках, дознали, что ето взрывают пороховые онбары! тем еще более ожидали неминуемой себе смерти; все женщины, бывшие с нами, были полумертвы! вскоре последовал другой удар, несравненно жесточае первого, и надобно думать, что там были оставлены или нарочно приготовлены начиненные бомбы, которые за ужасным выстрелом взлетали вверх, разрываясь с сильным треском, причиняли такой гром в воздухе, что кроме опасного потрясения стен в домах, но и отшибало духом людей, стоявших на улице. После оного следовали многие удары до самой темной ночи, а огонь продолжался сутки! Гром сей был так силен, что был слышен за 64 версты от Москвы, то есть у Троицы-Сергия! – а в Москве тряслись все здания!!!

При таковых необыкновенных и ежеминутных ужасах! мы почти лишены были всех чувств, почитая все оное за сон, не воображали ето наяву и не ожидали уже лучшей себе участи! Забвенны от всего света, лишенные всех удовольствий, способов и всего, не зная, что еще с нами будет? Не зная о участи любезного своего отечества, родных и друзей! Как вдруг 8-го числа к неизъяснимой нашей радости, в полдня увидели скачущих из всей силы из Сокольников к Красным воротам российских казаков, человек с десять, которые искали по улицам и дворам французов, спрашивали у нас, нет ли оных в доме?[7] Но, как сказано выше, что цепь пикетов французских расставлена по Белому городу, а войско их в Кремле; следовательно, за Белым и Земляным валом французов уже не было на квартирах, кроме запоздавших, которые забирали последнее свое имущество на прежних квартирах. Оных наши казаки всех кололи, стреляли и в плен брали. Около дому нашего с десяток убили. Ночью же сего числа казаки уже не показывались и французские патрули разъежали в большом числе.

9-го были сшибки казаков с французскими пикетами, а особенно у острога и Петровского дворца; причем казаки гнались за неприятелем до Кремля. В сей же день французы били всех, кто с бородой, щитая за козаков.

10-го оставшиеся в Кремле французы вышли из Кремля и из всей Москвы в 7-м часу пополудни. И казаки опять показались в Сокольниках. С сего дня мы начали было думать о свободе своей и перемении горькой

участи, но оное же ужасное число доказало нам, что мы должны были еще зреть новые ужасы!

С 10-го на 11-е, в 3-м часу пополуночи, раздался сильный гром! с начала ночи сей было зарево над Кремлем, которое усиливалось к полуночи более, и к 3-му часу, распространяясь вверх, образовало огненный столб, из которого произошел тот ужасный выстрел, от которого потряслась вся Москва! и взорвало часть арсенала в Кремле. Чрез полчаса последовал другой удар, продолжительнее первого и пошел сильный дозжик. Мы, для которых вся сия ночь протекала во ожидании разрушения всего города и Запасного дворца, приготовились на все! Но слава в вышних Богу!!! Только пятью ударами во всю ночь кончилось варварское намерение подорвать весь Кремль. Поутру узнали, что желание врага* не исполнилось и Кремль потерял очень мало – святые соборы остались невредимы, только во всем городе вышибло стеклы вон.

С 10-го до 12-го числа было опять безначалие и страх от окрестных крестьян, которые съехались изо всех деревень и верст за 30-ть отстоящих для ограбления оставшего после французов имения. Мы в сие время опять не выходили со двора, ибо оные, нашедши после неприятеля в остроге и прочих домах водку и вины, а на винном дворе простое вино, напились пьяны; буянили и грабили все остальное, входили в домы, били зеркала, а другие с собой увозили, как-то: мебель, посуду, медь, железо и что только могли найтить. Соль, медные деньги, которых много еще оставили французы в казначействе и которые прежде сего оне продавали русским двадцатипятирублевый мешок за 20-ть и за 30-ть коп. серебра.

12-е число было уверением, что французы оставили Москву совершенно чрез вступление в город российской регулярной конницы, как-то: части драгунов, уланов, гусаров и козаков[8] с генералами Иловайским 4-м[9] и Бекендорфом[10], с которыми также прибыл и исправляющий должность полицмейстера господин Гельман[11]. После чего натурально мы стали ожидать оживления себе от своих соотечественников! И надеемся, что, видевши ужасы всех родов, перенеся все бетствия неслыханные и примерные изувеченные, лишенные всего и потерявшие еще многих кровных, – надеемся, что всеблагий Бог возрит на наши мучения! Что премудрый Александр, милосерднейший монарх наш, вникнет в положение своих подданных и единым соболезнованием своим воскресит уже нас почти умерших!

Умалчивая о тех ежеминутных убийствах, которые окружали нас и подобных сему, что тайной советник П. и действительный статский советник А. нагии в стужу лежали в поле без пищи 6-ть суток, что известный богач Устинов[12], ограбленный, пришел с Арбата в Басманную босиком, претерпев и на дороге множество насилий! Что священнику церкви Михайлы Архангела дали семнадцать ран разными оружиями, у которого сгорело и ограблено уже было все его имущество! Что многие иереи в облачении изрубленные валялись на огородах и улицах! Что на дворах и улицах лежали згоревшии и полуобгорелые люди, а другие, умершие от оружия и голоду! Что в храмах стояли лошади! и проч., и

---

* *Исправлено той же рукой и чернилами из* варвара.

проч. Что как сами сии особы, так и мы все, под присягой уверим в истинне каждого слова, тут написанного, ибо мы к нещастию были сами же жертвы и очевидцы всего сего!!!

Для продовольствия жителей открылся в Москве торг на Старой плошади и в Охотном ряду на возах, где продают мясо, муку, сапоги и проч.

К 15-му числу прибыл московский обер-полицмейстер Ивашкин[13] и назначенный в Москве комендантом г-н Спиридов[14].

За ними вскоре приехали главнокомандующий Москвы гр. Федор Васильевич Растопчин и гражданский губернатор Обрезков[15].

Октября 27-го числа было для нас совершенным для нас* разрешением двумесячных страдальческих оков наших! Не так ясно солнце светом разогревает злаки, оживотворяя оные после бурной зимы! Не так услаждают светлый месяц заблуждого в лесу странника в самую темную ночь! Не так спокойная пристань воскрешает пловцов после ужасного кораблекрушения! Как в 9-м часу утра приезд великодушнейшего начальника нашего, его высокопревосходительства Петра Степановича Валуева[16], который, как светлый луч во тьме, озарил унылые души наши, и мы теперь имеем твердую надежду существовать и быть под покровительством его по-прежнему щастливы!! Мы на коленях, с сокрушенным сердцем, чистою душею просили Бога! и он послал нам его!

№ 5

М.А. Милорадович. "О сдаче Москвы". 1818 г.

Герой суворовских походов, войн с Турцией и наполеоновской Францией, о котором после смерти слагались в России легенды, М.А. Милорадович (1771–1825), граф (с 1813 г.), начал службу в л.-гв. Измайловском полку, в 1788–1791 гг. участвовал в русско-шведской войне, с 1798 г. – генерал-майор, шеф Апшеронского мушкатерского полка, в Итальянском и Швейцарском походах состоял дежурным генералом штаба А.В. Суворова, отличился в сражениях при Анштеттине, Кремсе, Аустерлице, с 1805 г. – генерал-лейтенант. В 1806–1809 гг. в войне с Турцией командовал корпусом, с 1809 г. – генерал от инфантерии. С апреля 1810 г. – киевский военный губернатор. В начале Отечественной войны руководил формированием в районе Калуги запасных войск, с которыми 15 августа 1812 г. присоединился в Гжатске к главным силам армии. В Бородине возглавлял войска правого фланга и центра русской армии, после ранения Багратиона временно исполнял обязанности командующего 2-й армией, 28 августа сменил М.И. Платова на посту командующего арьергардом, обеспечившим отступление русской армии за Москву и проведение флангового маневра. В Тарутинском сражении командовал русской кавалерией. В период преследования наполеоновских войск в 1812 г. и в весеннюю кампанию 1813 г. успешно предводительствовал различными соединениями русской армии, составлявшими ее авангард. В январе 1813 г. командовал войсками, освободившими Варшаву, принимал активное участие в сражениях под Бауценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом. В кампании 1814 г. командовал пехотой русско-австрийских резервных войск. С ноября 1814 по август

---

* *Так в тексте*

1818 г. – командующий пехотой Гвардейского корпуса, после чего до дня смерти – военный губернатор Петербурга.

Воспоминания "О сдаче Москвы" представляют собой запись А.И. Михайловским-Данилевским устных рассказов Милорадовича во время их совместного путешествия по Крыму в свите Александра I в 1818 г. Текст записи, обнаруженный Л.И. Бучиной в составе одного из дневников Михайловского-Данилевского за этот год, не привлекал внимания историков. В "Журнале путешествия из Варшавы в Бессарабию, Таврической полуостров, землю Донских казаков, а оттуда чрез Воронеж в Москву в апреле и мае 1818" (РО ИРЛИ. Ф. 527. № 5. Л. 1–89), за 16 мая, после описания впечатлений от поездки по Южному берегу Крыма, отмечено: "Мне сегоднишнее утро останется памятным еще и потому, что граф Милорадович по просьбе моей рассказал мне подробности сдачи Москвы, которые я помещу в истории Отечественной войны" (л. 61). Рассказ этот Михайловский-Данилевский тогда же и записал (как вспоминал позднее, "в тот же вечер в Бахчисарае". – Рус. старина, 1897. № 8. С. 334), без помарок и исправлений, с небольшим числом вставок на полях и между строк, но не в самом дневнике, а на отдельных листах, приплетенных затем к концу "Журнала". Название "О сдаче Москвы" дано более крупным почерком и более темными чернилами и явно относится к более позднему времени, нежели текст самой записи. Михайловский-Данилевский считал ее, видимо, достаточно точным отражением слышанного от Милорадовича, так как все повествование строго выдержал в форме прямой речи рассказчика, с буквальной передачей характерных его выражений, фраз, отдельных словечек.

Менее чем год спустя Михайловский-Данилевский напечатал в "Русском вестнике" (1819. № 5/6. С. 5–24) статью мемуарно-исторического характера под тем же названием "О сдаче Москвы", основанную на большей части текста воспоминаний Милорадовича ("Первого сентября прислали ко мне приказ множество тянувшихся тут частных обозов"), воспроизведенного, естественно, не дословно, а с известными искажениями и пропусками. Но притом ни разу не было оговорено, что это – запись рассказа Милорадовича. Последний присутствует здесь как субъект исторического действия, как объект повествования, но не как его фактический автор. Тем самым данная часть рассказа об оставлении Москвы была представлена в статье как собственный текст Михайловского-Данилевского, действительная же принадлежность его Милорадовичу оказалась как бы утаенной. В "Описании Отечественной войны в 1812 г." (СПб., 1839. Ч. II. С. 359–361) освещение этого драматичнейшего эпизода войны 1812 г. также было построено на записи воспоминаний Милорадовича, но и здесь Михайловский-Данилевский ни словом не обмолвился о своем первоисточнике, хотя во многих других случаях, когда привлекал устные свидетельства участников событий 1812 г., как правило, на них ссылался.

Благодаря этому труду Михайловского-Данилевского в его же статье в "Русском вестнике" 1819 г. (а в начале XX в. она четыре раза перепечатывалась В.И. Харкевичем и К.А. Военским – см.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 99; Прил. Перечень I. № 65) впечатляющие подробности о решительных действиях Милорадовича в момент оставления Москвы широко разошлись в исторической литературе XIX–XX вв., обрели поистине хрестоматийную известность, однако никогда не возникало хотя бы предположения о том, что восходят они к воспоминаниям самого героя этих событий.

Между тем еще в 1828–1829 гг., перерабатывая дневниковый "Журнал" 1818 г. в связное мемуарное повествование и включая в него описание своих

бесед с Милорадовичем на темы 1812 г., Михайловский-Данилевский прямо указал на то, что из его рассказа "о происшествиях в день оставления нашею армиею Москвы" «заимствовал многое в статье, помещенной в "Русском вестнике" в 1819 году под заглавием "О сдаче Москвы"» (Рус. старина. 1897. № 8. С. 334). И тут же, со ссылкой на Милорадовича, привел с небольшими отклонениями от текста заключительную часть воспоминаний о его встрече 3 сентября – уже после оставления Москвы – с Мюратом ("На другой день под начальством полковника Ефремова" – С. 334–335). Но мемуары Михайловского-Данилевского о 1818 г., не предназначавшиеся им к печати, увидели свет только в конце XIX в., и авторство Милорадовича в течение восьми десятилетий продолжало оставаться скрытым от современников и потомков.

В настоящем издании, таким образом, впервые восстанавливается по автографу полный текст записи воспоминаний Милорадовича, ранее в целом не атрибутированных и рассеянных отдельными отрывками по различным изданиям. Сообщенные же в начале воспоминаний сведения о роли М.Б. Барклая де Толли в назначении Милорадовича командующим арьергардом вообще не были известны в литературе. Воспоминания эти являются единственно дошедшим до нас его мемуарным произведением – до сих пор какими-либо данными о мемуарном наследии знаменитого военачальника мы не располагали.

Публикуемые воспоминания – источник в высокой степени авторитетный. В описании наиболее существенных обстоятельств оставления Москвы они вполне подтверждаются (в иных случаях и текстуально) показаниями непосредственных очевидцев, основанными на их собственных наблюдениях и на близких по времени к событиям рассказах самого Милорадовича. Это – записки его адъютанта Ф.Н. Глинки (Подвиги графа М.А. Милорадовича в Отечественную войну 1812 года с присовокуплением некоторых писем от разных особ. Из записок Ф. Глинки. М., 1814. С. 12–14), прикомандированного к арьергарду Милорадовича квартирмейстерского офицера А.А. Щербинина (*Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. I. С. 23–24, 26–28), гусарского офицера Ф.В. Акинфова – того самого, который был послан парламентером к Неаполитанскому королю Мюрату (Там же. С. 206–208).

Во время путешествия по Крыму ехал я однажды в коляске с гр. Милорадовичем и просил его рассказать мне о сдаче Москвы. Вот его слова.

После сражения при Бородине поручили мне начальство над второю армиею, которая так была расстроена, что почти не существовала, а ариергард по причине контузии Коновницына[1] отдали Платову[2]. Неприятель напирал очень сильно, Платов сопротивлялся плохо, и неприятели почти 27-го числа не вошли в наш лагерь, посему послали туда Раевского[3]. 28-го вечером я лежал в избе, как пришел ко мне Барклай де Толли и просил именем отечества, чтобы я принял начальство над ариергардом. Я приехал в оной вечером, принял команду от Раевского, и так как армия была в близком расстоянии, то я решился на другой день дать сильной отпор неприятелю, чтобы между тем армия имела время и возможность, отступя более, исправиться в нуждах своих. Действительно, на другой день поутру, то есть 29-го августа, я был сильно атакован, сражался весь день и к вечеру принудил неприятелей отступить с поля сражения. Пленные сказали мне, что генералы их заметили, что в наш

ариергард прибыл другой начальник. 30-го и 31-го августа я так мало отступил, что армия находилась за мною уже в 40 (сорока) верстах, чему кн. Кутузов насилу поверил, и следовательно, могла без всякой опасности предаваться покою. Мало-помалу приближались мы к Москве. Первого сентября прислали ко мне приказ о сдаче Москвы, с тем чтобы я "почтил сражением древние стены столицы" и тем выиграл бы время к допущению обозов и тяжестей выехать из города[4]. Поутру я получил на французском языке письмо от кн. Кутузова к маршалу Бертие[5] для доставления оного на французские передовые посты, в котором по принятому на войне обычаю русские больные и раненые, находящиеся в столице, поручались в покровительство завоевателей. Это письмо еще рано отсылать, подумал я, и расположил ариергард свой в боевой порядок с тем, чтобы дать упорнейшее сражение. Скоро, однако же, многочисленные французские колонны показались отовсюду и начали меня обходить со всех сторон: одна из них была уже близ Воробьевых гор, в то время как я находился за шесть верст впереди Москвы.

Дабы неприятели не так скоро завладели Воробьевыми горами, то я послал туда небольшой отряд с тем намерением, чтобы маскировать и ввести неприятеля в обман, будто там много войск.

В таковом положении многие из бывших со мною генералов, как-то Уваров[6], Васильчиков[7] и другие, подавали разные советы, иные хотели спешить назад, другие сражаться; но главная вещь была бы не достигнута и сражением, потому что тем временем, как я бы дрался, а меня бы несомненно окружили неприятели, уже меня обошедшие, вступили бы в город, и тем самым помешали бы и выступлению некоторой части нашей армии, особенно казенных и частных обозов, сохранение которых мне в особенности было поручено.

Чем опасность больше, тем я становлюсь пламеннее... (и прервав в сию минуту речь, услышав ружейный выстрел охотника, который долго раздавался в утесах Черного моря, граф сказал с жаром: "Прежде, например в Италии, когда я услышу выстрел неприятельский, то я летел к нему, как на бал"). И в сие время характер мой не изменил мне. Презря все даваемые мне советы, я обратился с гордым, торжествующим лицом к моим адъютантам и закричал: "Пришлите мне какого-нибудь гусарского офицера, который умеет ловко говорить по-французски"[8]. Когда приехал таковой офицер, то я сказал ему с тем же надменным видом: "Возьмите это письмо (отдавая ему письмо кн. Кутузова к принцу Нефшательскому), поезжайте на неприятельские аванпосты, спросите командующего передовыми войсками короля Неаполитанского[9] и скажите ему моим именем, что мы сдаем Москву и что я уговорил жителей не зажигать оной с тем условием, что французские войска не войдут в нее, доколе все обозы и тяжести из оной отправлены не будут и не пройдет через нее мой ариергард. Посему скажите, чтобы он, король Неаполитанский, сейчас приостановил следование колонн, которые уже на Воробьевых горах, и также с других застав в оную сейчас должны войти. Есть ли же король Неаполитанский не согласится на сие предложение, то объявите ему, – сказал я грозным голосом, – что я сам сожгу Москву, буду сражаться перед нею и в ее стенах до последнего человека и погребуся под ее

развалинами"[10]. Слова сии изумили всех предстоящих, мой адъютант Де Юнкер сказал мне: "**Mon Général, on ne brave pas l'armée française**". "**C'est à moi àla braves**, – отвечал я, – **et à vous de mourire**"*.

Через несколько минут возвратился мой посланный и привез радостную весть, что не только Неаполитанский король согласился на мое предложение и приказал остановить вход войск в Москву до тех пор, как обозы и тяжести и оной увезены будут и мой ариергард пройдет, но что они, и Наполеон сам, находившийся близ короля, меня благодарят за мое предложение, что будто я уговорил жителей не жечь города. Я отправил Уварова и Васильчикова назад для устроения по возможности порядка на улицах Москвы, а сам, оставшись некоторое время на позиции, начал помалу с оной сходить и прошел город, способствуя жителям спасаться из оного.

Часу в пятом я прошел через город и, расположась в нескольких верстах от оного, от усталости вошел в избу и лег. Но через несколько минут вбежал ко мне генерал Панчулидзев[11], объявя, что два командуемых им полки драгун едва вышли из заставы, как их окружили неприятели, и что они находятся теперь позади неприятельской цепи. Я послал к генералу, командующему французским ариергардом, требовать их освобождения, но вдруг потом сел сам на лошадь и поскакал вперед. Я проехал неприятельскую цепь без одного адъютанта и без трубача к великому удивлению находившихся тут польских войск, которые смотрели на меня с изумлением. Я громко требовал начальствовавшего тут генерала. Явился Себастиани[12], которого я знавал в Бухаресте, начал говорить, что Франция и Россия должны жить всегда согласно и в мире, но я ему отвечал, что нельзя думать о прекращении войны, видя Москву в руках французов; и едва окончил слова сии, как скомандовал нашим драгунским полкам "по три направо" и вывел их за нашу цепь, равно и множество тянувшихся тут частных обозов.

На другой день, то есть 3-го сентября, я устроил ариергард в боевой порядок и, объезжая передовую цепь, увидел впервые Неаполитанского короля; сближаясь понемногу, мы подъезжали друг к другу. "Уступите мне вашу позицию", – сказал он. "Ваше величество", – отвечал я. "Я здесь не король, – прервал он, – а просто генерал". "Итак, г-н генерал, – продолжал я, – извольте ее взять, я вас встречу. Полагая, что вы меня атакуете, я приготовился к прекраснейшему кавалерийскому сражению; у вас конница отличнейшая, а сегодня решится, которая лучше, ваша или моя; местоположение для конного сражения выгодно, только советую вам с этой стороны не атаковать, потому что здесь болота". И после сего я повел его туда, что его крайне удивило. К вечеру я отошел далеко, а на третье утро, то есть 4-го, прислал он известить меня, что через четверть часа намерен меня атаковать. Между тем мы с ним опять съехались на передовой цепи. "К чему проливать кровь, – сказал он, – ваша армия отступает, вы с ариергардом должны следовать ее движению, следовательно, уступить мне без боя вашу позицию". "Это я сделать не могу, –

---

* "Генерал, перед французской армией не надо бравировать". "Это мое дело бравировать, – отвечал я, – а ваше умирать" (*фр.*).

отвечал я, – и есть ли вам угодно поехать со мною, то вы удостоверитесь лично в моих причинах". Здесь поехали мы через нашу цепь: король немного оробел и оглянулся на свиту свою, оставшуюся позади. "Не бойтесь ничего, – сказал я, – вы здесь безопасны", – и потом обратился к стоявшим вдалеке адъютантам его и ординарцам: "**Messieurs da la suite du Roi de Naples avancer**!"*

Я показал ему часть моей позиции, он просил меня уступить ему часть деревни, бывшей впереди оной, а потом всю деревню, на что я согласился. После сего он хотел было ехать далее со мною, но я, указав ему на наших гренадер, сказал, что этим храбрым солдатам неприятно будет, есть ли они увидят нас вместе, простился с ним, провел его до аванпостов и на другой день скрылся от него боковым маршем на Калужскую дорогу вслед за Главною армией, оставя за собой на Рязанской дороге козачий отряд под начальством полковника Ефремова[13].

№ 6

И.А. Адлер. "Похождение моей жизни со 2-го сентября по 28-е декабря 1812 года". [1820-е годы]

Неизвестно, довел ли до намеченной в заголовке даты мебельный мастер Иван Антонович Адлер свое повествование. Всего одна неделя его "похождений" описана в дошедшей до нас части текста. Но позволено нам будет представить страдания вконец разоренного человека, оставшегося с грудным сыном и четырехлетней дочерью на руках, который, преодолевая неимоверные препятствия, пытается отдать последний долг скончавшейся в муках жене, – кажется, что только на описание этой безумной недели у него и достало духу.

Сын И.А. Адлера сохранил драгоценную реликвию отца – рукопись его воспоминаний о 1812 г. Она представляет собой, очевидно, беловой автограф, с аккуратно вписанными над строкой вставками, на 8-ми листах большого формата бумаги in folio с водяными знаками 1819 г. Твердый коленкоровый переплет, в который заключена рукопись, и ее титульный лист с надписью: "Похождение отца моего Ивана Антоновича Адлер в Москве 1812 года при нашествии Наполеона 1-го" – более позднего времени. Если сама рукопись по водяным знакам бумаги, общему своему облику и характеру почерка датируется 1820-ми годами, то переплет с титульным листом, по упоминанию Наполеона I, относится ко времени после провозглашения в 1852 г. императором Франции Наполеона III, – скорее всего, к 1850–1860-м годам.

На обороте титульного листа наклеен вырезанный из бумаги силуэт виновника несчастий семейства Адлеров – Наполеона. Сюда же вплетены другие сохранившиеся семейные реликвии: свидетельство немецкого каретного цеха в Петербурге от 7 июня 1780 г. о зачислении в него И.А. Адлера мастером и рисованная тушью копия с надгробного памятника и эпитафия И.Г. Адлеру (I.G. Adler) с датой 19 декабря 1798 г. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах И.А. Адлер переселился в Москву, ценой каких усилий ему удалось сколотить большую, в 47 человек, мебельную артель.

В справочнике "Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом, составленная служащим при Московском Военном генерал-губер-

---

* "Господа из свиты Неаполитанского короля, подойдите сюда!" (*фр*).

наторе чиновником В. Соколовым" (М., 1826. С. 247) Адлер Иван показан в числе московских ремесленников: "столяром, вечно цеховым. По Пречистенской части № 190".

По-видимому, силой духа и трудолюбием И.А. Адлеру удалось превозмочь жестокие последствия наполеоновского разорительного нашествия на Москву: он вырастил сына, и если того звали Евгением, то не внук ли нашего мемуариста – генерал-майор Август Евгений Адлер, рожденный 25 апреля (7 мая) 1834 г., – похоронен 31 декабря 1881 г. на иноверченском кладбище на Введенских горах?

При нашествии неприятеля в Москву был я иностранцем и занимался мебельным мастерством, имел артель до 47 чел. Материалу для такой артели было довольно заготовлено. Имел жену и двоих детей, сына восьми месяцев и дочь по пятому году.

До нашествия неприятеля получила моя жена болезнь, называемую корью, лечение продолжал. Жители столицы прежде мало-помалу, а после уже целыми обозами выезжали, так что уже в редкость было видимо лошадей и извозчиков. Артель свою еще до нашествия неприятелей распустил, также и учеников к своим помещикам, а осталось у меня только кухарка и нянька и два мальчика, которые были из тех губерний, где неприятель шел. 2-го сентября до обеда вышел я на улицу и вижу, что против дома, где я жил, была будка, но в будке двери растворены и сторожей никого уже не было, что меня нимало удивило, на улицах шел кое-где человек, все опустело, из обывателей столицы. Только поутру 2-го сентября видел, как везли разные военные припасы, шли и ехали разные больные и раненые наши войска. Но часу к 1-му или 2-му стало и их мало видно, а до 12-го часу видел, как наши обыватели, которые оставались здесь, несли ружья с деревянными кремнями, также и сабли. На спрос мой, откуда они оное тащат, отвечали: "Поди в арсенал, много годится для защиты от бусурмана". Надел картуз и я, пошел туда же, принес себе 2 ружья и 2 сабли. А народу в арсенале, как я туда вошел, было много и разбивали ящики и вынимали из них разное оружие. Пришед домой, вижу, что дело плохо, побежал я в нижнюю комнату, где пол был проваливши от гнилости, начал в одном углу рыть яму, вырывши оную, вбежал наверх, а у меня был большой сундук, который и теперь у меня цел для памяти, наклал в него и сам не знаю что, а знаю, что разное белье и нитки, а про ложки серебряные совсем и забыл. Не знаю, откуда у меня сила взялась, да, правда, у страха глаза велики, один я его сверху вниз стащил и под развалившийся пол в яму закопал. Только что оную работу кончил, гляжу в окошко, вижу, идет мой знакомый сосед и с ним двое верховых солдат. Гляжу, вижу, что мундиры не русские, на касках висят лошадиные хвосты. Выбегаю на улицу, спрашиваю тут случившихся соседей, говорят мне, что это англичане, а коли так, то бояться нам их нечего, был мой ответ.

Забыл было, 1-го сентября проехал по бульвару его светлость кн. Кутузов верхами со всем своим штабом. Против моего жилища был постоялый двор, погляжу уже этих мнимых англичан наехало и много, и начали у постоялого двора ломать забор. Духом разломали, поставили под навесы лошадей и сами пошли по лавочкам мелочным ломать двери и

запоры. Потащили водки, муку, крупу, рыбу и икру. Пьют и закусывают, приговаривая "**се бон**"*. Тут на одного польского пожилого уланского офицера невольно мое внимание обратилось. Сидя он на лошади в нетрезвом виде, покачиваясь в седле, как корабль на волнах, держа в одной руке полштофа кизлярской водки, приговаривая "добре", спрашивал у меня "**пе нонзы**"**. Черт мог его понять, по-польски не умею, думал я, что он просит пемзы, говорю ему, что это найти можно в городе, что начал он меня тут бранить. Это я понял, я от него давай Бог ноги. Вбегаю к себе, жена моя стонет, жалуется, спрашивает, мне не до того, бегаю как сумасшедший, не знаю, что делать, ищу няньку, кухарку. А они, сердешные, успели уже напиться допьяна от водки, которую мне ребята принесли при разбитии кабаков. Погляжу, нянька и кухарки и возле них мой ребенок валяются на куче стружек, перепачкавшись как себя и ребенка в своей рвотине, не зная от бесчувствия, что делается, прекрасное зрелище. Двери же у меня были заперты, немного спустя слышу внизу стук и шум, вслушиваюсь, вижу, что ломают двери, испугавшись оного, скрываюсь на чердаке. Побыв там немного, вхожу в комнаты, сердце переломилось у меня об жене, презрел страх, сошел, вижу, уж они у меня хозяйничают по шкафам, комодам; вытаскивая белье, женское бросают, мужское суют в ранцы. О, горе! Что я вижу! 24 ложки столовых, 12 чайных, 4 солонки, большую разливную ложку и перешницу, которые я забыл упрятать в сундук, у них как у вран в руках растегивают ранцы и туда их упрятывают. Смеючись лукаво и хищно приговаривая "**се бон**" "**пур манже**"*** вслед за сим.

У меня было 12 куриц под печкой, и кормить и поить мы их позабыли, верно от того ли или от шуму их нелегкая догадала поднять крик. Какое восхищение было в эту минуту у них, бросились туда, вытащили из-под печки кочергой. Головы долой и к лютейшей моей досаде заставили меня их щипать перья и очищать, толкуя мне: "**Травалье мусье**"****. Исправивши оных куриц, нашли они бывший у меня медный котел, в котором парили белье и варили щелок, я им толкую, что это погано, они мне говорят: "**Э ба сии егал**"*****. Слышу из речей, варят какой-то "**буи**"******, сварили, просим покорно, меня приглашают покушать суп, из 12-ти куриц сваренный, из такой посуды, которая мне по крайней нечистоте известна. Поевши, из остаточной водки, которую мне ребята принесли, мало того что напились как нельзя лучше, остатки повылили в свои манерки. Развеселясь всяк своим манером, качаясь, кто с песнями, кто с бранью "**Сакре нон де Die**"******* потащились, зацепая плечами все, хотя и на 2 аршина от них что бы стояло.

---

* "C'est bon" – "хорошо" (*фр*).
** "pieniądze" – "деньги" (*пол.*).
*** "C'est bon por manger" – "хорошо для еды" (*фр*).
**** "Travailler monsier" – "Работайте, сударь" (*фр*).
***** "Eh, bas c'est égal" – "Ах, все равно" (*фр*).
****** "Boulli" – "мясная похлебка" (*фр.*).
******* "Sacré nom de Dieu" – "Черт побери" (*фр*).

Не помню дней, когда и в какие числа все это со мною случилось, только на другой день начали показываться пожары в разных местах. И французы гуляют уже по всем улицам верхами и пешие, ко мне входили и выходили разных наций и разных языков солдаты. Двери все были разломаны, всякой брал или оставлял, что хотел, а что один оставлял, то другой брал. Как вдруг входит ко мне высокий гусар в красном мундире, молча охаживает все комнаты, осматривает все, видит, разбросано, что должно стоять на столе, то стоит или лежит изломано или изодрано на полу, как вдруг меня сиповатым голосом спрашивает: "Верно наши здесь уже были", – на немецком языке. Я оному обрадовался, думал, что мне ничего не сделает, я пожал плечами, отвечаю по-немецки: "**Ja, lieber Freund. Hier sind schon viele gewesen**"*. Я его спросил: "**Was sind Sie vor ein Landsman**". – "**Ich bin ein Ellsaser kom von Spanien und bey der verdamten aber schönen Schlacht bey Mosaick gewesen. 3 Tage habe ich nichts gefressen und gesoffen**"**, вдруг говорит мне: "**Kerl gieb mir zu fressen und zu saufen her oder dir soll das Donner Wetter durch alle Caldauen schlagen**"***. У меня было спрятано пять больших хлебов, я ему говорю: "**Ich werde gleich bringen**"****, а он проклятой встал у дверей, говорит: "**Kerl wen du mich nicht zu fressen schafts so schiese ich dich ibern Haufen**"*****, – держа заряженый пистолет в руках, принес ему хлеб. Говорит: "**Hast den du nichts mehr**". – "**Nein, mein Herr**"******, – отвечаю ему. "**Vervluchtes Volck**"*******, – проборматал он, вытаща из ножен саблю, начал резать или, лучше сказать, рубить оной хлеб. Заставил и меня только прежде поесть, при сей трапезе спрашивает водки, я отзываюсь, что нет, камраты его все выпили, как он взбесился и крикнул: "**Gleich du verdamter Hund daß mir der Brantwein hergestelt wierd**"********. Нечего делать, пошел изо всех опорожнившихся штофов и полуштофов капельки сливать. Стакана два или три слилось, не помню сколько, должно сказать, что в этой смеси была сладкая коришневая водка, оратафия, простое вино, пиво, выдохшее, квас и в одной склянке было немного уксусу. Все это слил вместе. Он, родимый, так стакан залпом и выпил, поевши досыта, остальной хлеб сунул в ранец, а остальную водку вылил к себе в манерку. Полагаю, что он со стакана этой смеси охмелел, судя по сему он так остервенился, как тигр, вдруг

---

* "Да, друг мой. Здесь уже были многие" (*нем*).

** "Откуда Вы родом?" – "Я – эльзасец, прибыл из Испании и участвовал в проклятой, но славной битве при Можайске. Уже три дня как ничего не жрал и не пил" (*нем*).

*** "Дай-ка мне, парень, пожрать и выпить, а то, черт возьми, как бы тебе все потроха не поотшибало" (*нем.*).

**** "Сейчас принесу" (*нем*).

***** "Если ты, парень, не дашь мне пожрать и выпить, я насмерть тебя застрелю" (*нем.*).

****** "А больше у тебя нет?" – "Нет, господин" (*нем*).

******* "Подлый народ" (*нем*).

******** "А ну быстро, пес окаянный, чтобы мне была водка" (*нем.*).

закричал: "**Gieb mich eine Bank her**"*. Я подал ему, он уселся, на меня поглядывает, вдруг угрюмо и сердито говорит мне: "**Höre du Kerl. Du hast ganze Stiefel an ziehe sie aus**"**. Вот пришла мне беда, я стал его просить: "**Lieber Herr, erbarmer sie sich iber mich man halt mich schon so 4 Pahr aufgezogen**". – "**Halt daß Maul du Niederträchtigen Kerl ziehe sie den Augenblick aus**"***. С стесненным сердцем и слезами на глазах стал их скидывать, скинул свои, он протянул мне свою ногу, кричит: "**Ziehe aus meine Stiefel den sie sind schon 3. Mohnat nicht ausgezogen gewesen, und meine füse sind gantz zerriben**"****. Потянул его сапог, но он не лезет, весь на ноге обсох и как будто приклеен. Я еще потащил, как он крикнет: "**Donner Mort Wetter, ich säbel dich den Kopf herunte**"*****, и с этим словом вытащил свою саблю и меня фухтелем так больно ударил, что у меня искры из глаз посыпались, что мне оставалось делать, а сапоги надо было ему голенища разрезать. Я его прошу: "**Erlauben Sie daß ich die Stiefelschäfte aufschneiden thue**". – "**In Drei Teifels Nahmen**"******, – был его ответ, я взял долото, стал одним кончиком ему сверху голенища разрезывать, а сам как осиновый лист трясусь, а он, держа саблю, мне говорит: "**Wen du mich Kerl in Fus Ritzs so liegt dein Verfluchter Schopf zu meinen Füßen**"*******. Нагнувшись, я ему со всею осторожностью начал разрезывать голенище, а с меня пот со лба так градом и льет, кое-как ему сапоги снял, а из них посыпался песок и очень довольно, не забудьте, что я стою пред ним босиком. Взял мои скинутые сапоги, надел на свои ноги, говорит: "В поре и на заказ нельзя потрафить". Поднялся со скамейки, протопнул ноги к полу, чтоб сапоги мои лучше на нем оселись, взял меня босого за руку и говорит мне: "**Ich werde dich ein Raht geben, wen idmand solte von unsern Leiten dir wass fragen so gieb es von guten willigen hertzenschon allein von mich Verdienst du Niederträtiges Geschöpf, daß ich dich den Rumpaufschneide saltz und ffefer einstreie und suf die Straße den Ralen Preis gebe Wohl verstanden und damit Holla. Adie**"********. И я ему: "**Adies, Wertester Herr**"*********, – с низким поклоном, босиком мне остаться нельзя, надел на ноги двое носков, взял

---

* "А ну подай мне скамью" (*нем.*).

** "Слушай, парень. У тебя сапоги целые, ну-ка сними их" (*нем.*).

*** "Дорогой господин, сжальтесь надо мной, с меня и так уже сняли 4 пары". – "Заткни пасть, мерзавец, и снимай их сейчас же" (*нем.*).

**** "Стягивай с меня сапоги, я ношу их не снимая уже третий месяц, все ноги себе до крови стер" (*нем.*).

***** "Черт побери, я разрублю тебе голову" (*нем.*).

****** "Позвольте, я разрежу голеница". – "Ради всех чертей" (*нем.*).

******* "Если ты, парень, порежешь мне ногу, твоя проклятая башка по земле покатится" (*нем.*).

******** "Я дам тебе один совет. Если кто-нибудь из наших людей тебя о чем-то попросит, сделай это охотно, с чистым сердцем. А от меня, мерзкое существо, ты заслуживаешь, чтобы я разрезал твое туловище, посыпал его солью и перцем и бросил на дорогу воронам. Понял все и катись. Адье" (*нем.*).

********* "Адье, дражайший господин" (*нем.*).

старые калоши, привязал к ним веревочки и таким манером упутал, как носят лапти. Между тем жена моя охает, лежа в постели, разное спрашивает, которого у меня нет и достать нельзя, призывает меня к себе и приказывает мне: "Если я умру, то ты меня схорони возле детей на Введенских горах". На сию пору проспались нянька и кухарка, больные с похмелья, требуют у меня поесть, и тут же вместе ищут вина, но его уже поляк и француз, баварец и саксонец, итальянец и испанец за здоровье ваше выпили, был мой ответ.

Не помню ни одного дня и числа, когда что со мной случилось, знаю, что было это только вечером, и кажется, это было 4-го сентября. Пожары были велики, а у меня в комнатах очень было светло и без свечей, стекла в окошках лопались от жару, однако Бог дом от огня избавил, которое мне и предвиделось, потому что пламя понеслось ветром от нашего дому в другую сторону.

Остаюсь один, хожу по комнатам, все раскидано, разметано, точно Содом и Гоморра, стал я размышлять, что мне делать, чем жить, хлеба только четыре каравая, жена больная должна без лекарства и доктора умереть. Дети малы, кухарку, няньку и детей кормить нечем будет, как этот хлеб выйдет. Полились у меня слезы, и мне сделалось очень грустно. Сидя в таких печальных и крайних размышлениях, как вдруг слышу топот и шум, вскакиваю, вижу, что человек до 200 входят, осматривают, замечают, что они пришли расположиться житьем у меня на квартире, так и сделалось. Верстаки и разный инструмент начали они выкидывать чрез коридорные перила, меня заставили комнаты выметать, спросили гвоздей, начали по стенам вкалачивать и развешивать свои ружья, тесаки и разную амуницию и расположились по-хозяйски. Тут же заставляют меня таскать дрова, топить печки, носить воду и сделали совершенным дворником. Я бы еще не роптал, если бы все это было, что спрашивают и за то, что нет, бранят, грозят побоями, заставляют чистить их сапоги, которые худы, а сапогов ведь не одна пара, щеток и ваксы нет. Признаюсь, что совсем меня измучили, тут же в доме в хлеву были две вскормленные свиньи, про которых я в этой суматохе совсем забыл кормить, да и нечем. Она начали визжать, французы услышали, обрадовавшись, бросились туда. Признаюсь, что мастерски они их обделали, както разных колбас и зельцу, ну словом, скоро и хорошо все сработали. Пошла варка, жаренье, ну словом, праздник, вижу, что мне тут ужиться с ними нельзя, попросился куда-нибудь у них съехать к своим или где более живут русских, но, не глядя на бедствие и не внемля моим просьбам, начали выгонять, а это было вечером часу в десятом. Взял свой кожаный диван, больную жену положил на него и с помощью учеников вынес на Тверской бульвар, укрыл ее лисьим салопом и капотом. Оставя одного мальчика тут у ней настороже, а сам побежал опять назад к себе, чтоб взять остальной хлеб, который был у меня хорошо спрятан на чердаке, хлеб мне Бог помог так вынести, что мои новые хозяева оного не видали. Лишь я только что вышел на бульвар, встречается мне итальянский барабанщик с барабаном за спиною, меня остановил с хлебом, стал отымать. Я ему оного не даю, но он вынимает свой кортик и намеревается меня оным щекотать, поопасся этой щекотки, бросил ему хлеб и с ос-

тальными двумя хлебами едва ли отошел шагов двадцать, как попадают мне еще четыре человека и остальной хлеб отняли. Посудите, каково мне было. Печали и горести описать не могу, что со мной было, не знаю в эту минуту. Горесть и отчаяние овладели мною, идучи по бульвару к оставленной жене и мальчику. Оглядываюсь на все стороны, вижу, везде горит, от дыму почти дохнуть нельзя, то при сем вижу уже погоревших наших несчастных обывателей старых, дряхлых, больных и малых, угнетенных несчастьем. Грабят, бьют, отымают у них узлы, что нравится, то берут, а другое бросают. Боже мой, подумал, все в одно мгновение – пожар, грабеж и убийство, с сими мыслями подвигаюсь к оставленной мною жене. Не знаю, кто опишет мою горесть, посудите, вижу уже свою жену обнаженную, лежащую в одной сорочке, салопу и капоту уже не было, также и мальчика тут нету. Что мне делать? Жена моя уже борется со смертью, укрыть нечем. Господи, господи, буди воля твоя над нами! Побежал назад домой, попросил у своих новых хозяев позволение, сжалились, дали мне мою собственную легонькую перинку, которой, прибежавши, оной ее и накрыл. Кто здесь был в то время, тот помнит, какой холодный и сильный ветер в ту пору был, и так от простуды полагаю, что корь на моей жене пала ей на нутрь, сел на сей же диван у ней к ногам, сижу, не знаю, что мне делать и куда деваться. Приходят ко мне кухарка и нянька с ребенком и дочкой, ибо новые хозяева им тоже были не по нутру, итак, я говорю: "Пособи мне, кухарка, донести диван с женою до Страстного монастыря". Кое-как мы оной с больною дотащили до стен оного, а тут народу нашего несчастного было уже много и все уже погоревшие, между коими старые и малые, больные, босиком, в рубищах, кто сидит, иной лежит, плач и вопль отдается в воздухе от сих несчастных. Притом неприятели нас уже обобранных еще ошаривают, что понравится в узлах, то обирали, каково наше положение? И так кое-как сию ночь мы провели. Когда расцвело, никто не знает, что нам делать, чем кормиться и куда голову приклонить. К счастию моему, идет кум, который говорить умел по-французски, я его увидел, кричу: "Поди сюда". Мы с ним поговорили, он посоветовал мне перейти к нему в золотарную кухню, ибо он был бронзовщик, поцеловав и поблагодарив его за милость, потащил я с кухаркой диван с больною к нему. В кухне лежали все уголья, разные плавильные горшки. Она же была без печи, пол каменный и прехолодная, аршина на четыре в вышину, железное решетчатое маленькое окошко. Словом, была холодная сырая тюрьма, нечего было делать, мы тут расположились как только было возможно. Прочие комнаты все у него были заняты французами, также сделались хозяевами. Не долго мы тут пожили, жену стал больную покоить, как и что можно было, но Богу угодно было 8-го сентября 1812 г. ее отозвать в лучшую жизнь, итак, она тихо уснула, оставя меня с двумя малолетними детьми в сей бренной жизни. Посудите мое горе, думаю, как я стану ее хоронить. Обряду не могу выполнить, священников нету, также денег я имел только 84 коп. Где я это все возьму, как гроб и отправку на Введенские горы, но Бог милосерд, пошел наудачу к Сретенскому монастырю, тут жил гробовщик и, к счастью, дом от пожара уцелел и сам он был дома. Прешед к нему, стал у него гроб просить, он мне указал на

двор: "Бери, какой хочешь, я им уже более не хозяин". Выхожу на двор, гроба все опрокинуты и в них насыпано, где овес, где сено, и французские лошади из них изволят кушать, а кавалеристы кои стоят, иные сидят тут и поглядывают, чтоб товарищи друг у друга не таскали корм, я к ним подошел, стал кланяться, просить у них гроб, но эти же варвары на меня смеются, приговаривая, которое я понял, нас де тысячами хоронят без гробов, смотри-ка этот хочет свою бабу в гробе схоронить, куда как затейлив; один из них умилостивился и указал мне напротив, оглянулся и вижу, что лошадь стоит и изволила все скушать из гроба. Он сделал мину, что оной я могу взять, обрадовавшись, не мешкая взял, но только все разное, дно черное, а крышка красной краской выкрашена и совсем непарное и не впору, нечего делать, лишь только взвалив на плечо, отошел сажен на 20 или 30, слышу за мной бежит француз с бранью. Догнавши меня, ударил меня очень больно в грудь, так что обе половинки упали и разломились об мостовую, начал меня бранить, трепать, как я смел взять без спросу. Я извинялся, просил, кланялся с слезами на глазах, умилостивился, оставил меня, только сказал "**кокен**"*, собрал доски от него, потащился, лишь только вышел на Большую Дмитровку против дома Салтыкова, о, счастье!, лежит на улице целый копченый окорок, я его поднял, запрятал между досок и принес домой. Кухарка и нянька обрадовались, говоря, слава Богу, будет чем помянуть.

Тут начали мы готовить покойницу, обмыли, я опять кое-как гроб сколотил, положили, убрали, как тогдашнее время позволяло. Тут меня опять взяло раздумье, как и каким образом я ее последнюю волю исполню – схоронить на Введенских горах. Из моих знакомых всякой боялся так далеко провожать пешком, а лошадей нет, как вдруг попала мне счастливая мысль, пошел к французскому полковнику, попросил, чтоб он позволил одному из его кавалеристов нас проводить, он на то согласился, и я подрядил за две сорочки мужские у него лошадь и самого в проводники. Стояли во дворе водовозные роспуски, мы взяли французскую кавалерийскую лошадь, заложили по-французски. Она верно в оглоблях не ходила, начала сначала упрямиться, однако скоро обошлось, мы поставили гроб и так с Богом поехали, со мной 8 чел. знакомых под защитою драгуна в полном мундире. Какой это был вид, может всяк себе представить, а мы без сапог и в рубищах, у всякого коечто было на ногах обверчено. Я сказал уже, что я был в калошах, как будто в башмаках, скажу хоть на римский древний манер опутаны. Как только мы чрез Яузу дворцовый мост переехали, нас остановили, спрашивая, что везем.

Провожатый наш за нас говорил, спорил, но ничего не помогло, а надо открывать гроб. Полагали, якобы под предлогом гроба имение везем. У меня на это руки не поднялись открыть гроб, но вдруг они сами мастерски его открыли. Признаюсь, крайне это меня огорчило, вырвались у меня слова, что злодеи вместо серебра увидели скелет. Они, как собаки без хвоста, пошли прочь, я взял опять крышку, заколотил, и так доехали мы до места.

---

* coquin" – "плут" (*фр.*).

№ 7

П.И. Вороненко. "Записка". 1836 г.

Прокофий Иванович Вороненко, по происхождению дворянин, в службу вступил в 1792 г. копиистом в Новомиргородский нижний земский суд. В последующие годы занимал мелкие канцелярские должности в разных губерниях и на императорском фарфоровом заводе, в 1806 г. получил чин титулярного советника. В 1809 г. – дворянский заседатель Макаровского земского суда. В 1810 г. вышел в отставку. В январе 1812 г. принят квартальным надзирателем в штат московской полиции, где быстро завоевал доверие начальства, и в ходе Отечественной войны привлекался к секретным делам, выходившим за пределы его непосредственных обязанностей. Помимо тех поручений, о которых рассказано в публикуемой Записке, на Вороненко возлагались и другие ответственные задания. Так, 9 сентября 1812 г. он был послан Ф.В. Ростопчиным из Главной квартиры в Петербург с секретным донесением Александру I по поводу оставления Москвы (Рус. архив. 1892. № 8. С. 534–536; 1901. № 8. С. 469). За "расторопность и усердие", проявленные в выполнении этих поручений, в ноябре 1812 г. Вороненко был повышен в должности и, став следственным приставом, занимал этот пост до конца своей службы в полиции в 1830-х годах (ЦМАМ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 95. Л. 3–6; Ф. 46. Оп. 8, т. I. Д. 368. Л. 570, 613; Рус. архив. 1866. С. 689–691). В "Книге адресов столицы Москвы" В.Д. Метелеркампа и К.М. Нистрема на 1839 г. (М., 1839. Ч. II. С. 69) Вороненко отмечен уже в числе "отставных чиновников". В справочниках и адрес-календарях за следующие годы его имя не значится.

Записка Вороненко возникла в связи с собиранием А.И. Михайловским-Данилевским в середине 1830-х годов материалов для подготовлявшейся им истории Отечественной войны. С этой целью во все губернии было разослано циркулярное письмо со специально разработанной анкетой-вопросником. В марте 1836 г. запрос об интересующих историка сведениях был направлен московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну, по указанию которого Управа благочиния обратилась к лицам, служившим в 1812 г. в городской полиции. Среди тех полицейских чиновников, которых удалось разыскать и опросить, был и Вороненко (ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 1. № 5; Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 139. С. XVI).

Записка сохранилась в писарской копии в составе коллекции исторических материалов Михайловского-Данилевского о наполеоновских войнах, в подборке копий документов Московской управы благочиния за 1812–1814 гг., полученных историком в октябре 1836 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465, т. 11. Л. 183–279). Подлинник Записки в фондах полицейских учреждений Москвы в ЦМАМ не обнаружен.

Ценность Записки Вороненко как источника прежде всего в том, что в ней впервые письменно закреплялись едва ли не одному ему известные сведения о сугубо конфиденциальных, не подлежавших в 1812 г. огласке распоряжениях Ростопчина и их реализации, что в ходе самих событий документально, по понятным причинам, нигде не фиксировалось. Квартальный надзиратель И. Мережковский, тайно посланный вместе с Вороненко в Москву, когда там были французы, в ответ на вопрос Управы благочиния, сохранились ли о такого рода делах "письменные предписания", писал в 1836 г.: "Оных не могло и быть ⟨...⟩ потому что мы всегда получали словесные приказания ⟨...⟩ и равномерно ⟨...⟩ доносили словесно" (ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 30. № 30). Об этих скрытых от современников сторонах своей деятельности и сам Ростопчин

крайне неохотно делился с окружающими в 1812–1813 гг. и старательно умалчивал в позднейших воспоминаниях (Рус. старина. 1889. № 12. С. 643–725). Вороненко же в свидетельствах, записанных по прошествии четверти века после событий, не был скован ни ведомственными отношениями тех лет, ни интересами сохранения военной тайны, ни авторитетом Ростопчина, умершего еще за 10 лет до того, и потому передавал свои впечатления, видимо, достаточно откровенно и непредвзято – такими, как они сохранились в его памяти. Достоверность их подтверждается другими источниками. Например, свидетельство о пребывании в главной квартире с конца июля до конца августа 1812 г. подкрепляется донесением Вороненко от 7 августа о падении Смоленска и письмом М.Б. Барклая де Толли от 30 июля Ф.В. Ростопчину (*Дубровин Н.Ф.* Отечественная война 1812 г. в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 70, 83–85). Рассказ о поджогах ряда объектов в Москве в момент вступления в нее французов совпадает в целом с мемуарами дочери Ростопчина Н.Ф. Нарышкиной, чья осведомленность питалась сообщениями близких и ее отцу лиц ("1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par madame Narichkine née comtesse Rostopchine. SPb., 1812. P. 168–169). Наконец, сведения Записки о разведывательных действиях в Москве в начале октября находят опору в рапорте столичного обер-полицмейстера П.А. Ивашкина Ф.В. Ростопчину от 27 ноября 1812 г. и в письменных показаниях полицейских чиновников Ф.П. Пожарского и упомянутого выше И. Мережковского (ЦМАМ. Ф. 46. Оп. 8, т. I. Д. 368. Л. 613; ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 30. № 30).

Описание Вороненко поджогов Москвы было использовано в книге Михайловского-Данилевского "Описание Отечественной войны в 1812 г." (СПб., 1839. Т. 2. С. 398–399) и с тех пор неоднократно воспроизводилось в трудах историков (*Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1860. Т. II. С. 315–602; *Попов А.Н* Французы в Москве в 1812 году. М., 1876. С. 96; *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 375 и т.д.). Но в полном объеме своих сведений Записка Вороненко в научный оборот не вводилась. В настоящем издании публикуется впервые.

Московской управы благочиния г-ну экзекутору Андрееву. Бывшего в штате московской полиции следственного пристава титулярного советника и кавалера Вороненко. Сведение.

Вследствие требования Вашего ко мне сведения относительно происшествий 1812 г., бывших пред вступлением в Москву неприятельских войск и по изгнании оных, имею честь сообщить Вам извлечение следующих действий моих, исполняемых по поручению главнокомандующего тогда в сей столице гр. Ростопчина.

1-е. В июле месяце 1812 г. по отбытии из Москвы блаженные памяти в бозе почивающего государя императора Александра 1-го я командирован был в главные квартиры обеих действующих армий Барклая де Толли и кн. Багратиона, а после и кн. Кутузова при отношениях к ним о сообщении мне сведений при каждом движении российских войск и сражениях с неприятелем для поспешнейшего доставления оных с эстафетами к гр. Ростопчину[1], каковые с 27 июля по мере получения мною копий с реляций я и доставлял до Бородинского сражения, а по получении оных в Москве гр. Ростопчин приказывал тотчас печатать издаваемые им объявления жителям, следствием коих было его же предостерегательное

распоряжение как в отношении вывоза из Москвы главных дел из всех мест, коронных драгоценностей и тому подобного, так и удержания спокойствия столицы.

2-е. После Бородинского сражения 28-го августа я возвратился в Москву, а к вечеру 1-го сентября гр. Ростопчин, приказав дать мне отряд из 21 чел. крутицких драгун, отправил меня на Фили в главную квартиру с тем, что буде бы неприятель сделал ночью натиск на нашу армию, то в ту же минуту с расторопнейшим из драгун давать ему знать хотя словесно о каждом движении; 2-го сентября в 5 час. пополуночи он же поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного вступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполняемо было в разных местах по мере возможности в виду неприятеля до 10 час. вечера, а в 11 часу из Замоскворечья, переправясь верхом вплавь ниже Данилова монастыря, около 2 часов пополуночи соединился с нашим ариергардом, между коего следовал до главной квартиры, расположенной за Боровским перевозом в селах Софьине и Куликове, а оттуда уже следовал с гр. Ростопчиным при армии до Красной Пахры из коей отправлен был им же с депешами от его имени и кн. Кутузова в Ярославль к принцу Ольденбургскому, от сего обратно в деревню Леташевку, место главной квартиры, но, не застав уже там гр. Ростопчина, получил приказание и подорожную от гр. Бениксена следовать во Владимир.

3-е. Оттудова 3-го на 4-е число октября ночью от него ж, гр. Ростопчина, я отправлен был с прикомандированными ко мне квартальными надзирателями Щербою, Равинским, Мерешковским, Иваницким и Пожарским[2] на С.-Петербургский тракт к начальнику обсервационного корпуса гр. Винцегероде[3], а от него 7-го октября до расвета тайно в Москву, разделясь по разным направлениям. Здесь было обязанностию нашею разведывать о силе и движении неприятельских войск, о запасах продовольствия оных, о духе оставшихся в столице жителей и прочем до положения тогдашних обстоятельств. И оказалось, что Наполеон 6-го и 7-го октября в 5 час. утра оставил Москву, но войски, покрывавшие пеплы сгоревшей столицы, из коих до 30 тыс. человек погибли на местах в фуражировке, без сражения побиваемые жителями и женщинами, в смешанном страхе за вождем своим потянулись наутек по трактам Калужскому и Смоленскому, оставив в Москве к 10-му числу октября не более 3 тыс., которые на 11-е число ночью, подорвав в пяти местах в Кремле здания, бежали разными партиями, и поутру часу в 7-м того же числа я был очевидный свидетель, как 16 чел. смеси властолюбивого полководца, шедшие беглым маршем с оружием в руках, встречены были на Арбатской площади крестьянами, которые во избежание проводов в команду русских отняли ружья и положили всех на месте. К нещастию, я видел и то, как 10-го октября вероломные в противность парламентерных прав взяли гр. Винцегероде и адъютанта его Нарышкина в плен. Далее о сем и о народном мнении я, способствуемый генералом Тутолминым, остававшимся в Воспитательном доме, выходил под именем его чиновника из Москвы с донесением к генералам Бенкендорфу и Иловайскому и

возвращался обратно по билету именовавшегося тогда градоначальником генерала Лесевса. Таким образом, благодаря Бога, стерли с земли своей живых незваных гостей и так оставалось очистить Москву от трупов и палых лошадей. И в тот же день, получив от означенных генералов 22 чел., как помнится, каргопольских драгун и изюмских гусар, я занялся управлением и очищением 5 частей города: Сретенской, Мясницкой, Яузской, Рогожской и Таганской – до прибытия полиции, и никаких неприятных происшествий не было, кроме одного пожара, случившегося ночью в доме Савеловой близ Смоленского переулка. По прибытии из Владимира гр. Ростопчина, он, одобрив мое занятие, распорядился вывезенные в поля тела и палых лошадей жечь, а между тем разбирательством о спорных обывательских имуществах и товарах, о людях разного звания, подпавших во время пребывания неприятельских войск в разные погрешности, но, по благоразумному рассмотрению его, никто, кроме важнейших политических (преступников), не пострадал. Впрочем, о других распоряжениях начальства, в то время бывших, как полагаю, можно получить подробнее из дел главнокомандующего в Москве, естьли они находятся в целости.

Подлинное подписал титулярный советник Вороненко.

Июня дня 1836 г.*

№ 8

И.Ф. Паскевич. "Походные записки". [1837–1838 гг.]

Крупнейший военный и государственный деятель своего времени Иван Федорович Паскевич, без сомнения, представлял собой весьма характерную историческую фигуру эпохи николаевского царствования.

Удостоенный уже в 1829 г. воинского чина генерал-фельдмаршала (выше которого Табелью о рангах тогда не предусматривалось), получивший в 1828 г. титул графа Эриванского, а в 1831 г. – светлейшего князя Варшавского (более высокие титулы могли носить лишь члены императорской фамилии), Паскевич до конца своих дней пользовался безграничным доверием Николая I, выполняя наиболее ответственные его поручения и будучи единственным человеком, к которому государь-император обращался не иначе, как "Отец-командир".

Являясь, таким образом, своеобразным олицетворением николаевской эпохи, Паскевич, разумеется, не мог не разделить с ней и того отношения, зачастую диаметрально противоположного, которое она вызывала со стороны представителей различных общественных кругов. Отсюда крайняя полярность в оценке его деятельности – от откровенно панегирических до иногда оскорбительно-уничижительных эпитетов и характеристик, встречающихся в отечественной историографии.

Бесполезно было бы попытаться примирить эти полюсы и подобрать такую оценку, которая оказалась бы приемлемой для всех. Единственное, что сегодня вряд ли вызовет возражения, – это необходимость самого серьезного критического анализа биографии столь видного государственного деятеля. Довольно обширные материалы для такого анализа собраны в труде князя А.П. Щербатова (*Щербатов А П* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его

---

* *Так в тексте.*

жизнь и деятельность. СПб., 1886–1900. Т. 1–7). Богатейший материал, далеко не исчерпанный книгой Щербатова, хранится в личном фонде И.Ф. Паскевича в РГИА в С.-Петербурге и в других архивохранилищах страны. Весь этот материал еще ждет своих исследователей.

Напомним основные вехи его биографии. Он родился в 1872 г. в Полтаве, в семье помещика, предки которого происходили из малороссийской казачьей старшины. В 1793 г. Паскевич был определен в Пажеский корпус в С.-Петербурге, по окончании которого произведен в поручики лейб-гвардии Преображенского полка с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I.

В 1805 г. флигель-адъютант Паскевич был назначен в распоряжение генерала И.И. Михельсона, армия которого находилась на западных границах в разведке. И лишь два года спустя, когда Михельсону были поручены военные действия против Турции, Паскевичу удалось попасть на поле боя. Здесь, на Дунае, молодой офицер получил свои первые боевые награды, был ранен. В мае 1810 г. назначен командиром Витебского пехотного полка, а 4 декабря того же года произведен в генерал-майоры. После чего Паскевич был отозван из Дунайской армии на Украину, где ему было поручено участвовать в формировании новых полков в связи с подготовкой к военным действиям против Наполеона. С января 1812 г. генерал-майор Паскевич командовал 26-й пехотной дивизией, располагавшейся в составе 2-й армии на западной границе. Этот период его деятельности достаточно подробно описан в публикуемых ниже "Походных записках".

После Бородинского сражения он занимался переформированием своей дивизии, принимал участие в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой, Ельней, Красным. В 1813 г. Паскевичу было поручено блокировать крепость Модлин. За отличие в битве под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты. С января 1814 г. командовал 2-й гренадерской дивизией, во главе которой 18 марта вступил в Париж. По возвращении в Россию дивизия Паскевича была расквартирована в Смоленске.

В 1817–1818 гг. Паскевич сопровождал великого князя Михаила Павловича в поездках по России и заграницу. Впоследствии командовал гвардейской дивизией. В феврале 1825 г. пожалован генерал-адъютантом и командиром 1-го пехотного корпуса, штаб которого был расквартирован в г. Митаве. Состоял членом Верховного уголовного суда по делу декабристов.

В августе 1826 г., находясь на коронационных торжествах в Москве, Паскевич получил назначение на Кавказ, где в то время начались военные действия против Персии. На Кавказе Паскевичу, произведенному тогда же в генералы от инфантерии, поручалось командование войсками "под главным начальством" А.П. Ермолова, что и послужило в дальнейшем источником недоразумений и столкновений между этими двумя военачальниками. После увольнения Ермолова в 1827 г. Паскевич единолично руководит военными действиями против Персии, успешно заканчивая войну подписанием Туркманчайского договора в 1828 г. А затем столь же успешно руководит войсками на Кавказском театре в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. По заключении мира генерал-фельдмаршал Паскевич приступил к административному устройству края, но уже в 1831 г. ему было поручено возглавить войска, действовавшие против польских повстанцев.

Закончив польскую кампанию взятием Варшавы в том же году и получив титул светлейшего князя Варшавского, Паскевич становится наместником в Царстве Польском, теперь уже надолго сосредоточивается на делах административно-гражданского характера. И лишь в 1849 г. ему снова довелось руководить военными действиями во время похода русских войск в Венгрию.

Принудив к капитуляции венгерские революционные войска, Паскевич вновь возвращается к административной деятельности в Польском крае. В феврале 1854 г., вскоре после начала Крымской войны, Паскевич был назначен главнокомандующим Западной и Южной армиями. Но в мае того же года покидает армию, направляется для лечения сначала в Яссы, а затем в Гомель, где и умирает в январе 1856 г.

Менее известен был, как при жизни, так и после смерти, Паскевич-мемуарист. Он не только не стремился обнародовать свои воспоминания, но в ряде случаев готов был даже прибегнуть к мистификациям, чтобы скрыть авторство. В связи с чем и до сих пор затруднительно определить степень его личного участия, а также обстоятельства и время написания того или иного раздела из всей совокупности его мемуарного наследия, состоящего из различных набросков, черновиков, многочисленных редакций, законченных и уже опубликованных произведений.

Воспоминания Паскевича начинаются с описания событий русско-турецкой войны с 1806 по 1810 г. включительно (воспоминаний, относящихся к более раннему периоду, не обнаружено). Затем следуют публикуемые ниже "Походные записки" о войне 1812 г., которые охватывают период от начала кампании и до Бородинского сражения и представляют собой самостоятельное законченное произведение мемуарного характера.

В основу настоящей публикации положена окончательная редакция "Походных записок", которая представлена двумя рукописями (РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 165. Л. 1–97 об.; Д. 172. Л. 1–81 об.). Обе рукописи беловые, написаны писарским почерком, на первой из них сделаны неизвестной рукой карандашные исправления и дополнения, во второй, являющейся копией с первой, которая ей, таким образом, предшествовала, эта правка включена в текст рукописи. Кроме того, во второй рукописи отсутствуют два фрагмента: описание Бородинской битвы со слов "при селе Бородино место, избранное для сражения..." до конца и отрывок из описания соединения армий под Смоленском со слов "овладеть Смоленском..." до слов "...через Днепр". На полях этой рукописи имеется несколько карандашных помет, сделанных той же рукой, что и правка в первой рукописи, судя по ссылкам на книгу М.И. Богдановича "История Отечественной войны 1812 г." (СПб., 1859–1860. Т. I–III) уже после смерти Паскевича.

Текст "Походных записок" печатается по второй рукописи, за исключением двух вышеупомянутых фрагментов, сохранившихся только в первой рукописи, по которой они и воспроизводятся.

Помимо публикуемой в настоящем издании окончательной редакции мемуаров Паскевича о войне 1812 г., сохранились еще две черновые редакции его мемуаров. Судя по характеру изменений и правки текста, работа над ними велась до оформления окончательной редакции (РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 172. Л. 91–98 об., 99–164а). Эти черновые редакции написаны почерком, идентичным почерку карандашных дополнений и исправлений в текстах окончательной редакции. Принадлежность почерка не установлена; по всей видимости, их писал кто-то из приближенных Паскевича. Первоначально повествование в черновых редакциях велось от 3-го лица, затем 3-е лицо исправлено на 1-е, и изложение уже велось, таким образом, от имени самого Паскевича.

Текст окончательной редакции написан на бумаге с филигранями, относящимися к 1830 г. (Здесь и далее датировка филиграней и штемпелей осуществлялась по кн.: *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX вв. М., 1959.) Но текст предыдущих, черновых редакций написан на бумаге со штемпелями 1833–1834 гг. Следовательно, дошедшие до нас тексты "Походных записок" Паскевича начали

составляться ранее 1833–1834 гг. Окончательная же их редакция, очевидно, появилась позднее. Как известно, в 1836 г. А.И. Михайловский-Данилевский обратился ко многим участникам Отечественной войны 1812 г. с просьбой прислать свои воспоминания. Паскевич в ответ на это обращение отослал к нему 10 июня 1837 г. два отрывка из своих мемуаров: описание дела под Салтановкой и Смоленского сражения (со слов "В Старом Быхове узнали..." до цитаты на французском языке включительно). Причем Паскевич особо отметил, что "писал свои записки не для печати, но рад буду, если они для Вас могут быть полезны как материал в тех случаях, когда дело идет не обо мне, а вообще о происшествиях той эпохи. Во всяком случае, Вы меня обяжете, если будете содержать в тайне, что два эти отрывка получены Вами от меня" (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3496. Л. 1). Присланные им отрывки были скопированы не с окончательной, а с одной из черновых редакций. Это позволяет предположить, что окончательной редакции тогда еще не было, т.е. что она появилась после июня 1837 г. В марте 1838 г. Михайловский-Данилевский возвратил Паскевичу его отрывки, а тот внес в них некоторые исправления (Там же. Л. 2). Эти исправления не отразились на тексте окончательной редакции, следовательно, к тому времени она, видимо, была уже составлена (лишь позднее аналогичные по содержанию, но отличающиеся текстуально исправления были внесены в нее в виде карандашной правки) (РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 165. Л. 1–97 об.). Сказанное позволяет предположительно датировать ее периодом от июня 1837 до марта 1838 г.

Позднейшая копия с окончательной редакции, по которой воспроизводится основная часть текста "Походных записок", была изготовлена, судя по штемпелям на бумаге, после 1841 г., а вероятнее всего, в 1851–1852 гг., так как именно в это время Паскевич, по его же словам, завершал работу над рукописью воспоминаний о русско-турецкой войне 1806–1812 гг., которые были написаны на такой же бумаге и тем же писарским почерком (Там же. Д. 162. Л. 63-63 об.).

Обстоятельства написания мемуаров Паскевичем в настоящее время остаются не вполне выясненными. Черновые редакции мемуаров, как уже говорилось, написаны почерком неизвестного лица, вероятно из окружения Паскевича. Но это не копия предшествующего, уже завершенного авторского текста – многие слова и даже фразы в рукописи зачеркивались в процессе ее написания. По всей видимости, текст также не был написан под диктовку, которая предполагает другой характер правки. Остается предположить, что текст составлен на основе устных рассказов Паскевича либо, что более вероятно, на основе предыдущих фрагментарных записей его воспоминаний. Правда, такого рода записей о событиях, отразившихся в "Походных записках", в настоящее время не обнаружено. Зато сохранились подобные записи о более поздних событиях, описание которых в мемуары не вошло. Это отрывочные записи, сделанные карандашом тем же почерком, что и черновые редакции мемуаров, с многочисленными сокращениями слов, написанные явно под диктовку Паскевича. В одном месте в записях прямо сказано: "После диктации моей о партизанах пришло мне в голову..." (Там же. Д. 172. Л. 265).

Очевидно, по мере переделки этих записей в литературно обработанный текст они уничтожались. Можно полагать, что записки о событиях после Бородинского сражения сохранились только потому, что так и не были сведены в литературно обработанный текст. После литературной переработки продиктованных Паскевичем записок лицо, выполнявшее ее, по-видимому, читало свой текст Паскевичу и под его диктовку или по его замечаниям вносило в текст исправления и дополнения.

Сохранившиеся записи устных воспоминаний Паскевича охватывают период от окончания Бородинского сражения до конца наполеоновских войн (РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 172. Л. 165–173 об., 261–267 об., 274–309, 313–360 об., 367–411 об.), они написаны на бумаге со штемпелем 1841 г.

Но, судя по биографическому труду Щербатова, который широко пользовался записями устных рассказов Паскевича и часто их цитировал, в них излагались события и последующей его жизни, вплоть до 1852 г. (*Щербатов А.П* Указ. соч. Т. 1), однако эта последняя часть записей не разыскана.

По-видимому, в дальнейшем Паскевич (или кто-то из его приближенных) приступил к сведе́нию и новой переработке мемуаров начиная с 1806 г. Работа была доведена до Бородинского сражения, как писал о том Щербатов (Там же. С. 11). Сама рукопись этих сводных мемуаров в настоящее время не обнаружена, но, судя по многочисленным цитатам из нее, приводящимся в книге Щербатова, новый текст значительно отличался в ряде случаев и по смыслу от тех рукописей мемуаров Паскевича, которые хранятся в настоящее время в РГИА.

"Походные записки" Паскевича целиком никогда не издавались. Были опубликованы только два отрывка из них, которые Паскевич в 1838 г. передал Михайловскому-Данилевскому (*Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. I. С. 82–111; Отечественная война 1812 г. Отд. 1. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 223–235). Кроме того, в газете "Неделя" было опубликовано описание Бородинского сражения со слов "9 августа вторая армия..." до конца (Неделя. 1962. № 29. С. 8–9).

От начала кампании до соединения 1-й и 2-й Западных армий под Смоленском

Приготовления к войне, формирование новых полков, и в том числе Орловского пехотного.

С 1810-го года предвидели уже войну с Франциею и стали к ней готовиться. Предположено было набрать новых пятнадцать полков. В декабре 1810-го года поручено мне сформировать пехотный полк, названный Орловским*. В январе 1811-го я назначен шефом полка. Формирование с самого начала представило затруднения неимоверные. Общие приготовления к войне были причиною, что для состава новых полков не могли дать хороших средств. Надлежало формировать полк из четырех гарнизонных батальонов, в которых солдаты и офицеры почти все были выписные за дурное поведение. Из других полков поступило только 3 майора и несколько обер-офицеров. К тому из дворянского корпуса прислали 20 молодых офицеров, только что умевших читать и писать.

С этими средствами надо было спешить образованием полка, ибо война была неизбежна. Нравственности в полку не было. От дурного содержания и дурного обхождения офицеров начались побеги. В первый же месяц ушло до 70 чел. Почти половину офицеров я принужден был отослать обратно в гарнизон. Я жаловался на судьбу, что, между тем как в армии

---

* Примечание. Бывший Орловский полк переформирован был в 41-й Егерский. (*Прим авт.*)

были прекраснейшие полки, мне достался самый дурной и в то самое время, когда мы приготовлялись к борьбе с страшным императором французов. Я был тогда в корпусе Дохтурова, в дивизии Раевского и командовал бригадой, состоявшей из полков Орловского и Нижегородского. Бригада находилась в Киеве. Я настоял, чтобы вывести мой полк из города, где невозможно было завести необходимого порядка, и расположился в 60 верстах. Три месяца усиленных занятий и шесть недель в лагере дали мне возможность привести Орловский полк в такое положение, что он был уже третьим полком в дивизии. Но этот успех дорого мне стоил. От трудов и беспокойств я сделался болен страшной горячкой, едва не умер и пролежал три месяца.

Вторая Западная армия.

В октябре 1811-го составилась 2-я Западная армия и генерал кн. Багратион назначен главнокомандующим. Корпус Дохтурова[1] отошел к 1-й армии. Тогда же составился 7-й пехотный корпус генерала Раевского и поступил во 2-ю армию. Зимой 1811-го года я еще более занялся Орловским полком. На офицеров обращал особенное внимание. Главное дело было дать им правила военной нравственности. Воспитание не сделало из них людей ученых (что, впрочем, и вовсе не нужно). Я внушал им, что всего нужнее на войне храбрость, храбрость и храбрость. В 1812-м году меня назначили командующим 26-й пехотною дивизиею*, хотя много генералов было старее. В Киеве удостоил меня своим посещением новый главнокомандующий кн. Багратион, знавший меня с кампании 1809-го года, я был почти в бреду от горячки, но его появление дало мне здоровье. Главнокомандующий меня ласкал и обходился со мной не как начальник с подчиненным.

Движение к границе.

В феврале 1812-го 2-я армия двинулась ближе к границе. Поход этот, предпринятый в самую распутицу и страшную грязь от ранней весны, произвел в войсках цинготную болезнь. Из 1200 чел. в полку было больных до 400. В апреле и мае умирало по 150 чел. В полках оставалось от 700 до 800 чел. в строю.

Вторая армия состояла тогда из 7-го пехотного корпуса, то есть 26-я и 12-я дивизии; из сводной Гренадерской дивизии генерала гр. Воронцова[2], 2-й Гренадерской, 15-й и 18-й дивизий генерала кн. Щербатова[3] и двух кавалерийских дивизий. Всего считалось до 45 тыс. чел. В исходе мая получено было приказание отделить 15-ю и 18-ю пехотные дивизии и некоторые резервные батальоны для составления третьей Западной армии генерала Тормасова[4]. Вместо дивизии Щербатова при Второй армии оставлен был корпус генерала Дохтурова, армии приказано было двинуться к Бялыстоку. В мае главнокомандующий сделал смотр 26-й дивизии, и Орловский полк был уже вторым. Армия перешла Пинские болота и в конце мая остановилась. Главная квартира была сначала в Пру-

---

* Полки Орловский, Нижегородский, Полтавский и Ладожский пехотные и 5-й и 42-й егерские. (*Прим. авт.*)

жанах. Штаб 7-го корпуса в местечке Новый двор, 26-я дивизия на границе Бялыстокской области.

Планы кампании.

В это время император Александр, находясь в Вильно в главной квартире 1-й Западной армии, собрал Военный совет, в котором рассуждали о плане предстоящей кампании. Давно ожидая войны с Францией, думали и о плане войны. Еще в 1811-м году кн. Багратион предлагал броситься в Польшу, пока силы неприятеля были еще не собраны. Он надеялся, что, разбив его по частям, всегда будет иметь время отступить к назначенному пункту. Вторжение это нельзя было сделать в больших силах, а малый отряд мог быть стеснен и истреблен неприятелем, да и не легко отступать 300 верст от превосходного в числе неприятеля в чужой земле и без резервов. План смелый, который по обстоятельствам трудно было исполнить, хорошо, что его не приняли[5]. В 1812-м году, по заключении мира с Турцией, адмирал Чичагов[6] предлагал с войсками, в Молдавии и Валахии расположенными, сделать диверсию в Италии. Сначала держались этой мысли, и потому войска его не были присоединены вовремя к главным силам на западной границе[7]. Таким образом потеряно два месяца. Между тем за три года еще, когда в предшествовавшие кампании удостоверились, что против Наполеона трудно устоять в сражении, решено было на случай неудачи или отступления иметь укрепленный лагерь. Для этого выбрали местечко Дриссу на Двине. Начатая крепость Динабург, служа как бы правым флангом, прикрывала бы лагерь. Но крепость не была вовремя окончена. Место же лагеря выбрано было неудобное как в стратегическом отношении, ибо лагерь закрывал собой не центр, не сердце России, а только северную ее часть, так и в тактическом, ибо близь лагеря были высоты, которые брали вдоль все укрепления, а передние даже в тыл. Еще важная невыгода состояла в том, что спуск на реку был крут, так что армия, принужденная к отступлению, с большими затруднениями могла бы отойти за реку. При том на правом берегу Двины, где находились все магазейны, не было никакого укрепления. Скажут, что не надо окружать себя со всех сторон укреплениями, как будто с тем, чтобы не выходить из них. Но можно окружить себя окопами, стоять в них пока нужно, а потом ничто не помешает выйти в поле. Если бы неприятель, перейдя реку, хотел бы дать сражение в тылу лагеря и решено было в нем держаться, то укрепление принесло бы пользу, ибо тогда и магазейны были бы обеспечены. Если же не предполагали удерживаться на том пункте, то для чего было строить укрепление на левом берегу по ту сторону Двины, при крутой затруднительной переправе, тогда как неприятель всегда мог перейти реку в другом месте. Укрепленные лагери часто спасали государства, но так же часто бывали причиной и совершенного их падения. Армия, разбитая в поле, не бывает вся истреблена, всегда останется зародыш, кадры будущей армии. Напротив, со взятием укрепленного лагеря армия погибает совершенно, погибает все лучшее, все коренное, так что не останется ни малейшего основания для будущей армии. Тогда с лагерем, с армиею, теряются и все надежды государства. Лагерь Дрис-

ский был выбран таким образом, что не защищал ничего, а с ним можно было все потерять.

Итак, в Вильно, на Военном совете решено было не переходить границы и не начинать войны. "На начинающего Бог", – писал император Александр в приказе об открытии войны[8]. Видя, что неприятель большую часть сил собирает между Ковно и Гродно, намеревались сблизить обе армии *для подавания взаимной помощи и чтобы встретить неприятеля превосходными силами на тех пунктах, где он захочет прорваться*. Для сего переменены были квартиры и 2-й армии. Войска были притянуты более на север. 6-й корпус расположен между Ойшишек и Василишек. Остальная часть 2-й армии, примыкая левым флангом к Пружанам, правым занимала местечко Мосты у Гродно. Главная квартира назначена в Вилковиске. Военный министр Барклай де Толли писал кн. Багратиону (1-го июня), чтобы с нашей стороны не подавать ни малейшего повода к неприязненным действиям; в случае нападения отражать силу оружием, но избегать сражений с сильнейшим неприятелем, отступая от превосходного числа сперва за Щару, к Новогрудку за Неман, потом (смотря по дальнейшим приказаниям) или прямо чрез Минск в Борисов, или правее к Неману для соединения в случае надобности обеих армий или частей их. На кн. Багратиона возлагалось иметь сношение с армиею Тормасова (в Луцке), с корпусом Эртеля[9] (в Мозыре), с корпусом генерала Платова (в Гродно) и с 1-й армией (в Вильно). Кн. Багратион тогда же отвечал (рапорт 6-го июня № 283):

1. "Что расположение нашей армии *слишком растянуто* для того, чтобы при намерении неприятеля всеми силами нанести удар одной из них, можно было вовремя воспользоваться подкреплением от другой".

2. "Что войска наши *слишком близки* к границе для того, чтоб успеть сосредоточиться, если неприятель покажется на одном пункте в превосходных силах".

3. "Что в то время, когда аванпосты наши удостоверятся в сближении неприятельской армии к границе, она, без сомнения, удвоит быстроту маршей и застанет нас если не на своих местах, то поспешит воспрепятствовать соединению нашему прежде, нежели мы найдемся в способах воспользоваться оным"[10].

Вслед за тем (12-го июня № 310) кн. Багратион писал к военному министру, что "если бы неприятель предпринял впадение в границы наши чрез Гродно и Бялысток, то с отдалением 6-го корпуса (сделавшего передвижение от Василишек к Лиде) с остальными двумя корпусами и недостаточным числом кавалерии, занимая пространство более как на 100 верст, он не найдет возможности воспрепятствовать его намерениям у Гродно и Бялыстока, не разорвав связи с корпусом генерала Дохтурова и не открыв неприятелю возможности войти в наши границы на правом фланге 3-й армии у Влодавы и Бреста".

В этой же бумаге он говорит, что, по его мнению, "выгода неприятеля состоит в том, чтобы разделить наши силы... что он, чем ближе будет к морю, тем более рискует быть отрезанным и истребленным. Из чего заключить следует, что средоточие сил неприятельских между Гродно и

Ковно есть ничто иное, как желание отвлечь наши силы от пунктов настоящего его стремления"[11].

Замечания его остались без ответа, может быть, по недостатку времени. В главной квартире 1-й армии с часу на час ожидали известия о переправе неприятеля через Неман между Ковно и Меречем и решились на новый план: генералу Платову приказано было сосредоточить свой корпус около Гродно и идти неприятелю во фланг.

2-я армия должна была следовать сему движению, обеспечивая тыл корпуса Платова. Ежели 1-я армия не могла бы дать выгодного сражения под Вильно, тогда предполагалось, присоединив 1-й и 6-й корпусы, сосредоточить ее около Свенцян, где, быть может (писал Барклай де Толли), и дано будет сражение. Кн. Багратион замечал, что с предположением собрать 1-ю армию у Вильно и с отделением 2-й армии он находится "в большой опасности, чтобы быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только быть отрезанным от 1-й армии, но даже от назначенного ему пути отступления. Что одно верное обозрение карты доказывает, что по отступлении 1-й армии к Свенцянам неприятель, заняв Вильно, может предупредить отступление 2-й армии в Минск и по краткости пути будет там прежде, нежели он достигнет туда отступая"[12].

Замечания эти, из официальных документов извлеченные, показывая, как хорошо понимал кн. Багратион положение наших армий, будут служить ответом для тех, кто до сих пор утверждает, что он был только авангардным генералом.

В самом деле расположение наших армий от Вильно до Пинских болот было хорошо только до тех пор, пока не собрались силы неприятеля. Но потом должно было уже предвидеть следствие отступления и не ожидать перехода его через границу. Если бы Наполеон одним только фальшивым движением на Ковно удерживал 1-ю армию, а сам с тремя корпусами, то есть со 120 тыс., пошел бы на центр, на Гродно и Бялысток, то встретил бы только 6-й корпус Дохтурова с 20 тыс. и 2-ю армию кн. Багратиона в 40 тыс., всего 60 тыс. Он бы разбил и прогнал их прежде, чем наши войска отступили бы от Вильно. Две недели медленности едва ли не были причиной погибели армии.

Доказательством справедливости этих предположений служит самое событие. Хотя неприятель пошел в силах на Вильно, там остановился и потом уже послал корпус Даву к Минску, но и при этом позднем движении Дохтуров избегнул неприятеля чудом. Дорохов[13] и Платов принуждены были отступить на 2-ю армию, а кн. Багратион только необыкновенными переходами, возможными с одними русскими войсками, спас армию и даже не был расстроен. Но на подобные необыкновенные случаи не должно рассчитывать ни принимать их за правило[14].

Итак, кн. Багратион судил и видел вещи, как истинно военный человек. Но обратимся к происшествиям.

Армии: Наполеона и русские.

Армия Наполеона состояла почти из 500 тыс. Он разделил ее на три главные части. Сам он с гвардиею и корпусами пехотными Даву[15], Удино[16] и Нея[17], кавалерийскими Нансути[18], Леобрюна и Груши[19], всего

250 тыс., приготовлялся напасть на центр 1-й нашей армии прежде, нежели она успеет собраться. Король Вестфальский[20] с корпусами Жюно[21], Понятовского[22], Ренье[23] и кавалериею Латур-Мобура[24], всего 80 тыс., должен был двинуться против нашей 2-й армии. Вице-король Итальянский[25] с центральною армиею, также около 80 тыс., составленною из корпусов вице-короля и Сен-Сира[26], назначаем был для того, чтобы, бросясь между двумя нашими армиями, препятствовать их соединению. Кроме того, неприятель имел еще два фланговые корпуса: на левом его крыле Макдональд[27] с 30 тыс. должен был пройти в Курляндию, угрожая Риге и правому нашему флангу, а с другой стороны кн. Шварценберг[28] с Австрийским корпусом тоже в 30 тыс. удерживал 3-ю армию Тормасова. Но Наполеон, боясь потерять время и не ожидая, чтобы армии вице-короля Италиянского и короля Вестфальского вошли с ним в одну линию, 12-го июня начал переправу через Неман против Ковно.

Наши войска находились в следующем положении: 1-я Западная армия, числом до 127 тыс. расположена была от Россиен до Лиды. Главная квартира в Вильно. 2-я Западная армия с небольшим в 40 тыс. занимала квартиры от местечка Мосты до Пружан. Главная квартира в Волковиске.

3-я Западная армия около 25 тыс. растянута была от Любомля до Старого Константинова. Главная ее квартира в Луцке.

Переправа Наполеона через Неман. Отступление 1-й армии.

12-го июня вечером узнали в Вильно о переходе неприятелем границы. 1-й армии назначено было собраться позади Вильно. Генералу Платову приказано начать движение во фланг неприятеля, и кн. Багратиону предписано 13-го июня, подкрепляя Платова, соображаться прежним приказанием не терять связи с 1-ю армиею. Кн. Багратион поставлен был в затруднительное положение: подкрепляя Платова, он должен был двинуться вперед и таким образом по необходимости разорвал бы всякое сообщение с 1-ю армиею.

Представив о том военному министру 14-го июня[29], он вместе с тем просил, чтобы с корпусом генерала Платова и 2-ю армиею, в которой будет под ружьем до 40 тыс., позволить ему идти через Бялысток и Остроленку в Варшаву. Ожидая разрешения, идти ли ему на подкрепление Платова или отступать к Минску, а может быть, увлеченный планом вторжения в Польшу, кн. Багратион простоял на месте до 18-го июня. Но и эта ошибка обратилась в пользу армии. Если бы 2-я армия 14-го отступила на соединение с 1-ю армиею, то или наткнулась бы на корпус маршала Даву, или бы, соединившись выше на севере с армией генерала Барклая де Толли, была бы вместе с нею отрезана от Смоленска, брошена на север, и тогда все способы южных губерний были бы в руках неприятеля. С начала кампании Наполеон не хорошо знал географическое положение России; но под Смоленском уже все маневры его клонились к тому, чтобы нас оттеснить на север. Между тем 16-го кн. Багратион получил уведомление военного министра, что 1-я армия отступает к Свенцянам. Платову приказано следовать туда же, а кн. Багратиону стараться, чтобы неприятель не отрезал ему дороги чрез Минск к Борисову.

Отступление 2-й армии.

Итак, 2-я армия начала отступление 18-го июня за Щару. 18-го же июня в Зельве полковник Бенкендорф привез приказание, чтобы войска 2-й армии взяли направление чрез Новогрудок в Вилейку для соединения с 1-ю армиею. 22-го армия прибыла [в] Новогрудок. Того же числа были поставлены мосты через Неман в Николаев и переправлено 5 казачьих полков. Здесь кн. Багратион узнал, что Даву, посланный из Вильно, занял уже Ольшаны, Воложин и Вилейку, двинулся еще вперед и, следовательно, отрезал ему дорогу. И так он принужден был переменить направление и отступать по-прежнему к Минску. На пути к Минску получено было известие, что неприятель показался уже и в этом городе. Это было 25-го июня. Жар был невыносимый. Люди совершенно изнурились от сорока- и пятидесятиверстных переходов по пескам. Пробиваться силою было невозможно. Кн. Багратион решился отступать не на Минск, но чрез Несвиж, Луцк к Бобруйску. Армия прибыла в Несвиж 26-го июня. За это отступление к Несвижу обвиняли кн. Багратиона. Но, напротив, нельзя не отдать справедливости его военному соображению. Он видел, что всего нужнее было сохранить армию и что соединение с 1-ю армиею по прежнему направлению невозможно, ибо впереди его был Даву в 50 тыс., а позади король Вестфальский с 80 тыс. чел. Впоследствии 11-го июля (из Слуцка) кн. Багратион решился даже писать государю, что соединение армии как, тогда генерал Барклай де Толли отошел далее на север, к Дрисскому лагерю, едва ли бы даже было полезно, ибо неприятель всегда мог обойти левый наш фланг.

Кавалерийские дела Платова при Кореличах, под Миром и под Романовым.

От Несвижа началось настоящее отступление в виду неприятеля. Платов, отступая из Гродно на Новогрудок и Стаховичи к Несвижу, присоединился таким образом ко 2-й армии. С ним было 10 полков, не составлявшие и 4 тыс., но они в этом случае полезнее были 10 полков регулярной кавалерии. Казаки везде высматривали, о всем давали знать и под предводительством Платова дрались необыкновенно. 26-го при Кореличах от стороны Новогрудка показался неприятель в трех колоннах кавалерии. Один полк поляков слишком легкомысленно подошел к нашему авангарду и был почти истреблен полками Иловайского 5-го[30] и Карпова 2-го[31]. Генерал Платов отошел к местечку Мир. На рассвете 27-го показались три полка польских улан под командою генерала Турно[32]. У Платова был свой образ войны. Осмотрев неприятеля, он разделял свой отряд на несколько частей, смотря по удобству. Одну скрывал направо, а другую налево, и остальные должны были маячить перед неприятелем, то есть иногда броситься, потом уходить, заманивать и наводить его таким образом на фланговую засаду. Тогда, ударив неприятеля во фланг и в тыл, гнали и истребляли его, если он смешается, если же он упорно держался и нельзя было одолеть его силою, то отступали врассыпную и опять собирались в известном пункте. Точно так поступил Платов и в этом случае. Три полка уланов были совершенно разбиты. Генерал Турно едва спасся. Нам досталось более 400 пленных, в том числе 2 подполковника.

Между тем кн. Багратион послал на помощь к Платову генерала Васильчикова с Ахтырским гусарским, Харьковским драгунским и одним полком пехоты. К вечеру генерал Платов, следуя за движениями армии, отступил за местечко Мир. Надеясь, что после этого урока поляки оставят его в покое, он на ночлеге заботился, как обыкновенно, о выгоде лошадей и людей и расположился около речки, не переходя на другой берег, а переправив одну тольку пехоту. Утром 28-го аванпосты, расположенные в 5 верстах, дали ему знать, что неприятельская кавалерия сильно на них наступает. То была польская дивизия генерала Рожнецкого[33], составлявшего авангард Вестфальского короля. Генерал Платов сам высмотрел неприятеля и приказал отыскивать броды. Речка была глинистая, лошади вязли и бродов не отыскано. Для переправы оставался один деревенский мостик. Платов сказал: "Не топиться же нам, ребята", – и решился драться. Сам засел в кусты по одной стороне дороги. Иловайского спрятал на другой, а перед неприятелем оставил только два полка. Шесть полков уланов на них бросились и занеслись по обыкновению слишком далеко до самого моста. Платов ударил во фланги; дело завязалось, и сначала не знали, чем оно кончится. Однако же соединенными силами казаков и ахтырских гусар неприятель был опрокинут. Из целой дивизии поляков, в которой было до 4 тыс. чел., после сражения собралось не более 1200. До 600 попалось нам в плен, остальные убиты. Платов более 10 верст гнал Рожнецкого, который спасся только тем, что присоединился к главным силам короля Вестфальского.

Это дело имело большие последствия в нравственном отношении. В кавалерии или бьют всегда, или всегда же бывают биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвастовство и наглость поляков. Еще раз только под Романовым арьергард наш был атакован, но истребил совершенно первый конноегерей и один гренадерский полк неприятеля, и зато армия после того и не слыхала о страшной, как говорят, польской кавалерии, которой у Наполеона было до 20 тыс. Авангард его не преследовал уже, а только наблюдал за 2-й армиею. В это время Наполеон, недовольный королем Вестфальским за слабое преследование, отдал войска его под начальство маршала Даву.

Отступление на Бобруйск.

Кн. Багратион, продолжая отступление, прибыл 1-го июля в Слуцк, где получил известие, что неприятель (партии корпуса Даву) показался уже в местечке Свислочь на Березине в 40 верстах выше Бобруйска. Крепость эта была единственным пунктом отступления 2-й армии. Необходимо было занять его прежде неприятеля. Кн. Багратион послал корпус Раевского к Бобруйску, с тем чтобы он атаковал неприятеля, несмотря ни на число его, ни на крепость позиции, но Даву пошел прямо на Минск, и Бобруйск был занят нами беспрепятственно. Здесь узнали, что корпус Даву тянется от Минска к Орше. Кн. Багратион приказал 7-му корпусу запастись только в Бобруйске сухарями и усиленными маршами спешить к Могилеву, чтобы там предупредить неприятеля. Трудно найти в военной истории переходы усиленнее отступления 2-й армии. В день делали по 45

и 50 верст*. Несносный жар, песок и недостаток чистой воды еще более изнуряли людей. Не было времени даже варить каши. Полки потеряли в это время по 150 чел. Находясь с 26-ю дивизиею в голове колонны, к счастью, я имел большой запас сухарей и водки. Отпуская двойную порцию, поддерживал этим солдат, но, несмотря на то, у меня выбыло из полка по 70 чел.

В Старом Быхове узнали, что неприятель занял уже Могилев. Впереди 7-го корпуса шел полковник Сысоев[34] с тремя полками, то есть с 1 тыс. чел. казаков. Корпус подвинулся к Дашковке. Сысоев подходил к самому Могилеву и присоединил к себе полковника Грессера[35] с командою в 300 чел., которого неприятель вытеснил из города. Грессер с начала кампании был в Борисове и отступил к Могилеву.

Кавалерийское дело Сысоева под Могилевом.

Сысоев, отходя, заманил за собою неприятеля. Кавалерия его и здесь сделала ту же ошибку, какую прежде делала против Платова. Лучший полк из авангарда Даву занесся. Сысоев его весь почти истребил, преследовал бегущих до самых ворот города и захватил до 300 пленных с их полковником. Сысоев говорил, что ему приказано схватить язык. Он схватил их целый полк. У неприятеля в полку было до 800 чел. При нем находилось еще до 200 поляков. Итак, 1 тыс. чел. казаков истребила 1 тыс. чел. лучшей регулярной кавалерии французов.

От пленных узнали, что в Могилеве была дивизия пехоты и дивизия кавалерии и к вечеру ожидали еще часть другой пехотной дивизии. Здесь кстати заметить, что дивизии в корпусе Даву в начале кампании состояли из 20 батальонов. В каждом батальоне в начале войны было по 1 тыс. чел. Полки [со]стояли в это время из 5 батальонов до 850 чел. в каждом; но Даву из гренадерских и стрелковых рот сформировал особые батальоны и таким образом имел в полку по 7 батальонов и каждый в 600 чел. Итак, у него было 28 батальонов в дивизии против наших 12. Этот расчет объяснит, почему неприятельские дивизии могли драться против наших корпусов, в котором полагалось 24 батальона.

В Дашковке случилось происшествие, которое доказывает, как необходим иногда пример строгости. Войска стояли на позиции. Вдруг в деревне послышался страшный шум и крик. Оказалось, что причиною этого были наши войска и особенно люди Орловского полка. Я приказал ударить сбор и последних пришедших наказал на месте. Пример этот сильно подействовал, и с тех пор Орловский полк был смирнее.

Дело под Салтановкой.

Вечером 10-го июля получено было приказание кн. Багратиона седьмому корпусу сделать усиленную рекогносцировку**. Переметчики донесли кн. Багратиону, что в Могилеве только от 7 до 10 тыс. неприятелей. По-

---

* В 18 дней перешли пространство в 600 верст. (*Прим. авт.*)

** *На полях рукописи помета неустановленного лица*: Проверить по Богдановичу.

этому князь приказал атаковать их и за ним занять город. Генерал Раевский взял с собою из 12-й дивизии 6-й и 42-й егерские полки, а из моей дивизии два батальона. Я выбрал один батальон Орловского, другой Нижегородского полка, и чтобы идти быстрее, приказал оставить ранцы. Рано утром 11 числа мы начали наступать. Между нами и неприятелем было расстояние верст пять. В полуторе версте мы встретили его пехотный авангард и вытеснили его из лесу. Увеличивая мало-помалу стрелков, введены были в дело, подходя к Салтановке, оба егерские полка. Неприятель отступил на позицию. В девятом часу раздались пушечные выстрелы первого линейного сражения Второй армии в кампанию 1812 г.

Маршал Даву, ожидая на себя нападения, заранее приготовился к обороне. Мост при Салтановке был завален и прорублены ружейные бойницы в стенах корчмы, лежащей на левом берегу оврага, прикрывавшего всю линию французов, мост при мельнице Фатовой был сломан и в соседних домах также поделаны бойницы, три батальона поставлены были при Салтановке, один батальон при Фатовой, имея за собою в подкреплении пять других батальонов, четыре батальона находились между Фатовой и дер. Сельцем, а при овраге, впереди сей последней деревни находящемся, поставлены были еще два батальона. Вся кавалерия, состоявшая из кирасирской дивизии генерала Валанса[36], легкой кавалерийской дивизии генерала Шастеля[37] и одного конноегерского полка бригады генерала Бордесульта[38], находилась в резерве позади правого крыла за дер. Сельцем, по дороге, ведущей из нее в местечко Старые Буйничи. Пять батальонов поставлены были еще правее, при дер. Застенке, и, наконец, последние пять батальонов находились перед Могилевом.

Пехота маршала Даву состояла из двух полков дивизии Компана, в коих было 25 батальонов; кавалерия же его состояла из 48 эскадронов. Сверх того неприятель ожидал в подкрепление отряд генерала Пажоля[39] и польский легион Вислы, но сии войска присоединились к нему уже после сражения. Кн. Багратион, не имея точных сведений о силе неприятеля и полагая, что против нас было не более 6 тыс., прислал своего адъютанта с приказанием к генералу Раевскому, чтобы он, собрав все войска своего корпуса, смело атаковал позицию французов и взял бы Могилев. Генерал Раевский послал за остальными своими войсками. Как ранцы двух батальонов 26-й дивизии были оставлены, то другие два батальона должны были их принести. Они пришли уже к концу дѐла. Поэтому 26-я дивизия вначале имела только 8 батальонов и 12-я – десять батальонов. Весь же корпус состоял из 5 полков 26-й дивизии, 3 полков 12-й дивизии, двадцати эскадронов кавалерии, трех казачьих полков и 72 орудий.

Когда войска собрались, генерал Раевский приказал мне взять мою дивизию, три полка казаков, Ахтырский гусарский полк и идти неприятелю во фланг. Генерал Раевский полагал, что я обойду правое крыло неприятеля, ибо оно было в версте от дороги. Он намерен был, когда я выйду из лесу на ровное место и сделаю нападение с фланга, ударить в центр с 12-ю дивизиею.

Исполняя приказание, я взял командовавшего казаками полковника Сысоева, который дрался на тех же местах за три дня и повел все мои войска влево, в обход. На всем этом пространстве тянутся леса. Я должен

был идти по тропинке, пробираясь между деревьев по три человека в ряд. В половине леса я встретил наших расстроенных стрелков, отступивших от стрелков французских. Неприятель по этой же самой дороге обходил наш левый фланг. Стрелки моих первых батальонов остановили и опрокинули неприятельских. Я приказал гнать их до опушки леса и сам следовал с остальными войсками. Голову моей колонны составляли батальоны Орловский и один Нижегородский, за ними 12 орудий, потом Полтавский полк, еще 6 орудий и Ладожский полк с другим Нижегородским батальоном, 2 орудия и, наконец, кавалерия. Выходя из леса, я нашел стрелков, исполнивших мое приказание и у опушки перестреливавшихся с неприятелем, залегшим за малым возвышением перед дер. Фатовой. Позади их увидел я сверкание штыков двух французских колонн. Расстояние между ними было не более 60 сажень. Густой лес не позволял мне свернуть войска в колонну. Я принужден был, принимая вправо по отделениям, по мере выхода из лесу строить их фрунтом у опушки. Перестрелка продолжалась. Чтобы построить взводы, я должен был выехать вперед за 30 сажень от неприятеля. Тут был и полковник Сысоев.

Лишь только два батальона были вытянуты в линию, я приказал полковнику Ладыженскому ударить с криком "ура" на неприятеля, гнать его до речки, опрокинуть на мосту и, заняв на той стороне первые дома, ждать моего приказания. Неприятель действительно был тотчас опрокинут и бежал более полутораста сажень до мосту. Видя, что батальоны переходят мост, я выдвинул 12 орудий на высоту и приказал Полтавскому полку под прикрытием этой батареи идти также на ту сторону. Устроив артиллерию, я с высоты увидел, с кем имею дело. Пехота неприятеля стояла в две линии от большой дороги до самого лесу. В третьей линии была кавалерия. Придвинув на батарею еще 6 орудий и поставив Ладожский полк на левом фланге, я поехал на правый свой фланг. К удивлению нахожу, что стрелки неприятельские, засевшие там в овраге, усиливают огонь. Артиллерия наша, теряя людей и лошадей, снимается с позиции. Я удержал их. Между тем вижу, что Полтавский полк отступает и полковник ранен. Приказав полку остановиться, еду дальше, ожидая встретить Орловский и Нижегородский батальоны, и вижу два батальона, выходящие из лесу в тыл моей позиции. Я поскакал к ним, но, к удивлению моему, вижу в 30 уже шагах французских гренадер. Ими командовал полковник Ашар. Французы прогнали наши батальоны и были у нас почти в тылу. "Ребята, вперед!" – закричал я Полтавскому полку. Они колеблются. "Ура! В штыки!" Они ни с места. Из рядов слышу я голос: "Хотя бы артиллерия была с нами". "Хорошо, – сказал я, – держитесь здесь". Скачу к артиллерии, устраиваю позади моей позиции батарею в 4 орудия, возвращаюсь к Полтавскому полку и отвожу его на артиллерию. Неприятель, увидев отступление их, бросился с криком "**en avant**"*. Полк раздался, и картечь ударила в французские батальоны. Они остановились, смешались. Я подъезжаю к Полтавскому полку, командую "вперед". Они бросаются и гонят неприятеля до самых мостов. Тут лошадь моя была ранена двумя пулями.

---

* "вперед" (*фр.*).

Полтавский полк было занесся. Я едва остановил его и воротил к опушке леса. Но чтобы более выказать неприятелю войск, они были выстроены в линию и казались довольно сильною колонною. Удвоив стрелков, я приказал из всех 18 орудий открыть огонь по неприятельским колоннам. Действие было так сильно, что я сам видел, как они беспрерывно двигались и переменяли место, удаляясь от меня, от дальних картечных выстрелов. Потеря их была велика. Наконец, они отступили, удвоили свою артиллерию и бой сделался равный.

Пора сказать, что было причиною отступления наших войск. Нижегородский и Орловский батальоны, опрокинув вначале неприятеля и перейдя мост, заняли корчму и небольшую деревню в несколько изб по той стороне речки. Едва они стали устраиваться, выходя из этой малой деревушки, как четыре французские батальона, лежавшие во ржи, поднялись в 30 саженях, сделали залп и ударили в штыки. Бой завязался рукопашный. Французы бросились на белое знамя Орловского полка и взяли его у убитого подпрапорщика. Наш унтер-офицер выхватил его у француза, но сам был убит. Знамя опять потеряно. Еще раз оно было схвачено нашими, и в драке древко сломано. В это время адъютант Орловского полка бросился в середину, отнял знамя и вынес его из схватки. Полковник Ладыженский был ранен в челюсть и упал. Половина двух наших батальонов убита или ранена. Они принуждены были отступить и отброшены на лес. Их преследовали два батальона. Устроив батарею, мы перестреливались более полутора часа. В это время я слышал в правой стороне сильный огонь. Это был генерал Раевский, атаковавший с фронта позицию неприятеля. Леса, окружавшие деревню Салтановку, не позволяли подойти к ней иначе как по большой дороге, вдоль которой была неприятельская батарея. В конце дороги был еще заваленный мост. Смоленский полк 12-й дивизии двинулся вперед с удивительною твердостию, но не мог овладеть мостом. Генерал Раевский и Васильчиков, спешившись, шли впереди колонн, но выгоды местоположения уничтожали все усилия мужества наших солдат. Они не могли ворваться в деревню и на дороге выдерживали весь огонь неприятельской батареи. Между тем я с своей стороны, перестреливаясь с неприятелем, послал донесение генералу Раевскому, что встретил на левом фланге не 6, но, может быть, 20 тыс. Потому, если необходимо сбить его, то прислали бы мне в подкрепление несколько батальонов. Генерал Раевский ответил, что атаки его отбиты, что он потерял много людей и потому не может прислать мне более одного батальона.

Это было около 4 час. пополудни. Войска мои уже утомились. Одна кавалерия не была еще в деле и то потому только, что лесистое местоположение не позволяло употребить ее. Я взял присланный батальон 41-го Егерского полка и пошел лесом в обход правого фланга неприятеля. Старшему по мне полковнику Савоини приказал, когда выступлю из леса и нападу на неприятеля, чтобы он в то же время перешел мост у Фатовой и атаковал бы французов в штыки. На левом своем фланге я нашел полковника Ладыженского с Нижегородским батальоном, который вел сильную перестрелку через речку. Я вышел в опушку леса против дер. Селец и был уже в полутораста саженях от линии неприятеля, как при-

ехал ко мне адъютант генерала Раевского с приказанием отступать. Он говорил, что главнокомандующий кн. Багратион, прибыв сам к 12-й дивизии, убедился, что перед ними не 6, но более 20 тыс. неприятеля. Отступать, однако, нам было неудобно. Был почти вечер. Я мог бы держаться до ночи. Отступая же по лесной тропинке в виду неприятеля и будучи от него так близко, я мог быть им задавлен. Адъютант отвечал, что генерал Раевский уже отходил с 12-ю дивизиею и что он ко мне прислал* только с приказанием. Нечего было делать. Я должен был возвратиться с батальоном 41-го Егерского и нашел мою позицию перед дер. Фатовой в том же положении, как ее оставил. Полковнику Савоини приказал я, имея в резерве батальон 41-го, по-прежнему держаться, а сам поехал с адъютантом генерала Раевского в намерении убедить главнокомандующего остаться на позиции до ночи.

Приехав на место, я не застал ни кн. Багратиона, ни генерала Раевского. Вижу, что 12-я дивизия в полном отступлении и стрелки уже почти оставили лес. Нахожу только дивизионного командира генерала Кулебякина[40], разъезжавшего между войсками без всякой цели. Тут же был генерал Васильчиков. Зная Кулебякина как человека без энергии, я обратился к Васильчикову и говорил, что если не хотят держаться до ночи, то не надо забывать, что войска 26-й дивизии остались с лишком за 500 сажень вперед и что если 12-я дивизия, не дождавшись, будет продолжать отступление и бросит лес, то я буду принужден для спасения людей оставить всю свою артиллерию. Я просил его остановиться в лесу, пока я не войду в линии. Васильчиков отвечал было сначала, что он не старший, но я указал ему на Кулебякина, и он решился сам распорядиться.

Васильчиков остановил войска, скомандовал "вперед", и тут показались во всей силе дух русского солдата и дисциплины. Войска бросились на неприятеля, опрокинули его и опять заняли лес. Я поскакал к своим с тем, чтобы устроить отступление. Отойти, находясь в 100 саженях от неприятеля, при всех выгодах местоположения в его пользу, было дело нелегкое.

Между тем Савоини в мое отсутствие опять получил приказание отступить, но отвечал, что без меня на это решиться не может. Я приехал и нашел уже здесь два батальона, принесшие ранцы. Присоединив к ним 41-й Егерский полк, я сделал следующее распоряжение: пехоте построиться в кареях эшелонами и, пройдя лес, занять позицию, между тем всей артиллерии моей дивизии соединиться и удвоить огонь. Двум пехотным полкам – Ладожскому и Полтавскому – стать в опушке леса.

Дав время войскам устроиться, я приказал артиллерии сниматься по два орудия с фланга, оставив при входе в лес два орудия на дороге, прочим же на рысях проходить лес. Стрелкам дано знать, что когда снимутся два последних орудия, то они сами бросились бы назад и стали в опушке на флангах артиллерии. Точно в этом порядке было все исполнено. Неприятель, видя это нечаянное отступление, опрометью бросился на наших, но тут встречен был картечью двух орудий и батальонным огнем

---

* *Так в тексте.*

двух полков. Он остановился, и лес мы прошли так удачно, что я не потерял ни одного орудия.

За лесом была поляна и в 500 саженях деревня. На поляне я поставил полки в линию, устроил батарею и, когда последние стрелки наши оставили лес, а неприятель стал показываться, открыл огонь из всех орудий батареи. Тут я нашел, что 12-я дивизия удержала свою позицию и была в одной линии со мною. Мы продолжали отступать, прикрываясь конными фланкерами, и заняли высоты, позади нас находившиеся. Канонада не прекращалась. Неприятель остановился по выходе из леса. Ночью мы пошли на прежнюю свою позицию к Дашковке. Здесь мы оставались целый день 12-го июля... Неприятель не показывался. Между тем строились мосты в Новом Быхове. Чтобы прикрыть движение наше по этому направлению, кн. Багратион приказал генералу Платову (получившему повеление присоединиться к 1-й армии) ночью перейти вброд при Ворхалабове с 12 полками Днепр, показывая вид атаки на Могилев с противной стороны, и потом следовать далее к 1-й армии в промежутке рек Днепра и Сожи.

Отступление через Мстиславль к Смоленску.

С рассветом 13-го числа мы двинулись к Старому Быхову. 14-го перешли мост в Новом Быхове и ночевали в Пропойске.

Кн. Багратион беспокоился, чтобы неприятель не предупредил его в Мстиславле, но, не встретив его здесь, мы 17-го прибыли в Мстиславль и беспрепятственно продолжали путь к Смоленску. Этим обязаны мы делу под Салтановкой. Маршал Даву хотя и получил в подкрепление в ночь после сражения весь свой корпус, но не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями. Сражение под Могилевом произвело на него большое влияние. Он сам признавался, что никогда не видел пехотного дела столь упорного. Неприятель потерял до 500 чел. убитыми, 500 пленными, и более 3 тыс. его раненых лежало в Могилевском госпитале. С нашей стороны выбыло из строю так же до 3 тыс. Батальоны, бывшие в голове колонны, потеряли наполовину. Оставалось по 250 чел. в батальоне. Здесь я узнал, как жестоки сражения против регулярных войск, и особенно против французской армии 1812 г.*

Достопамятное отступление нашей армии против непомерно сильнейшей числом Наполеона служит бесспорным доказательством превосходства русских войск. В Могилевском деле (под Дашковкой и Салтановкой) 20 батальонов наших** , составлявших меньше 11 тыс. человек, атаковали 20 тыс. французской пехоты***, держались целый день на позиции, и мужество их имело то счастливое последствие, что неприятель заперся в Могилеве, начал окапываться и не предупредил нас в Мстиславле, дозволив таким образом соединиться в Смоленске двум Западным армиям. Вторая армия всем была обязана своему главнокомандующему кн. Багра-

---

* *К этой фразе на полях рукописи помета неустановленного лица*: 1-е впечатление войны, но с турками, зато иррегулярными.

** Примечание. Надобно исключить еще два батальона 26-й дивизии, несших ранцы двух других батальонов и не успевших придти к началу сражения. (*Прим авт.*)

*** *На полях рукописи помета неустановленного лица*: 16 бат. 20 тыс.

тиону. Он умел вселить в нас дух непобедимости. Притом мы дрались в старой России, которую напоминала нам всякая береза, у дороги стоявшая. В каждом из нас кровь кипела. Раненные офицеры, даже солдаты, сделав кой-как перевязку, спешили воротиться опять на свои места.

Соединение под Смоленском.

Вторая армия, выступив 19-го июля из Мстиславля, 22-го прибыла беспрепятственно к Смоленску и стала впереди города. Первая армия находилась уже там с 20-го и была расположена по правой стороне Днепра. Обе армии несколько времени стояли под Смоленском. Здесь подкрепили нас семнадцатью батальонами из расформированного корпуса генерала барона Винценгероде. На укомплектование Второй армии поступило 7 батальонов, таким образом у нас было опять до 500 чел. в батальоне. В обеих армиях вместе состояло тогда налицо 120 тыс. чел. В Первой армии 77 тыс., а во второй 43 тыс. Но из Второй армии отделен был отряд генерал-майора Неверовского[41], состоявший из 27-й пехотной дивизии и Харьковского драгунского полка, всего около 7 тыс. чел. Кн. Багратион приказал занять ему г. Красный. Пока мы были под Смоленском, никто не думал, что Смоленск мог быть укреплен. Между тем стоило только воспользоваться старинными стенами, поправить земляные укрепления и сделать новые полевые укрепления на левом фланге города. Как Главная квартира неприятеля была в Витебске, то ожидали, что он с этой же стороны нас атакует. Но Наполеон расчел иначе. Он знал уже, как мы увидим впоследствии, что если ему удастся бросить нас на север, то война решится в его пользу.

В Смоленске созван был Военный совет[42]. Кроме двух главнокомандующих, приглашены были его императорское высочество цесаревич Константин Павлович[43], начальник штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов[44], начальник штаба 2-й армии генерал-адъютант Сен-При[45] и генерал-квартирмейстер полковник Толь[46]. Полковник Толь первый подал мнение, чтобы, пользуясь разделением французских корпусов, расположенных от Витебска до Могилева, атаковать центр их временных квартир, сделав движение бо́льшею частию сил наших, к местечку Рудне. Хотя сначала намеревались было ожидать неприятеля под Смоленском и действовать сообразно сего движения, но как между тем получено было известие, что против нашего правого фланга неприятель выдвинул корпус вице-короля Итальянского с кавалерею, то и решились, по мнению полковника Толя, идти атаковать его, полагая, что и вся армия Наполеона там находится.

26-го июля, на рассвете русская армия выступила тремя колоннами. 1-я армия составляла две правых колонны, 2-я армия левую. Главная квартира генерала Барклая де Толли переведена была в Приказ-Выдру и кн. Багратиона в с. Катань. 27-го получено было известие, что все неприятельские передовые посты отступили. Генерал Барклай ожидал, что Наполеон намеревался обойти его с правого фланга около Поречья, а потому решился, оставив движение к Рудне, потянуться еще правее. 28-го главная квартира 1-й армии перешла к дер. Мощинкам. 2-я армия сменила ее у Приказ-Выдры. 30-го июля кн. Багратион показался на левом берегу

Днепра у местечка Росасны. Опасаясь, чтобы отряд генерал-майора Неверовского, оставленный в г. Красном, не был разбит и чтобы французы не пришли в Смоленск прежде русских, он решился отступить под стены города. 31-го июля главная квартира 2-й армии переведена была в Смоленск. Между тем генерал Барклай де Толли известился, что неприятель вышел из Поречья. Но, опасаясь уже за своей правый фланг, он принял намерение продолжать движение к Рудне.

1-го августа главная квартира 1-й армии переведена к Шеломцу. 2-й армии приказано двинуться к Надве. Кн. Багратион выступил из Смоленска с 8-м пехотным корпусом и прибыл 2-го числа в Катань, а 3-го к Надве. 7-й пехотный корпус должен был следовать одним днем позже кн. Багратиона.

Все эти движения сперва к Рудне, потом к Поречью и опять к Рудне едва не были причиною погибели наших армий, открыв неприятелю наш левый фланг и большую дорогу в Смоленск. Наполеон, узнав, что русские армии потянулись к Рудне, тотчас же воспользовался ошибкою русских генералов. Собрав все силы на правом своем фланге, он решился обойти нас с левого фланга, переправиться через Днепр*... в Росасне и Хомине, идет к г. Красному. Главнокомандующий послал ему приказание держаться до невозможности. Седьмому же корпусу, который в этот день выступал уже в Катань, велено идти обратно к Смоленску, пройти город и спешить на помощь Неверовскому. Генерал Раевский приказал мне взять восемь батальонов 26-й дивизии и, составив его авангард, идти вперед даже до Красного. Пройдя Смоленск, я встретил несколько трубачей и капельмейстера Харьковского драгунского полка, который сказывал мне, что под Красным было сражение, что 27-я дивизия храбро держалась, но была совершенно разбита, так что только с несколькими трубачами едва мог уйти. Зная, что придется драться под Смоленском, я осмотрел вокруг стены города. Поехав далее, я встретил в 3 верстах адъютанта генерала Неверовского и пять батарейных орудий, спасшихся от неприятельской кавалерии. От адъютанта узнал я, что Неверовский действительно потерял половину людей, но отступил в порядке и находится в 6 верстах. Я вскоре его встретил. Он рассказал мне следующее.

Отступление генерала Неверовского.

Неприятель атаковал его в Красном. Неверовский, видя, что против него было превосходное число, оставил в Красном одну егерскую бригаду, а с прочими занял позицию в 3 верстах за городом, прикрываясь оврагом. Неприятель со всею каваллериею и, к стыду его, только с одною батареею и дивизиею пехоты атаковал город. Наши были вытеснены из Красного, и бригада отступила на позицию. У Неверовского было 12 орудий батарейных и 2 донских конных. Он отрядил два конных орудия с одним батальоном пехоты за 12 верст по дороге к Смоленску и велел им

---

* *В первой рукописи окончательной редакции (РГИА Ф 1018. Оп. 9. Д. 165 Л. 56 об) далее следует*: овладеть Смоленском в тылу наших армий, оттеснить их на север к Великим Лукам или к Торопцу и стать между ними и полуденными губерниями России. К счастью, в ночь на 3-е августа кн. Багратион получил донесение генерала Неверовского, что неприятель, в больших силах переправясь через Днепр.

занять переправу на небольшой речке, там протекавшей, сам же выстроил свою дивизию, поставил батарейные орудия на левом фланге, прикрыв их Харьковским драгунским полком, а Донской казачий полк расположил на правом фланге. Неверовский сознавался, что если бы он поставил батарею между пехотными колоннами, то не произошло бы тех несчастий, которые его постигли.

У неприятеля было 15 тыс. кавалерии. Она обошла левый фланг. Харьковский драгунский полк, видя атаку, сам бросился вперед, но был опрокинут и преследуем 12 верст. Затем батарея осталась без прикрытия. Неприятель на нее кинулся, опрокинул и захватил пять орудий, остальные семь ушли по Смоленской дороге. Казаки также не выдержали. Итак, Неверовский с самого начала сражения остался без артиллерии, без кавалерии, с одною пехотою. Неприятель окружил его со всех сторон своею конницею. Пехота атаковала с фронта. Наши выдержали, отбили нападение и начали отходить. Неприятель, увидев отступление, удвоил кавалерийские атаки. Неверовский сомкнул свою пехоту в колонну и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерия, повторяя непрерывно атаки во фланги и в тыл генерала Неверовского, предлагала наконец ему сдаться. Он отказался, люди Полтавского полка, бывшего у него в этот день, кричали, что они умрут, а не сдадутся. Неприятель был так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами. На пятой версте отступления был самый большой натиск французов, но деревья и рвы дороги мешали им врезаться в наши колонны.

Стойкость нашей пехоты уничтожила пылкость их натиска. Неприятель беспрестанно вводил новые полки в дело, и все они были отбиты. Наши, без различия полков, смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии. Таким образом Неверовский отошел еще семь верст. В одном месте деревня едва не расстроила его отступление, ибо здесь прекращались березы и рвы дороги. Чтобы не быть совершенно уничтоженным, Неверовский принужден был оставить тут часть войска, которая и была отрезана. Прочие отступили, сражаясь. Неприятель захватывал тыл колонны и шел вместе с нею. К счастью, у него не было артиллерии, и потому он не мог истребить эту горсть пехоты. Неверовский приближался уже к речке, и когда был он за версту, то из двух орудий, посланных им прежде, открыли огонь. Неприятель думал, что тут ожидало русских сильное подкрепление, очистил тыл, и наши благополучно переправились за речку. Здесь они держались до вечера. Ночью отошли еще 19 верст до оврага, находящегося в 6 верстах от Смоленска, где я нашел их 3-го числа.

В этот день пехота наша покрыла себя славою. К стыду же французов надо сказать, что при 15-тысячной кавалерии и дивизии пехоты была у них одна только батарея. Если б они имели с собою всю артиллерию, тогда бы Неверовский погиб. Немного также чести их кавалерии, что 15 тыс. в сорок атак не могли истребить 6 тыс. нашей пехоты.

Если ближе рассмотреть французскую армию, которой у нас привыкли безусловно удивляться, то увидим, что генералы их не были так распорядительны, как завистники наши хотят нас уверить, и кавалерия их была далеко ниже похвал, которые себе приписывает. Инстинное преимуще-

ство французов в кампании 1812 г. состояло в непомерном превосходстве сил.

Сам Наполеон был весьма недоволен распоряжениями своих генералов в этот день. "Я ожидал, – говорил он, – всей дивизии русских, а не пяти орудий, которые Вы привели с собою"*.

Дела под Смоленском.

3-го июля, в семь час. утра, я соединился с Неверовским и сообщил ему приказание корпусного командира передать мне командование авангардом, а ему присоединиться к корпусу. Войска мои заняли позицию за оврагом. В 4 часа пополудни показались неприятельские фланкеры, а потом его авангард. Кавалерия неприятеля, опрокинув моих казаков, подошла к оврагу и остановилась на пушечный выстрел от моей батареи. На противной стороне на высотах неприятель строился в боевой порядок. Сильными колоннами развернулся он наравне с моим флангом. Я видел, что до 4 тыс. кавалерии обошли мой левый фланг и остановились в деревне. Ночь застигла все эти движения.

Приготовление к Смоленскому делу.

В полночь получаю приказание от корпусного командира приехать в главную его квартиру. Он расположился с 12-й и 27-й дивизиею в 3 верстах позади моей позиции и в таком же расстоянии от Смоленска.

Я застал генерала Раевского, окруженного своими генералами. "Иван Федорович, – сказал он мне, – мы получили повеление держаться до последней крайности, чтобы дать время придти армии к Смоленску**. Я выбрал эту позицию, и мы решили принять здесь сражение". "И будете совершенно разбиты, – был мой ответ. – Если счастьем кто и спасется, то по крайней мере мы потеряем все орудия, и главное, Смоленск будет в руках неприятеля". Раевский улыбнулся: "Отчего Вы так думаете?" "Вот мои доказательства. Вы занимаете точно такую же позицию, как и я, впереди Вас за три версты. Правый фланг защищен Днепром, но левый совершенно открыт. К тому еще позади Вас лощина, не проходимая для артиллерии. Сего дня неприятель обошел кавалериею мой левый фланг. Завтра она повторит тот же маневр против Вас. Если Вы даже отобьете французов с фронта, то во время дела они обойдут Вас с левого фланга и займут Смоленск. Вы принуждены будете отступить и, к несчастью, на свой левый фланг, то есть в руки неприятеля, ибо не забудьте, что сзади Вас овраг, а там стены Смоленска. Положим, что, ударив с пехотою на неприятеля, при самом большом счастии Вы даже пробьетесь к местам Смоленским, но артиллерию не провезете". "Где же Вы думаете дать сражение?" – спросил меня Раевский. "В самом Смоленске. Может быть, мы там удержимся. В несчастьи потеряем артиллерию, но сохраним корпус. Во всяком случае, выиграем время и дадим возможность армии придти к нам на помощь". Генерал Раевский задумался. Трудно было ему

---

* *На полях рукописи помета неустановленного лица*: NB, нет ли этого у Богдановича??

** *На полях рукописи помета неустановленного лица*: NB, нет ли каких-либо сведений у Богдановича?

отстать от своего плана, тогда как он решился драться на выбранной им позиции, и принять новое чужое мнение, хотя и основанное на большей вероятности успеха, мы оставались в молчании. Наконец, чтобы вывести его из этого неприятного положения, я предложил ему ехать верхом, так как ночь была месячная и светлая, осмотреть Смоленск и выбрать место, где бы можно было поставить войско с большею для нас выгодою на случай сражения. Генерал Раевский согласился.

Смоленск лежит на левом берегу Днепра и огражден высокою, но каменною стеною. Ограда снабжена 30 башнями. Неглубокий ров и перед ним покрытый путь с гласисом окружают стену. По западную сторону города по высоте находится большое земляное укрепление неправильной фигуры, называемое Королевским бастионом. На левой же стороне находятся городские предместья. Но все земляные укрепления обвалились, ибо Смоленск был совершенно заброшен. Остались только каменные стены, хорошо сохранившиеся, кроме одной стороны, что к реке, где был обвал сажень в 50. Дорогою я сказал генералу Раевскому: "Позвольте Вам показать места, где мы с удобностью можем драться". Он отвечал, что все понял и согласен с моим мнением. Я упросил позволить мне с 26-й дивизиею стать в Королевском бастионе, на который, по всем вероятностям, неприятель поведет атаку. Левый же форштат решено занять войсками 12-й дивизии. Затем пехоте приказано отходить, а кавалерия оставлена до расчета на местах. Она должна была поддерживать огни, когда неприятель ее атакует, отступить к Смоленску. Ночью я занялся размещением войск. На правом фланге поставил я два орудия, обстреливавшие дорогу по Днепру, шесть батальонов моей дивизии положил за покрытым путем. На бастионе выставил 18 орудий и разбросал по стене Виленский полк. Бригаду 27-й дивизии под командою полковника Ставицкого[47], поступившую ко мне в команду, на кладбище левого форштата; перед кладбищем 24 орудия. Восемь батальонов и 24 орудия 12-й дивизии в самом форштате с приказанием, что если неприятель сделает нападение на предместье и будет усиливаться, то зажечь дома и отступить в город. Наконец, на левом фланге крепости два батальона и 4 орудия, а в резерве остальная бригада 27-й дивизии. Устроившись таким образом, мы ожидали прибытия неприятеля. Около 6 час. утра я лег отдохнуть. Через полчаса меня разбудили. Неприятель уже показался*. Кавалерия наша во всю прыть отступала от неприятельской. Мы открыли огонь из орудий и остановили преследование. Не прошло 20 мин. как увидели три большие колонны французской пехоты, *к которым вскоре прибыл сам Наполеон***. Одна из них шла прямо на бастион, другая на кладбище, третья вдоль Днепра, на правый наш фланг. Я бросился к 6 батальонам, лежащем в резерве, и вел их из-за непокрытого пути. Все семьдесят орудий наших были уже в действии. Но неприятель прошел ядра, прошел картечь и приближался к рытвине, составлявшей на том месте ров Смоленской крепости. Только что я успел выстроить один батальон, как французы были уже на гласисе. Орловский полк открыл ружейный огонь и остановил

---

* *На полях рукописи против этой фразы помета писарским почерком*: Смоленское дело.

** *На полях рукописи помета И.Ф. Паскевича*: Около 9 часов.

неприятеля. Несколько раз покушался он выйти из оврага, несколько раз бросался на нашу пехоту, но каждый раз встречал наш сильный огонь и принужден был возвращаться в овраг. Тела его покрывали гласис. Замечая, что атаки неприятеля слабеют, я приказал 1-му батальону Орловского полка броситься на него в штыки.

Батальон вышел из покрытого пути, но, увидев, что второй батальон за ним не идет, остановился. Я послал адъютанта моего Бородина. Он стал на гласис в нескольких шагах от неприятеля, закричал "ура", и оба батальона с криком бросились на французов. В это же время полки Ладожский и Нижегородский ударили в штыки, и неприятель был опрокинут, выбит из рытвины и трупами его устлано все пространство от гласиса до противной стороны оврага. Полки мои бросились было преследовать неприятеля. Я ударил отбой, возвратил их и вновь построил батальоны за накрытым путем. Вскоре и неприятель, получив подкрепление, опять подошел к нам, но, остановясь по ту сторону оврага, перестреливался и не смел делать на нас новых покушений.

На левом фланге неприятель в стрелках и колоннах подошел к нашим батареям и сам выдвинул артиллерию. Его встретили картечью. Генерал Раевский, боясь потерять орудия, приказал им отойти, но командир одной из артиллерийских рот подполковник Жураковский решился держаться и продолжал стрелять картечью. Вскоре последовало общее "ура", и неприятель был и с этой стороны в большой потере. На левом форштате, занятом 12-й дивизиею, атаки не было.

Все это происходило около 9 час. пополуночи. В это время стала собираться под Смоленском вся французская армия, становилась в позицию и окружала город. Я видел здесь до 200 тыс. чел., в темных массах стоявших. Неприятель, видя неудачу приступов, устроил батарею и стал бить стены города, поддерживая промежутки батареи стрелками. Целые полки подходили по-батальонно и рассыпались в стрелки. Мы за покрытым путем теряли людей не много, а французы беспрерывно подкрепляли свои батальоны. У меня были дурные ружья. Я велел подобрать ружья французские и переменить их на весь полк.

Около полдня показалась с другой стороны и наша 2-я армия. Кн. Багратион, послав накануне генерала Раевского, сам думал перейти Днепр у с. Катани, но, узнав, что все силы Наполеона направлены к Смоленску, снял мост и 4-го на рассвете выступил из Катани. Седьмой корпус был подкреплен 2-й гренадерскою дивизиею принца Карла Мекленбургского[48]. Ко мне прислали батальон Сибирского гренадерского полка. К вечеру прибыл генерал Барклай де Толли с 1-й армиею и стал на высотах правого берега Днепра. В это время я видел, как обе армии становились на позицию. У Наполеона было 185 тыч. чел. под ружьем, не считая корпусов Жюно и вице-короля Итальянского, не успевших к нему присоединиться. С нашей же стороны едва ли было до 130 тыс. Канонада продолжалась до самой ночи. Ко мне приезжал наш главнокомандующий, благодарил меня за это дело, обнял и сказал: "Я знаю, Иван Федорович, что ты делал, знаю, чем мы тебе обязаны". Я был счастлив*. Почти все

---

* *На полях рукописи помета неустановленного лица*: Как пишет Богданович?

генералы приходили смотреть, как гласис против моего бастиона был устлан телами французов. Наконец, был у меня и главнокомандующий министр и благодарил с обыкновенным его хладнокровием. Седьмой корпус, изнуренный двухдневным походом и сражением, в ночь на 5-е число сменен был 6-м корпусом. Доказательством хорошего выбора места служит приказ генерала Барклая де Толли, чтобы 6-й корпус стал точно на тех же местах, какие занимал седьмой, и вообще действовал по тем же распоряжениям, какие сделаны были на 4-е число.

Наполеон в своих записках говорит: "Il (Napoleon) tourna la gauche de l'armée russe, passa le Borysthine et se porta sur Smolensk on il arriva 24 heures avant l'armée russe qui retrogarda en toute hûte; une division de 15000 russes qui se trouvait par hasard à Smolensk eut le bonheur de défendre cette place un jour ce qui donna le temps à Barcley de Tolly d'arriver le lendemain. Si l'armée française eût surpris Smolensk, elle y eut pas si le Borysthène et attaqué par derrière l'armée russe en désordre et non reunie, ce grand coup fut manqué*.

Оба главнокомандующие, опасаясь быть обойденными от стороны г. Ельно и потерять сообщение с Москвою, приняли намерение потянуться влево. Генерал Барклай де Толли взял на себя оборону Смоленска, а кн. Багратион безопасность Московской дороги. 5-го августа, в 4 часа пополуночи, Вторая армия выступила и заняла позицию на Московской дороге, за речкою Колоднею, в 8 верстах от Смоленска. Арьергард ее оставлен был в 4 верстах от города против дер. Шейна острога, лежавшей на оконечности правого крыла французов. Генерал Раевский с войском, под начальством его состоявшим, присоединился к Второй армии, кроме 27-й дивизии и двух полков 12-го (6-го егерского и Смоленского), оставленных в Смоленске. Мне же приказано было генералом Раевским остаться для указания мест и рассказа. "Так как я, – говорил он, – распоряжался всеми движениями 4-го числа". Войска мои сменены были 24-й дивизиею генерал-майора Лихачева[49]. Разместив его дивизию, я поехал к корпусному командиру генералу Дохтурову и нашел его в укреплении перед воротами Смоленска. Выслушав меня, он просил рассказать все это начальнику его штаба. Отыскав полковника Монахтина[50], я увидел, что он одну бригаду, сменившую мои войска, распустил всю в стрелки и гонит неприятеля под его батарею. Резервов у него не было. Стрелки его могли быть опрокинуты, неприятель вошел бы в укрепление вместе с нашими. Передав Монахтину, каким образом мы защищались 4-го числа, я возвратился и встретил в воротах генерала Коновницына, который сам меня отыскивал. Не зная меня, он спросил: "Вы ли генерал Паскевич? Нам приказано у Вас учиться". Мы поехали вокруг Смоленска, и более часа я рассказывал ему малейшие происшествия 4-го числа. Я рад был видеть генерала, который один только входил в дело и хотел знать все его подробности. Может

---

* "Он (Наполеон) обошел слева русскую армию, переправился через Днепр и подступил к Смоленску, куда он прибыл на 24 часа раньше русской армии, которая задержалась в своем отступлении, один отряд из 15 тыс. русских, который случайно оказался в Смоленске, имел счастье защищать это место один день, что дало время Барклаю де Толли подойти назавтра. Если бы французская армия неожиданно взяла Смоленск, она перешла бы Днепр и неожиданно остановила бы русскую армию, не собранную и в беспорядке, этот крупный случай был упущен" (*фр*).

быть, поэтому 5-го числа, когда седьмая дивизия была опрокинута и бежала, генерал Коновницын умел поправить все дело, выступив со своею дивизиею против неприятеля, и остановить его дальнейшие покушения. Тогда же видел я и генерала гр. Кутайсова[51]. Он снял 24 орудия, поставленные мною на кладбище, полагая, что орудия тут не безопасны. Но сии 24 орудия обстреливали лощину, и без них неприятель мог весьма удобно атаковать левый форштат. В самом деле так и случилось. Когда Наполеон в начале сражения направил свой первый корпус против форштата, то неприятель, пройдя лощинами, взял во фланг седьмую дивизию и почти истребил ее в течение получаса, и здесь-то именно Коновницын вовремя вышел из города и остановил неприятеля.

5-го числа генерал Дохтуров с двумя дивизиями своего корпуса, с 27-й дивизиею генерала Неверовского, 3-й пехотною генерала Коновницына и двумя полками 12-й дивизии защищал Смоленск. В течение дня ему прислана была в подкрепление еще дивизия принца Евгения Виртембергского[52]. Дохтуров потерял предместья, но удержался в городе. Несмотря, однако ж, на мужественное сопротивление наших, Смоленск не раз подвергался опасности, особенно когда Наполеон послал корпус поляков с правого фланга в тыл города, где стена в одном месте разрушилась. С этой стороны у нас находилось мало войск и мало орудий. Поляки могли бы легко ворваться, но у них недостало мужества. Они были уже во 100 шагах от лома и отступили. Удивляюсь, отчего генерал Барклай де Толли поставил на флангах только по 24 орудия, он мог бы поставить их сто. Тогда было бы менее риска и менее потери людей. Я уверен, что в таком случае и третий день можно было удержаться в Смоленске, ибо неприятель в сии два дня потерял уже около 15 тыс. чел. Наполеон так был ожесточен, что поставил большие батареи, для того чтобы разбивать Смоленскую стену, как будто можно было разбить ее полевыми орудиями. Около пяти часов Смоленск был весь в огне. Конечно, мудрено удержать город, когда соединение внутри крепости между флангами затруднительно. Но надлежало рассчитать, что пожар мог прекратиться, и тогда колонны неприятеля с трудом могли бы двинуться в город. Два дня под Смоленском стоили Наполеону около 20 тыс. чел. Кн. Багратион, зная [не]преклонное упорство императора французов, был уверен, что он и в следующий день возобносит атаку и опять столько же потеряет. Поэтому при свидании с генералом Барклай де Толли около второго часа он просил его держаться в Смоленске.Потом посылал к нему адъютанта с письмом о том же. В Первой армии 2-й и 4-й корпуса и Гренадерская дивизия еще не были в деле. Следовательно, можно было, сменив пятью дивизиями 6-й корпус, удержать за собою город еще день. Но генерал Барклай де Толли полагал, что Наполеон, потянувшись вправо, овладеет Московскою дорогою и что Вторая армия не в состоянии будет защитить ее. В этом предположении Барклай с Первою армиею в ночь на 6-е число оставил не только Смоленск, но даже и Петербургское предместье, оставаясь сам на Петербургской дороге, следовательно, разобщенный со 2-й армиею, которая потянулась к Соловьеву перевозу на Днепре.

На рассвете, вслед движению наших войск неприятель в брод перешел Днепр, овладел Петербургским предместьем и отрезал генерала Барклая

от Московской дороги. Коновницын принужден был возвратиться, выгнал французов из предместья, но потерял при этом более тысячи человек.

Первая армия заняла позицию на дороге к Поречью. Вторая пошла к Дорогобужу, оставив на Смоленской дороге арьергард генерал-майора Карпова с четырьмя казачьими полками.

Мы отступали от Смоленска в виду неприятельских войск. Сперва появилась кавалерия, потом пехота, поставили батарею, и мы отходили под их выстрелами. Но в 6 верстах они нас оставили. Между тем позиция Первой армии по дороге к Поречью, как и сказал уже, опять разобщала ее со Второю армиею. Ей необходимо было выйти на Московскую дорогу, чтобы стать на своем естественном пути действий.

Генерал Барклай де Толли сделал ту ошибку, что, простояв полторы сутки на Петербургской дороге, двинулся обходом только в ночь на третий день. Дурные проселочные дороги затрудняли поход. Притом одно пустое, но несчастное происшествие было причиною, что в целую ночь прошли только 6 верст. Ездовой на патронном ящике заснул и упал с лошади. Колонна остановилась, задержала войска, следовавшие за нею, и таким образом промешкали до рассвета. Корпуса Первой армии разделились и едва не были отрезаны от Московской дороги. Дело под Валутиной горой завязалось именно по этому несчастному случаю. Надобно было дать время войскам 1-й армии выбраться на Московскую дорогу, по которой между тем неприятель преследовал арьергард генерала Карпова. Генерал-майор Тучков 3-й[53], посланный с 2400 чел. в подкрепление Карпова, встретился с передовыми колоннами корпуса маршала Нея и с 10 час. утра до 3 час. пополудни выдерживал натиск превосходного числом неприятеля. В это время к неприятелю беспрерывно подходили подкрепления. Мало-помалу войска сближались и с нашей стороны. К концу дела у французов было до 35 тыс., у нас же только 16 тыс. День этот славен для русского оружия. Сам главнокомандующий генерал Барклай несколько раз водил батальоны в штыки. Беспримерное упорство нашей пехоты, в особенности стойкость 1-й Гренадерской дивизии, и блестящие кавалерийские атаки генерал-адъютанта гр. Орлова-Денисова[54] служат новым доказательством превосходства русских войск.

Французы приписывают неудачу их покушений в этот день ошибке генерала Жюно, не умевшего будто бы обойти наш левый фланг, но я думаю, что этот обход был даже не возможен за болотами. По отступлении нашем от Валутина поляки нашли случай показать нам свою ненависть. В виду нашем они убивали русских раненых пленных. 9-го августа Вторая армия прибыла к Дорогобужу. Первая подвинулась к с. Усвяти на р. Уже. Генерал Барклай де Толли, соединясь опять со Второй армиею и восстановив сообщение с Москвою, хотел остановиться и ожидать неприятеля. Но на Усвятской позиции сильнейший нас числом неприятель мог обойти наше левое крыло, отрезать от Дорогобужа и оттеснить в угол при слиянии рек Ужи с Днепром. Кн. Багратион убедил генерала Барклая де Толли отступить по дороге к Вязьме и искать другой выгоднейшей позиции. Но и окрестности Вязьмы не представляли довольно выгодной позиции для сражения. Обе армии продолжали отступление и 17-го расположились при Царевом Займище. В этот день прибыл из

Калуги в Гжатск генерал Милорадович с 15-тысячным корпусом новосформированных войск. С сим подкреплением генерал Барклай де Толли еще раз хотел ожидать неприятеля при Царевом Займище, но приготовления его к сражению были еще раз остановлены прибытием генерала кн. Голенищева-Кутузова, назначенного главнокомандующим русских армий, действовавших против Наполеона.

К счастью, что по тому случаю мы не держались на позиции при Царевом Займище. Ровное необозримое поле было бы в пользу сильной неприятельской кавалерии, превышавшей нашу 25 тыс. чел.

Назначение кн. Кутузова главнокомандующим всеми армиями.

Прибытие Кутузова возвысило дух русской армии. Главнокомандующий желал воспользоваться расположением войск и привести в исполнение намерение Барклая де Толли, то есть дать неприятелю генеральное сражение. Если и нельзя было надеяться на верную победу, то по крайней мере можно было причинить неприятелю потери, для него не вознаградимые. Но прежде генерал Кутузов хотел соединиться с корпусом Милорадовича. Притом позиция при Царевом Займище, как я сказал уже, по совершенно открытому местоположению не представляла для нас выгод.

В Можайске Кутузов встретил генерала Бенигсена[55], который, ничем не командуя, ехал позади армии. Назначив его начальником штаба армии, Кутузов поручил ему отыскать позицию, Бенигсен избрал Бородинское поле. 19-го августа русская армия прошла Гжатск и при дер. Ивашковой присоединился к ней корпус Милорадовича. 20-го она подвинулась к дер. Дурике. 21-го к Колоцкому монастырю, а 22-го заняла* при с. Бородине место, избранное для сражения.

Генерал Коновницын оставлен был с арьергардом при Колоцком монастыре. 24-го он был атакован авангардом неприятеля и мужественно держался, но, обойденный превосходными силами вице-короля Итальянского, отступил и присоединился к армии.

Правый фланг Бородинской позиции примыкал к лесу, за полверсты от р. Москвы. Фронт правого крыла и центр до с. Бородина прикрывала речка Колоча, текущая в глубоком овраге. Левое крыло от высот Бородинских простиралось до кустарников, находившихся по левую сторону дер. Семеновской. Несколько оврагов и кустарники только отчасти защищали фронт левого крыла.

Позиция эта была укреплена искусством. Лес на правом фланге прикрыт отдельными укреплениями. В центре перед дер. Горками на возвышении, через которое идет большая дорога, построены были батарея и другая, на 200 сажень впереди, по направлению к с. Бородину. Слабейшею частью позиции было левое крыло и потому требовало сильнейших укреплений. Там, где центр соединялся с левым флангом, на высоте, командовавшей полем впереди левого крыла, была поставлена большая батарея в виде люнета, с частями куртин по сторонам.

---

* *Здесь текст второй рукописи окончательной редакции записок обрывается, далее дается по предшествовавшей ей первой рукописи окончательной редакции* (*РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 165. Л. 81 об –97 об.*).

На оконечности фланга, на высотах перед дер. Семеновскою поставлены были еще три батареи. Дер. Семеновская была истреблена. В кустарниках перед фронтом и на левом крыле рассыпаны были егеря. Наконец, для наблюдения движения неприятеля против левого фланга в 900 саженях перед фронтом был построен редут впереди с. Шевардина.

24-го августа неприятель, оттеснив ариергард Коновницына от Колоцкого монастыря, приближался к Бородину тремя колоннами. Огонь с редута при Шевардино и стрелки в сел. Фомкино и Алексино беспокоили неприятеля на правом его фланге. Это заставило его стараться взять редут.

Мы видели, как на высоте против нас выехала кучка кавалерии. Из этой кучки выехало двое генералов. Один в сером сюртуке и треугольной шляпе. Минут пятнадцать он осматривал позицию, махал рукою направо, и через 1/2 часа ад загорелся на нашем левом фланге. В эти 1/4 часа Наполеон угадал слабую сторону нашей позиции. Для этой атаки он употребил весь 1-й и польский корпуса, около 50 тыс. человек. Завязался здесь упорнейший бой. Три раза редут переходил из рук в руки. Но как он построен был только для открытия движения неприятеля и так отдален от главного расположения армии, что не мог быть защищаем с успехом, то и в 10 час. вечера войска наши выведены и редут оставлен во власти неприятеля.

В то же время, когда 24-го французы сделали атаку на Шевардино, они атаковали такжс и мой левый фланг. Я послал два егерских полка с 12 орудиями в кусты, около речки, сам же с остальными двумя полками моей дивизии вышел для подкрепления егерей. Они удержались до вечера, неприятель не мог опрокинуть моей егерской бригады, и хотя из 12 орудий полковника Журавского много было подбито и по крайней мере половина лошадей потеряна, но артиллерия не отступила. Дело это стоило мне до 800 человек, и подо мною ранена пулею лошадь.

25-го числа Наполеон, убедясь, что слабейшею частию нашей позиции был левый фланг, сосредоточил силы свои в центре и на правом своем фланге. Кутузов, заметя это движение и боясь быть обойденным с левого фланга по старой Смоленской дороге, послал генерал-лейтенанта Тучкова 1-го[56] с 3-м пехотным корпусом, 7 тыс. чел. Московского ополчения и 6-ю казачьими полками на оконечность левого крыла. Генерал Тучков расположился позади дер. Утицы. Расстояние между им и левым флангом главной позиции занимали стрелки 4-х егерских полков. Далее войска стояли в следующем порядке. Укрепления впереди дер. Семеновской, составлявшей оконечность левого фланга, защищаемы были дивизиею генерала Воронцова. За нею, во второй линии стояла 27-я дивизия генерала Неверовского. Позади дер. Семеновской поставлена была в две линии дивизия принца Карла Мекленбургского. От дер. Семеновской до главной батареи протянулся 7-й пехотный корпус, в первой линии которого состояла моя 26-я дивизия. В подкрепление 7-го корпуса поставлен был 4-й кавалерийской корпус гр. Сиверса[57].

- *Вписано И Ф Паскевичем карандашом на полях рукописи*

- *Вписано И Ф Паскевичем карандашом на полях рукописи*

Все левое крыло состояло из 2-й армии и находилось под начальством кн. Багратиона.

Центр позиции от правого фланга корпуса Раевского прямо против с. Бородина до батареи против сел. Горки занимал 6-й пехотный корпус Докторова. Он подкреплялся 3-м кавалерийским корпусом. Правый фланг занимали 4-й пехотный корпус гр. Остермана[58], примыкавший левым крылом к корпусу Докторова, позади его 2-й кавалерийский корпус барона Корфа[59] и, наконец, 2-й пехотный корпус Багговута, составлявший правую оконечность армии впереди укрепленного леса на правом фланге позиции. Правым флангом командовал генерал Милорадович, который вместе с генералом Докторовым состоял под начальством Барклая де Толли.

В резерве находились на правом фланге позади леса 1-й кавалерийский корпус генерала Уварова. Влево от него Платов с 9-ю казачьими полками. Остальные 5 полков казаков стояли при соединении рек Колочи и Москвы, наблюдая по их течению.

Резерв левого крыла позади дивизии принца Карла Мекленбургского составляла 2-я кирасирская дивизия генерала Дука[60]. Главный резерв, расположенный позади центра, состоял из 5-го пехотного корпуса и 1-й кирасирской дивизии генерала Депрерадовича[61]. Пять рот конной артиллерии находились позади 4-го кавалерийского корпуса. Главный артиллерийский резерв в 180 орудий расположился перед сельцем Писаревым. Фронт позиции, особенно на левом крыле, защищен был сильными батареями. Все егерские полки занимали кустарники, деревни, теснины, перед фронтом лежащие.

С другой стороны, неприятель сделал следующие распоряжения.

Для обхода отряда генерала Тучкова назначен корпус Понятовского и поставлен позади кустарников вправо от Шевардинского редута. Король Неаполитанский с 3-мя кавалерийскими корпусами находился в самых кустарниках. Маршал Даву должен был с тремя пехотными дивизиями напасть на левый фланг левого крыла русских и стал между с. Шевардиным и лесом около дер. Утицы. Маршалу Нею с своим корпусом и с корпусом Жюно велено было атаковать правый фланг левого нашего крыла. Он протянулся от Шевардина до Алексина. Вице-король Италианский с своими 4-мя дивизиями, кавалерийским корпусом Груши и пехотными дивизиями Жерара[62] и Морана[63] стоял против центра и укрепился несколькими редантами, командовавшими селом Бородино. Правый фланг наш должен был удерживать дивизии Брусье[64], италианской гвардии, дивизии Дельзона[65] и кавалерийская дивизия* Орнана[66]. Гвардия Наполеона была в резерве по правую сторону с. Фомкина. В французской армии считалось около 190 тыс. чел.** в строю и до тысячи орудий.

Русская армия простиралась до 132 тыс. В том числе 115 тыс. регулярных войск, 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополчения. Артиллерия состояла из 640 орудий. В таком положении обе армии провели ночь с 25-го на 26-е.

26-го августа, в день, достопамятный в летописи войны, в 6 час. утра

---

* *Так в тексте*

** *На полях рукописи помета*: NB, 170.

начался тот кровавый бой, который по справедливости назван борьбою великанов.

Прежде всех двинулся Понятовский в обход отряда Тучкова.

Потом подвинулся Даву к окопам левого нашего крыла. В то же время вице-король Италианский приказал дивизии Дельзона взять с. Бородино. Гвардейский егерский полк мужественно защищался, но принужден был оставить село и отступить за речку Колочу.

Между тем завязали бой и на оконечности нашего левого фланга. Генерал Тучков, теснимый Понятовским, отступил к находившимся позади его высотам и завязал с неприятелем сильную перестрелку, продолжавшуюся до полудня. Против дер. Семеновской выходили один за другим и выстраивались прямо против наших батарей корпуса Даву, Нея, Жюно и часть кавалерии короля Неаполитанского. Кн. Багратион, видя превосходство неприятеля против левого крыла, приказал Тучкову прислать дивизию Коновницына на помощь Воронцову и Неверовскому. Тогда же надвинута и 2-я кирасирская дивизия влево от дер. Семеновской. Наконец, кн. Кутузов прислал в подкрепление сперва Измайловский и Литовский гвардейские полки и бригаду гренадер с двумя ротами артиллерии, а потом приказал перевести с правого на левый фланг весь 2-й пехотный корпус Багговута[67].

Под ужасными огнями русской пехоты и артиллерии неприятель выстроил и подвигал свои колонны. Ему удалось даже завладеть на короткое время одною флешею, но он тотчас же был опрокинут *графом Воронцовым, который ударил в штыки с своею Сводною гренадерскою дивизиею и вытеснил неприятеля*.

В центре вице-король Италианский оставил на правом фланге генерала Орнано, занял с. Бородино дивизиею Дельзона и поставил на высотах батареи. Но они несколько раз приводимы были в молчание нашею артиллериею. Сам же Богарне с дивизиями Морана, Жерара, Брусье и кавалерийскими корпусами Груши перешел речку Колочу. Но здесь встретили их стрелки моей дивизии, засевшие в кустах, чрез которые неприятель должен был проходить.

Пройти кустарники стоило французам величайших усилий. Более часа егеря моей дивизии удерживали их наступление, и только в 10 час. неприятель успел вытеснить стрелков и выдти на равнину прямо против большой нашей батареи.

Дивизия Брусье засела в овраге между батареею и с. Бородином. **Дивизии Морана и Жерара, выстроившись в самом овраге и вдруг вышли из оврага, готовясь к атаке на батарею бригадою, за ними поддержанною еще двумя полками**.

Видя, что неприятель приготовляется к нападению, вышел к нему на встречу с остальными полками своей дивизии, собрав своих егерей, разместив войска по обоим флангам люнета, поставил я Нижегородский и Орловский полки по правую сторону, Ладожский и один батальон Полтавского – по левую, а другой батальон Полтавского рассыпал по укрепле-

---

- *Вписано И.Ф. Паскевичем карандашом на полях рукописи.*

- *Вписано И.Ф. Паскевичем карандашом на полях рукописи.*

нию и во рву. 18-й, 19-й и 40-й егерские полки расположены позади люнета в резерве.

Несмотря на огонь русской артиллерии, дивизия двинулась вперед. Хотя были в меньшем числе против неприятеля, но мне удалось удержать натиск неприятеля благополучно. Наконец, превосходство числа заставило меня отойти, чтобы устроить уменьшившиеся наполовину свои полки.

Бывший в голове дивизии Морана 30-й линейный полк французов с генералом Бонанси ворвался было в манеж. Вся дивизия его поддерживала. Но в это время под прикрытием приведенного гр. Кутайсовым батальона Уфимского полка, построив вновь свою дивизию и взяв 18-й Егерский полк, мы бросились на неприятеля.

Помню, что тогда бой на главной батарее представлял ужасное зрелище. Полки 19-й и 40-й егерские атаковали неприятеля с левого фланга. Генерал Васильчиков с несколькими полками 12-й дивизии напал на него с правого фланга. 30-й французский полк был почти истреблен. Генерал Бонанси взят в плен. Остальная часть полка была опрокинута на дивизии Морана. Я взял остальные полки 12-й дивизии, пошел за люнет, с тем чтобы отрезать французские войска, в нем находившиеся. Подкрепляемые кавалерийскими атаками, сильным наступательным движением нашим привели в замешательство дивизию Морана. Отступление неприятеля на этом пункте едва не увлекло его войска, занявшие между тем дер. Семеновскую. Но вице-король Италианский успел подкрепить Морана дивизиею Жерара, и бой восстановился.

Таким образом в 1/4 часа люнет был возвращен. Эта схватка была одна из самых ужаснейших и кровопролитных в продолжение всего Бородинского дела. Трупы неприятеля завалили люнет перед укреплением. С нашей стороны убит генерал Коновницын[68], подо мной лошадь убита, а другая ранена.

Вице-король, не успев атакою овладеть люнетом, удвоил свои батареи против укрепления и наших войск. Дивизия моя, и без того уже потерявшая почти половину войск под страшным огнем неприятельской артиллерии с убиванием людей целыми рядами, по сознанию самих французов, стояла с необычайным мужеством. Осыпаемая градами картечи, она потерпела столь великое поражение, что принуждены были вывести ее из первой линии и заменить 24-й дивизиею генерала Лихачева, взятою из центра от 6-го корпуса генерала Дохтурова. Но возвратимся на левый наш фланг. Маршал Ней с корпусом Жюно хотели было прорваться между левым флангом русских и войсками генерала Тучкова, но были отбиты кирасирами генерала Голицына[69] и дивизиею принца Евгения Виртембергского. Понятовский, при помощи движения Нея, бросился на Тучкова и завладел было курганом на левом его фланге. Тучков собрал все силы, опрокинул поляков с кургана, но сам был смертельно ранен. Место его принял команду генерал Багговут. Наполеон приказал усилить нападение на левом крыле против дер. Семеновской. 400 орудий собрано было французами. Со стороны русских было 300 орудий на батареях. Кутузов приказал также генералу Милорадовичу подойти сюда с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами.

Сражение при дер. Семеновской возобновилось с новым ожесточением. Французы наступали. Кн. Багратион двинул против них всю линию в штыки. Натиск был ужасен. Ни одна сторона не хотела уступить победы. К несчастью, генерал Багратион был ранен. Французы, овладев флешами, бросились было на Семеновский овраг, но были опрокинуты дивизиею Коновницына, Измайловским и Литовским гвардейскими полками и кирасирами. Успехи французов еще более остановлены были счастивою кавалерийскою атакой генерала Уварова на правом фланге, развлекшею внимание Наполеона. Но неприятель, обезопасив свое левое крыло, готовился усилить нападение на центр.

Вице-король с дивизиями Жерара, Морана и Брусье шел против люнета, приказал кавалерийскому корпусу Коленкура (вместо убитого Монброна) пробиться к укреплению между дер. Семеновскою и большою дорогою.

Генерал Барклай приказал 4-му пехотному корпусу генерала Остермана сменить почти уничтоженный 7-й корпус. Преображенский и Семеновский полки поставлены позади, а из резерва подвинуты 2-й и 3-й кавалерийские корпуса.

Коленкур прорвался за люнет, обойдя его с тылу, но здесь был убит, и войска его прогнаны полками 4-го корпуса гр. Остермана.

Пехотные дивизии вице-короля атаковали укрепление с фронта. Ослабленная дивизия Лихачева не могла долго сопротивляться. Лихачев тяжело раненый, взят в плен. Неприятель хотя и овладел люнетом, но русские войска заняли высоты позади укрепления, остановили дальнейшие его успехи.

Последнее усилие в этот знаменитый день сделано было Понятовским, овладевшим курганом и оттеснившим генерала Багговута к высоте при вершине ручья Семеновского.

Было три часа пополудни. Неприятель занял нашу главную батарею и флеши перед дер. Семеновской, но выгода его была еще незначительна.

Эти пункты были впереди главной позиции русских войск. Отступив на высоты позади Горицкого и Семеновского оврагов, они были не менее страшны. Чтобы решить победу, надо было вступить в новый бой на всей линии.

Но обе армии были равно изнурены и не могли возобновить прежних усилий.

Наполеон, устрашенный ужасными уронами в его войсках, приказал прекратить нападение. Один ужасный пушечный огонь продолжался до 6 час. пополудни.

В 9 час. вечера, еще раз французы вышли было из дер. Семеновской и заняли*, но были тотчас вытеснены гвардейским Финляндским полком и прогнаны обратно в деревню. С наступлением ночи французские войска возвратились в позицию, которую занимали в начале сражения.

Таким образом окончилась битва Бородинская, кровопролитнейшая из всех известных в летописях войск.

---

* *Так в тексте*

Потери французов в этот кровавый день простирались до 60 тыс. человек, в том числе 20 тыс. убитых и более 1 тыс. пленных.

С нашей стороны урон был не менее значителен. Убито до 15 тыс., ранено более 30 тыс., в плен попалось около 2 тыс. чел. В день сей Россия утратила кн. Багратиона, генерала гр. Кутайсова и Тучкова.

№ 9

Д.В. Душенкевич. "Из моих воспоминаний от 1812-го года до ⟨1815-го года⟩". 1838 г.

Дмитрий Васильевич Душенкевич родился в семье дворян Херсонской губернии в 1797 г. В январе 1808 г. родители отдали 11-летнего сына во 2-й Кадетский корпус в Петербурге; через три года Душенкевич был выпущен унтер-офицером и определен в Симбирский пехотный полк, входивший в состав формировавшейся 27-й пехотной дивизии. Вместе с полком 15-летний юноша участвовал в важнейших сражениях Отечественной войны – при Красном, Смоленске, Бородине, Малоярославце. В битве при Бородине был ранен штыком в ногу. С января 1813 г. Душенкевич назначается старшим дивизионным адъютантом при командире 27-й дивизии генерал-лейтенанте Д.П. Неверовском, а когда последний в сражении под Лейпцигом был ранен, находился при сменившем его генерале М.Ф. Ставицком. В августе 1814 г. Душенкевич получил чин капитана; за Отечественную войну имел награды – ордена Св. Анны 3-го класса и Св. Владимира 4-й степени с бантом. В ноябре 1814 г. Душенкевича переводят в Чугуевский уланский полк, в рядах которого он и закончил кампанию 1814 г.

После окончания Отечественной войны военная служба Душенкевича продолжалась в Молдавии и южных губерниях России, по некоторым сведениям – в корпусе жандармов. Еще в 1840 г. он намеревался выйти в отставку, а в 1854-м жил уже в отставке в своем имении в Херсонской губернии. [Сведения о биографии Д.В. Душенкевича почерпнуты из его формулярного списка за 1812–1814 гг. (РГВИА. Ф. 104. Оп. 208а. Св. 44. Д. 12. Л. 12 об.) и писем Душенкевича к Н.Н. Муравьеву-Карскому (ОПИ ГИМ.Ф. 254. Оп. 1. Д. 366, 367, 369)].

Воспоминания Душенкевича хранятся в РГАЛИ, куда в свое время поступили из Гослитмузея. Рукопись представляет собой 18 листов писарского текста с правкой автора. Бумага формата 23 × 37 см, с фабричным тиснением в левом верхнем углу букв "Ї. Т" в овальном венке из листьев. Рукопись сшита в тетрадь, первый лист образует обложку, на обороте его – оглавление. Воспоминания не подписаны; лишь под оглавлением сделана помета: "1838-го года. Кишинев. Д.Д." – тем же почерком, что и у авторской правки. Воспоминания состоят из "Предисловия", "Ведения", первой, второй и третьей "Тетрадей", соответственно относящихся к военным кампаниям 1812, 1813 и 1814–1815 гг. После "Третьей тетради" следует этюд "Взгляд на Кремль" и четыре "Анекдота", описывающих случаи из военной службы автора. Можно предположить, что Душенкевич намеревался продолжить свои воспоминания, так как в заголовке оставлено место для конечной даты: "Из моих воспоминаний от 1812-го года до...". Последовало ли продолжение, неизвестно; скорее всего, воспоминания остались незаконченными.

Осенью 1838 г. в газете "Русский инвалид" без указания имени автора в девяти номерах печатались отрывки воспоминаний Душенкевича. Они заинтересовали историка А.И. Михайловского-Данилевского. Редактор "Русского

инвалида" А.Ф. Воейков сообщил ему, что рукопись получена от одного полковника (в письме от 14 декабря 1838 г. Воейков уточнял: подполковника), не желающего открыть своего имени, который "кажется, служит в корпусе жандармов". Воейков назвал и имя автора: Душенкевич (РГВИА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; С.-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 295. Оп. 2. Д. 20. Л. 6).

В "Русском инвалиде" были напечатаны только сильно сокращенные "Предисловие", "Введение" и "Первая тетрадь". Хотя Воейков и уверял Михайловского-Данилевского, что рукопись содержит "лишь то, что Вы прочли в газете", это было не так, поскольку внешний вид сшитой полной рукописи воспоминаний, содержащей правку Воейкова, из которой было опубликовано только начало, исключает возможность того, что она передавалась в "Русский инвалид" частями.

Следует сказать особо о характере правки. Если авторская правка Душенкевича ограничивается вписыванием в оставленные переписчиком пробелы для французских фраз и исправлением грамматических ошибок, то правка Воейкова отстоит от авторского текста весьма далеко. В соответствии с патриархальными редакторскими нравами того времени Воейков вычеркивал и дописывал от себя целые абзацы, переставлял части текста и слова внутри фраз, давал к тексту свои примечания. Вот, например, какой вид приняла после правки редактора главка "Преследование французских войск":

У Душенкевича	У Воейкова
... главные силы французов, простояв 40 ясных дней в бездействии (много времени утрачено), решительно повернули вспять в самое прекрасное время, до морозов, вопреки несправедливым, приписывающим окончание сей достопамятной, на многие веки примерной войны какому-то неосновательному случаю и морозам; забывая священные слова, полгода прежде перед целым светом обнаружившие намерение незабвенного Александра!	... главные силы французов, простояв 40 дней в бездействии (много времени истрачено), решительно повернули по своим пятам, в самую прекрасную погоду, до морозов. Вопреки несправедливому, обидному для нас мнению, будто бы мы всеми успехами этого знаменитого похода обязаны холоду и морозу: назовем Бородино и Малоярославец – и клеветники замолчат. Кто участвовал в этих двух побоищах, кто находился на левом крыле Бородинском, тот с чувством народной гордости может говорить: русские храбры и французы достойные их соперники!

Вычеркнув окончание последнего абзаца "Первой тетради" Душенкевича, Воейков заменил его своим и сделал к собственным словам "Господь Бог за молитвы моих родителей сподобил меня быть в рядах защитников Отечества" примечание: "Еще прекрасное выражение. Только русский мог сказать это. В." – т.е. отметил как "прекрасное выражение" слова, придуманные им самим.

18 октября 1962 г. в газете "Известия" под заголовком "Честь защищать Отечество. Из воспоминаний Д. Душенкевича, адъютанта генерала Неверовского" появились отрывки из "Первой тетради", относящиеся к сражению под Смоленском. Они имели подзаголовок "Публикуется впервые", хотя были напечатаны еще в 1838 г. в "Русском инвалиде". Основой для известинской публикации послужила рукопись, хранившаяся в РГАЛИ, в которой, однако, была сохранена вся редакторская правка Воейкова. Таким образом, в настоящем издании текст "Первой тетради" воспоминаний Душенкевича в перво-

зданном виде, очищенный от редакторских искажений, печатается впервые. Вторая и третья "Тетради", "Взгляд на Кремль" и "Анекдоты" ранее не публиковались.

Нескольких слов в рукописи в местах, вычеркнутых Воейковым, восстановить не удалось или прочитаны они предположительно.

Воспоминания Душенкевича, написанные спустя четверть века после событий, о которых в них рассказано, остаются до сих пор единственным известным в исторической литературе последовательным изложением боевого пути 27-й дивизии на протяжении 1812–1814 гг. Младший офицер Душенкевич – 15–16-летний юноша, рядовой участник сражений, поэтому его взгляд на происходящие события локален, поле зрения несколько ограничено, он участвует в войне, по собственному выражению, "как капля в бурном океане". Свидетельства таких очевидцев не менее важны для историка, чем записки крупных военачальников, особенно если учесть, что Душенкевич лично принимал участие почти во всех ключевых сражениях Отечественной войны и заграничных походов.

Предисловие

Как бы ни был школьно образован юноша для военного поприща, он всегда является совершенным новичком в поле против неприятеля; но послушайте многих в беседе: они, схватив вершки, решительно риторствуют о тактике, стратегии, находя все прочее недостаточным их мнимо образованного внимания, порицая все почти распоряжения высших, в полной уверенности своих совершенств и правоте, – тогда, как сами пред подчиненными своими, явно и неохотно чувствуя крайнее недоверие, бывают младшими их товарищами, а не вожатыми при каждом боевом действии, не взирая преждевременным сведениям, на их месте пользы не приносящим, от чего множество вреда случается. Все в свое время и на своем месте только бывает хорошо. Каждый из нас, военных, должен прежде изучиться: быть предусмотрительным, осторожным, твердым, распорядительным днем и ночью, в разъезде, на пикете, пред взводом или эскадроном, ротою или баталионом примером благоразумного мужества; в случаях необыкновенных и превратных не теряться, но быть находчивым, знать свойства славного русского солдата, уметь пользоваться всем и везде к чести оружия и сбережению подчиненных. Это есть начало прочное, необходимое, приготовляющее службе много полезного, приобретаемое нарочитою опытностию и усердием только; кажется, потому, что не имеем, где и из чего прямо приблизительного, подробно познакомиться, ежели не со всеми, то с весьма многими непременно встречаемыми случаями быта военного, а из сего, смею предполагать, не бесполезно бы допустить журналы и анекдоты службы бывалых офицеров пробегать при самом вступлении молодому воину, который, шутя ознакомясь с неисчислимым множеством обстоятельств, удаленных из больших, высших военных творений, познав их занимательность, может сделаться от начала утешительною надеждою своих подчиненных и, конечно, воспользуется приятною выгодою их истинного уважения, доверенности и сожаления… часто влекущего за собою много зла.

Нельзя вдруг всем быть генералами и предводительствовать корпусами, – а кому судьба определила достичь оной степени, тот, имея

верные, прочные первоначальные познания, найдет довольно времени и способов на полное, опытами врезанное, к духу времени приспособленное, усовершенствование себя в тактике и стратегии, продолжая службу, которую все начинаем службою офицерскою, то есть со взвода, роты, эскадрона и далее – и чтобы быть хорошим генералом, необходимо прежде быть опытным, способным во всех частях, хорошим офицером, из которых: славные партизаны, отличные полковые командиры, прочие, достойные истинной хвалы и уважения полезные люди выходят; будущий отличный генерал весьма виден в настоящем хорошем офицере, и наоборот, кто не был отличен в звании офицерском, тот едва ли займет с пользою место генерала, – это аксиома опыта, постоянно и неизменно сбывающаяся.

Введение

Начнем от самого начала: я родился 1797-го г., до 1807-го меня растили и учили по обычаям края и тогдашнего времени, то есть когда сделался я в состоянии оказывать шалости и непослушание, меня стали посылать к нашему сельскому дьячку, где обучался церковному чтению и приноравливался подтягивать клиросному гласу. Потом к учителю деревенскому в дом соседа отдан; откуда в уездный город к учителю детей генеральского шефа и казначею Елисаветградского гусарского полка поручику Сугакову; потом в дом генерала Орлова в с. Матасове; с его детьми малое время учился, потом в пансион и Елисаветградское уездное училище, перевели*..., отсюда, благодаря учреждению Дворянского полка, дабы родители имели радость видеть скорее сына офицером, отец повез нас в Петербург и 1808-го г. старшего брата определил в тот полк, а меня в кадеты 2-го корпуса, где под благодетельным попечением начальствовавших я учился порядочно; в первый год шагнул через два класса, во второй год – один, в третий также, и стал в первом верхнем (офицерском); по фронту казался расторопным, за что нередко был удостоиваем одобрения и ласки блаженной памяти его высочества цесаревича Константина Павловича; ближайшим же начальством возведен 13-ти лет в унтер-офицеры гренадерской роты, а на 15-м, то есть 1811-го г., той же роты фельдфебелем. Где 600 чел. юношества дворян, там проказ**... в деле довольно наказываемых; сам [же я] никогда не допустил себя ни до какого наказания, не будучи чужд шалостям, свойственным лета́м. Время, проведенное в кадетском корпусе, и теперь для меня вспоминать утешительно; наконец, последними днями 1811-го г., с товарищами своими, выдержавшими артиллерийский экзамен, в Зимнем дворце получили от обожаемого императора-благотворителя Александра поздравление подпоручиками вместо конной артиллерии, куда я себя прочил, нас всех одели на казенный щет в армейские мундиры и поспешно отправили в Москву для формирования там 27-й пехотной дивизии.

---

* *Далее не разобрано, предположительно два зачеркнутых слова.*

** *Далее не разобрано одно зачеркнутое слово*

В чаду радости обыкновенной первого офицерского производства мы к новому 1812-му г. предстали в белокаменную матушку, не ведая, что с нею и нами будет в сем роковом, для всей Европы незабвенном периоде.

Первая тетрадь
1812-й г.

Формирование 27-й пехотной дивизии в Москве.

В январе стали прибывать определенные для формирования 27-й пехотной дивизии люди и начальники; сих последних с уважением всегда помню имена: начав, так сказать, чувствовать себя, а может статься хоть несколько быть полезным службе, следовательно и отечеству под их руководством, всю цену душевной признательности повергаю им. Да можно ли не приносить должной хвалы тем, кто в смутное время при надобности не более 4-х месяцев формировал дивизию, из 18-ти комплектных баталионов состоявшую, а по выступлении чрез 3 месяца, то есть 2-го августа, в первом сражении против многочисленного, непобедимым слывшего неприятеля, оказали примерный подвиг, свету известный*... луч славы сынам России.

Генерал-майор Неверовский был командующим дивизиею. Командующие бригадами: 1-ю – флигель-адъютант, полковник Ставицкий; 2-ю – состоявший по армии полковник Княжнин[1]; 3-ю – флигель-адъютант, полковник Воейков[2]. Полками: Одесским пехотным – полковник Потулов[3], Тарнопольским – полковник Титов[4]; Виленским – полковник Губерти[5] и Симбирским – полковник Лошкарев[6]. Егерскими: 49-м – полковник Кологривов[7] и 50-м – полковник Назимов[8].

Поход 27-й дивизии.

Дивизия наша в самой Москве неусыпно формировалась; день и ночь разочтены были на произведение правильных учений; плоды трудов усердных были невероятны, вследствие которых главнокомандующий Москвы, гр. Гудович[9], называл наши полки московскою гвардиею, и в начале мая выступила из Москвы дивизия, имея маршруты по полкам до границы польской. На самом походе не переставали начальники заботиться усовершенствованием образования своих частей, – каждый день во время перехода собирался баталион или полк и производил ученье. В таких занятиях прошли мы Смоленск, продолжая со всею беспечностью, при огромных обозах, двигаться к Минску, где, по прибытии Симбирского полка (в котором я служил) на дневку, неожиданная весть поразила всех, что неприятель в 15 верстах находится от нас. Полк наскоро собран из расположений квартирных к городу, ночь проведена под ружьем по местам, приличным военным обстоятельствам, а с рассветом нам велено итти к г. Несвижу, соединясь на пути с отрядом генерала Дорохова, в состав 2-й Западной армии к кн. Багратиону, предав обозы с излишней амуницией и запасами провианта огню, воде и алчности жидов, дабы ничего не досталось в руки французам. Все исполнено как нельзя лучше; мы, не видя в глаза неприятеля, очутились в лагере Дорохова, который,

---

* *Далее не разобрано, предположительно читается* приобретший свой.

имея у себя легкий отряд, весьма недоволен был тяжелому товариществу доброго своего приятеля Неверовского; вскоре потом, целым уже составом двух отрядов прибыли к Несвижу, где нашли 2-ю армию проходившею чрез оный; к Могилеву 27-я дивизия прибыла в конце сражения; нас не вводили в оное; ночью производилось общее, суматошное, быстрое движение к Старому Быхову, там поспешная переправа и потом славное соединение армии 2-й с 1-ю у г. Смоленска; о сем чудно выдержанном марше россиянин имеет право сказать с благородною гордостью: по дорогам неудобопроходимым, воды гнилых болот, вонючие, даже красные, должно было иногда употреблять, в короткое время всею армиею такое расстояние пройти под носом неприятеля беспрерывным движением, поочередно делая привалы, с последним привалом головная колонна бьет подъем и следует далее, дело необыкновенно спешное, совершенное без потерь, в удивительным порядке; пользе, оным доставленной, летопись отечественная даст настоящую цену и определение точное. В исходе июля армии от Смоленска двинулись к своим назначениям, а 27-я дивизия, оставя 1-ю бригаду в охранении Смоленска и для хлебопечения, составом 4-х своих полков по 2 баталиона, да остатками 42-го Егерского и Орловского пехотного полков, вместе составлявших два баталиона, ротою пешей артиллерии, четырьмя эскадронами Харьковского драгунского полка и четырьмя сотнями казаков, отправлена под начальством генерала Неверовского в г. Красный отрядом наблюдательным, где, простояв несколько дней, мне удалось в продолжение оных видеть первый раз в жизни пленных израненных неприятелей.

Сражение при г. Красном августа 2-го.

2-го августа утром какое-то тайное в старших волнение внушило и нам, маленьким офицерам, внутреннее беспокойство; велено пораньше людям обедать, отправлять обозы и вьюки в Смоленск; наконец, оставив свои шалаши и город за плотиною на высотах, где нам, неопытным, прочитан предвестник имеющего быть: приказ, наставительно-одобрительный, дышавший благородным, воинственным самонадеянием; устроен был отряд в баталионные колонны с дистанциями, имея артиллерию в приличных местах, как надобность указывала. Вслед за тем, по ту сторону г. Красного явилась движущаяся против нас линия, соединяющая окрестный Краснинский лес с далеко виющимся Днепром. Многие тысячи щегольской французской кавалерии от местечка Ляды приближались к Красному. Парижские гусары подошли к оставленным нами шалашам; 12-фунтовая грянула в них раз и другой; оба выстрела весьма удачно встретили гостей, которые тотчас отошли на дистанцию из-под оных; а конные егеря, спешась, славно кинулись в город на наш 49-й Егерский полк, там в засаде находившийся, и началась жаркая перестрелка в самом городе. В это время генерал Неверовский, видя несоразмерность превосходства сил приблизившегося неприятеля и зная невыгоды дороги, нам к отступлению предстоящей, велел 50-му Егерскому полку, соединясь с 2-мя орудиями Донской артиллерии, под его начальством бывших, форсированно итти занять назначенную им позицию в 16-ти верстах от Красного, где положил решительно остановить натиск неприятеля. Между тем, заметя, что

французы, усиливая нападение города, послали вниз по реке к Днепру искать бродов, и открыв оные верстах в 5-ти от Красного, предпринимали обходить нас, мы должны были перейти опасное для себя дефиле, 3 версты от города отстоящее; едва окончили сию переправу, куда и 49-й Егерский полк, много потерпевший, присоединился, и устроились на поле с днепровской стороны у большой дороги в общее каре, как неприятель уже готовил нам с двух сторон дивизионы для формальной атаки. Кто на своем веку попал для первого раза в жаркий, шумный и опасный бой, тот может представить чувства воина моих лет; мне все казалось каким-то непонятным явлением, чувствовал, что я жив, видел все вокруг меня происходящее, но не постигал, как, когда и чем вся ужасная, неизъяснимая эта кутерьма кончится? Мне и теперь живо представляется Неверовский, объезжающий вокруг каре с обнаженною шпагою и при самом приближении несущейся атакою кавалерии, повторяющего голосом уверенного в своих подчиненных начальника: «Ребята! Помните же, чему вас учили в Москве, поступайте так и никакая кавалерия не победит вас, не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля; третья шеренга – передавай ружья как следует, и никто не смей начинать без моей команды "тревога"». Все было выполнено, неприятель, с двух сторон летящий, в одно мгновение опрокинувший драгун, изрубивший половину артиллерии и ее прикрытие, с самонадеянием на пехоту торжественно стремившийся, подпущен на ближайший ружейный выстрел; каре, не внимая окружавшему его бурному смятению сбитых и быстро преследуемых, безмолвно, стройно стояло, как стена. Загремело повеление "Тревога!!!", барабаны подхватили оную, батальный прицельный огонь покатился быстрою дробью – и вмиг надменные враги с их лошадьми вокруг каре устлали землю, на рубеже стыка своего; один полковник, сопровожденный несколькими удальцами, в вихре боя преследуемых, домчались к углу каре и пали на штыках; линии же атакующие, получа неимоверно славный ружейный отпор, быстро повернули назад и ускакали в великом смятении с изрядною потерею. Ударен отбой пальбе, Неверовский, как герой, приветствовал подчиненных своих: "Видите, ребята, – говорил он в восторге, – как легко исполняющей свою обязанность стройной пехоте побеждать кавалерию; благодарю вас и поздравляю!". Единодушное, беспрерывное "Ура!" и "Ради стараться!" раздавались ему в ответ и взаимное поздравление.

Напрасно французская кавалерия предпринимала новые атаки, переменяя свои дивизионы; они уже шутя отражаемы были. "Первый шаг дорог" – и словно ознаменован! Так с двух пополудни до 7-ми час. вечера, иногда поражая нашими же картечами захваченной артиллерии, конвоировали нас массы удивленных французов. На сем походе нашего отступления копны с плетеным забором, встреченные нами, и плотина, коих обойти невозможно было, причинили неизбежную, но незначительную потерю в людях, которые без тех препятствий остались бы во фронте; но всякой при сем случае убитый, раненый или окруженный пленный верно пятью французами оплачивался. Вот первая встреча новоформированных воинов России числом 5 тыс. против 25-ти тыс. тщеславной кавалерии под предводительством громких маршалов Франции с определением роковым

самого Наполеона: "Уничтожить наш незначущий отряд", в котором и я имел честь остаться неуничтоженным, получа первый урок на смертоносном театре военной славы 1812-го г. августа 2-го. Мы дошли пред захождением солнца до позиции, занятой, как назначено было 50-му Егерскому полку; там остановлено преследование; отдохнув несколько, двинулись ночью и с рассветом подошли к Смоленску. Пусть рассуждают о сем враги наши*.

Сражение при г. Смоленске августа 4-го и 5-го.

День и ночь провели в поле, охраняя Смоленск и ожидая неприятеля, который слишком, однако, был осторожен, не налегал до 4-го августа, а сего числа происходила близь города местами порядочная перестрелка, в продолжении которой я видел славную черту смолян, углубившуюся в памяти моей: граждане обоих полов стремились за стены к полям боя; хватали на руки раненых, срывали с себя одежды, обвязывали их раны оными, орошая слезами усердного сожаления, и уносили в город с мест опасных; следующая ночь проведена покойно; на другой день, 5-го августа, закипела осада Смоленска.

Генерал Раевский, наш командир, под начальством коего мы в Смоленской битве находились, был весьма доволен нашими действиями и в рассыпном бою, выхваляя воинов сими словами: "Ай, новички, молодцы, чудо, как с французами ознакомились". Эту лестную похвалу мне удалось самому слышать: будучи в стрелках за немецкою киркою, был посылан на батарею, где находился генерал Раевский.

В 10 час. утра по Киевской дороге долго вздымалась густая пыль, – корпус маршала Даву, приближаясь, поворачивал направо, к лесу, дефилируя в глазах наших мимо выехавшего навстречу оному Наполеона; их **"Vive L'Empereur!"**** долетало до нас, и подтвреждение передовой французской цепи удостоверили о том. В час пополудни началось общее наступление. Сражение жаркое в день осады Смоленска многосложно и разнообразно; позволю себе припомнить только то виденное, в котором сам был участвующим. Нам приказано шаг за шагом с боем отступать к

---

* Я читал образчик Энциклопедического лексикона "Краснинское сражение", в коем только конец оного написан, не приносящий пехоте и начальнику ее той славы, которую они истинно заслужили. В сем деле я находился от начала до последней минуты и свидетельствуюсь: генерал-майором П.С. Лошкаревым, в С.-Петербурге ныне живущим в отставке, бывшим шефом Симбирского пехотного полка, и генерал-майором А.А. Унгебауром[10], бригадным командиром, еще продолжающим службу, тогда дивизионным адъютантом генерала Неверовского. Мы вышли на большую дорогу, деревьями усаженную, но уже после встречи препятствий (копен и плетня); тогда-то французы, пользуясь гладкою, как плацформа, дорогою, тотчас начали подчивать нашими же картечами, как бы в досаде подгоняя шибче отступать; но мы продолжали следование свое в строгом порядке и под сопровождением картечным. Французы же и тем ничего не выиграли, действия их в сем сражении неимоверно ничтожны, загадочны; они должны были не далее пятой версты от Красного положить всех нас непременно; получилось иначе, – они же получили урок, весьма не новый, оторопивший всех – от первого маршала до последнего солдата, то есть "качество войска преимущественнее количества", в который, по-видимому, французы веруют, ибо последнее на их стороне; и мы взаимно оправдали оный во всей силе. (*Прим авт.*)

** "Да здравствует Император!" (*фр*).

Малаховским воротам; когда же, по свершении отступления нашего, французы заняли форштат и поместились в домах, из которых стреляли по нас, стоящих на эспланаде, Неверовский приказал уничтожить там засевшего неприятеля и сжечь форштат; охотники, взяв палительные у артиллеристов свечи, подбежали к домам, зажгли оные и в ту же минуту атаковали каждый дом. Французы с поляками, там находившиеся, редко который спасся. Наши солдаты брали в плен некоторых французов, но все поляки были жертвами мщения и презрения. Сражение повсюду усиливалось более и более; за уничтожением форштата французы пытались открытою силою – дистанционными колоннами, беглым маршем стройно подведенными, атаковать наши ворота, но общий голос "Ребята, в штыки! Ура!" опрометью поворотил французских удальцов за сгоревший форштат, в овраги, там находившиеся, после чего они начали бомбардировать город, а нам велено взобраться на стены, оный окружающие.

Какому ужасному смятению внутри стен был я свидетель: жители, прежде надеявшиеся отражения неприятеля, оставались в городе, но сегодняшнею жестокою усиленною атакою убедились, что завтра город не будет наш. В слезах отчаяния кидались в храм Божией матери, там молятся на коленях, потом спешат домой, берут рыдающие семейства, оставляя жилища свои, и в расстройстве крайнем отправляются через мост. Сколько слез! Сколько стонов и нещастий, наконец, сколько жертв и крови!!

Мы с трудом взобрались на стены по обрушенным самим временем ходам, заняли все бойницы и какую величественно-грозную картину обозревали! Начинало вечереть; пыл сражения вокруг не укрощался; превращенный в пепел форштат, как пламенное озеро разделял нас от французских полчищ, густо обнявших и почти непрестанно порывающихся занять Смоленск; во многих местах пылал уже древний город, а догорающие башни стен его с треском и шумом сильным валились на нас, окружавших оные. Поистине виды жалостные со всех сторон поражали глаза и сердце россиян. Наконец, наступила ночь, бой общий прекратился, кроме стражи, в цепи местами делали порывы.

В час пополудни нам приказано с такою осторожностию оставить стены, чтобы неприятель того не заметил; и потом провели нас по опустошенному городу к мосту на Днепр, устланному соломою, с другими заготовлениями для сожжения оного. Пред рассветом мост запылал, французы [в] ту минуту бросились с музыкою атаковать, но, не нашед никого, кроме отступающих, в ариергард оставленных казаков, превратили атаку на парадное вступление в обгорелые стены полуразрушенного Смоленска; наши же войска пошли от него далее, с кручиною, даже приметным ропотом.

Сражение при с. Бородине августа 26-го.

Чрез две недели остановлены мы на поле Бородинском, и велено заняться построением некоторых укреплений. Здесь ожидали нас резервы на пополнение в полках потери людей, бывшими сражениями происшедшей, которых разместить не замедлили. В последних линиях, на высотах резерва, вдали видны нам были новые колонны Московского ополчения, к армии

прибывшие. До 26-го августа все было тихо и покойно; сего же утра объявлено, что главнокомандующий, кн. Голенищев-Кутузов будет объезжать войска, дабы со всеми ими познакомиться, – и часу в 8-м он уже явился у нашего бивачного лагеря. Фронт поставлен без всех церемоний, наскоро; к нам тихо подъехал в сюртуке и белой фуражке заслуженный, которого мы еще ни разу не видели, старец, со всею своею свитою; он поздоровался тоном отеческим и ласково сказал: "Ребята, сегодня придется вам защищать землю родную; надо служить верою и правдою до последней капли крови; каждый полк будет употреблен в дело; вас будут сменять, как часовых, чрез каждые два часа; я надеюсь на вас, Бог нам да поможет! Отслужить молебен". – "Ради стараться!" – закричали с упованием и глубоко тронутые, и единодушное "Ура!" сопровождало чтимого вождя далее.

Часов в 10 отдаленные выстрелы начали шибко приближаться и усиливаться; по линиям войск раздалась команда "к ружью", все стало во фронт, сомкнули колонны и повели. Нам в удел достался левый фланг позиции; лес заняли наши егеря, за оным строилась кавалерия, промежуток от леса до редута Шевардинского занимали нашей же дивизии пехотные полки; направо от редута, по отлогому пространству также строились войска в определенную линию, на средину которой по большой дороге отступал наш ариергард. Колоцкий монастырь запылал, французские колонны быстро из оного раздвигались вправо и влево, продолжая преследовать сильно наш ариергард; сражение там кипело при различных движениях несколько часов; наш фланг все то время оставлен в покое. Часу во втором, под прикрытием небольших возвышений, пред нашим флангом находившихся, французы, устроив сильные батареи со множеством густых колонн, выслали охотников вперед, и вдруг, выбежав из-за высот, рванулись на нас, предшествуемые адским огнем многочисленной своей артиллерии; от сего застонала родная земля под нами, ее верными защитниками. Чрезмерное превосходство сил неприятельских заставило двинуть встречу им гренадерские полки, за нами находившиеся, которые, покуда к нам подошли, уже мы были засыпаны с редутом нашими гранадами, ядрами, картечью и пулями. Гренадеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице готовность сразить и умереть. Едва поравнялись они с батареею, как у всех нас настал штыковой бой; то опрокидывали мы штыками, то артиллерия и кавалерия французские атаковали нас. Это не сражение, но сущее побоище тут происходило; гладкое до сего поле приняло вид нивы, вспаханной от перекрестного рикошетного огня; ядра, гранады и картечи роями влетали в колонны наши или пороли землю пред нами, вздымая оную, засыпая фронт. Как ни противустояли усердно-верные сыны России, но несообразное преимущество сил неприятельских поверхностию своею к вечеру захватило батарею нашу с орудиями; ужаснейшее сражение на сем небольшом пространстве продолжалось до глубокого вечера с равным упорством, потом утихло. Часу в 10-м ночи нам велено было освободить нашего фланга захваченную неприятелем батарею, охраняемую сильно; владеющие ею сделали нам встречу жесточайшую,

но мы штыками в несколько минут свое доказали – отняли редут обратно при значительной потере офицеров и нижних чинов с обоих сторон. В то же время догоравшие стога, зажженные вечером во время боя, правее нас, помогли нам заметить, что сильная неприятельская колонна шла косвенно направлению, вероятно с тем, чтобы, отрезав нас, атаковать в тыл или с другою какою целью. Неверовский, поворотив свои полки направо, приведя мгновенно их в порядок, приказал Симбирскому, открыв по́лки, порох с оных долой, итти без выстрела и шума опять в штыки на ту колонну. Полк наш, с мертвой тишиною приближаясь к оной, напав незапно и решительно во фланг, жестокое нанес поражение. Французы, оставя свое предприятие, в величайшем беспорядке бросились назад, мы смешались с ними, перекололи множество, преследовали, взяли одну фуру с медицинскими запасами, другую с белыми сухарями и две пушки, продолжая уничтожать далее. Усталый, от трех часов пополудни беспрерывно в бою жарком находящийся, наш полк кричал дать в помощь кавалерию; Орденский кирасирский полк уже мчался по следам нашим; мы продолжали свое дело, не внимая шуму и гулу колонны кирасирской, пока голос начальства не пронесся: "Ребята, место кавалерии, раздайсь, раздайсь!". Пропустив кавалерию, [мы] остановились, и на сем кончились действия наши 26-го августа. Бригадный наш командир полковник Княжнин; шеф полка Лошкарев и прочие все штаб-офицеры до одного в нашем (Симбирском) полку переранены жестоко, из обер-офицеров только 3 осталось невредимых, прочие кто убит, кто ранен; я также в сем последнем действии, благодаря Всевышнего! на земле родной удостоен пролить кровь. Нас всех повели, некоторых понесли в руки медикам, и ночью же отправлены транспорты раненых в Москву.

Картина ночи и путь до Москвы представляли однообразное общее уныние, подобное невольному ропоту, рождающемуся при виде длинных обозов и перевязок множества, не только раненых, даже до уничтожения переуродованных людей; нельзя не удивиться, в каком порядке раненые транспортируемы и удовлетворяемы были всем. На третий день нас доставили в опустевшую Москву, чрез всю столицу провезли и поместили во Вдовьем доме, где всего в изобилии, даже излишестве заготовлено, чего бы кто из раненых не пожелал. В довольстве и покое мы забыли о неприятеле. Уже 31-го августа видно нам стало пространное зарево над Воробьевыми горами, но оно нас не беспокоило. Уверенность, что французская армия под Москвой рассыплется, как волна при гранитном утесе, в общем духе господствовала и рассеивала опасения; болели только о том каждый из нас душевно, что не в состоянии при сем решительном, желаемом всеми бое оказать хотя бы последнюю услугу отечеству жертвою самой жизни, но такими мечтами нам недолго досталось утешаться.

Москва.
2-го сентября.

Едва утреннего солнца яркие лучи осветили 2-го сентября окна наши, директор, или наблюдавший за больницами гр. Толстой принес самую пасмурную весть. Короткими словами он предложил нам: на приготовленных во дворе подводах спасаться в г. Владимир. "А французы сегодня вступают в Москву", – прибавил он, залившись слезами, и вышел, рыдая горько. Всякой может

себе представить, что делалось в таком разе между тысячью ранеными штаб- и обер-офицерами. Этот час смятения, воплей общих и разительные преждевременные кончины беспомощных тяжелораненных налагает молчание!

Я с одним товарищем, почти выздоровевшим от раны, в Смоленском сражении полученной, рассудили лучше итти в полк и там долечиваться, нежели пуститься Бог весть куда по госпиталям. Сказано и сделано; я с костылем, а он, не имея в нем нужды, пошли вдоль Москвы, по направлению к Воробьевым горам, долго бродили по улицам, отдыхая поневоле, звуки музыки и барабанов указывали нам путь, где войска проходят; с помощию их, встретив какую-то артиллерийскую роту, вышли при ней за Москву в немой скорби от неразумения происходящего.

За заставой, в небольшом отдалении стояла кавалерия наша левее дороги, как бы блокируя Москву; по дороге и по полям правее оной, во множестве колон отступала армия с многочисленными военными и гражданскими обозами, под прикрытием той, спешенной, но готовой к бою кавалерии; в колоннах войск общая скорбь и тихий унылый говор отзывался. На дороге же между артиллериею, экипажами и обозами крик, слезы, волнения необъяснимые раздавались, поспешая удаляться от Москвы. Я с товарищем моим шли по-над рвами дороги; приближаясь к кавалерии, заметил, что к дороге примыкал Елисаветградский гусарский полк, в котором старший брат мой служил тогда поручиком; о чем объяснясь товарищу своему, мы подавались к офицеру, стоящему на самой тропинке пути нашего. Подойдя ближе, всматриваюсь, и с дружескою радостью кидаюсь в объятия брата, который меня при общем волнении и неожиданности странного случая и виде, в котором встретил, не узнавал, – я был с костылем, окутанною ногою и карманным платком прикрытой головой, потеряв свой убор в бородинском ночном смятении; свидевшись истинно по-братски, он видел во мне дитя, раненое, пешее, без всяких способов; первый вопрос был: "Где ранен?", а с ним вместе предложение взять его запасную верховую лошадь и остаться у него в эскадроне; не успел еще обдумать, на что решиться, хотя видел великое преимущество сесть на коня с больною ногою и быть во всем обеспеченным, как прокричали кавалерии команду "Садись!" Генерал Всеволжский[11], шеф того же полка, скакавший из передовой цепи, приказал готовиться к встрече неприятеля и велел немедленно все стоги, на сем поле находившиеся, зажечь; в ту же минуту кой-где французы стали показываться из Москвы, и начиналась местами перестрелка фланкерская. Не имея времени медлить в решимости, опасаясь удалиться с гусарами от своего корпуса, я отказался от всего предложенного мне братом, дабы скорей явиться в полк, и, приняв от него только фуражку на голову, обмениваясь братскими прощальными чувствами, он поскакал к своему фронту, а я продолжал мой шаткий марш. Уже вечерело, мы с товарищем прошли еще не более 2-х или 3-х верст, как гул и треск, подобный чему-то необыкновенно ужасному, поразил всех; оборотясь на звук, увидели поднявшийся над Москвою взрыв: лопающиеся во множестве бомбы, гранады и сильное пламя освещали средину столицы, оставляемую се верными сынами. Войска все продолжали удаляться;

наступила ночь, мало-помалу утихал прежний неимоверный шум. Поутру все приняло другой вид и порядок. Нам пощастливилось отыскать обоз нашего корпуса, а потом своего полка, при котором мы были призрены. Лекарь пользовал меня три недели; между тем перестали войска и обозы двигаться с места на место, все заняло постоянные места.

Лагерь на Татуринской позиции 1-го октября.

Получа облегчение и не будучи привычен к обозам, я 1-го октября поспешил явиться без правого сапога, который еще не мог надевать, к полку налицо, в прекрасный Тарутинский лагерь, где разгульный дух войск, изобилие во всем при удивительном порядке доныне меня восхищает. Наша дивизия была расположена по левой стороне дороги, идущей из главной квартиры, с. Леташевки в Москву; образ Смоленской Богоматери на правой, неподалеку от нас; сюда почти каждый вечер главнокомандующий с генералитетом приезжали на вечернюю молитву, при заре, а в войсках ежедневно с 4-х час пополудни до зари гремела музыка и раздавались хоры песельников. От прибывающих ратников и других резервов стан наш, имеющий знатную укрепленную позицию, ежедневно увеличивался; со всех сторон стекались к Леташевке защитники отечества и привозили, усердные, воинам всего обильно. Мы блаженствовали! Куда девалась печаль, откуда дух беспечности и самонадеяния излился чудно на всех нас, тосковавших по Москве, а с нею, казалось, и отечестве?

Сражение при с. Тарутине, 6-го октября.

Так проводили, при упражнениях воинских, образовании, дни житья Тарутинского, не только без забот, но и в веселии всегдашнем до 5-го октября; сего же вечера велено оставить на местах дежурных, всех музыкантов и половинное число барабанщиков для поддержания во всю ночь лагерного огня; прочему при битии зари выступать налегке в поход; нас подвели с строжайшею тишиною ночью к самой передовой казачьей цепи, против неприятельской стоящей, оставив далеко сзади артиллерию и кавалерию. Составя ружья в козлы и улегшись в круги, один к другому как можно ближе, без шинелей, в одних мундирах, мы провели октябрьскую ночь, которой, едва густая темнота начала изменяться, кавалерия и артиллерия наши придвинуты к нам и общую атаку на неприятельский 35-тысячный авангард начали совершать.

Грянула пушка на правом фланге, наша дивизия находилась на левом; нас разделял с неприятелем глубокий овраг, в коем был лагерь поляков, строившихся за сим оврагом в торопливости от незапного нападения; мы приближались, дали залп картечный, бросились на неприятельские колонны в штыки, они, не выждав, побежали к лесу при величайшем смятении, и начало дня осветило нам состояние врагов: пехота рассыпанно бежала по всем направлениям, кавалеристы, кто без седел, кто на седлах без мундштуков, странными аллюрами неслись более по произволу своих тощих лошадей; всех их поражали или из одной жалости брали в плен; биваки неприятельские были наполнены перинами, подушками, шубами, салопами, ризами, самоварами, оружием разнородным, жерновами, вазами

и другими посудами. Проходя сей табор, из сгоревшей деревни выбежавший встречу нам русский старик упал на колени пред нашею колонною и, воздевая руки к небу, с слезами душевной радости благодарил Всевышнего, пославшего нам помощь в поражении злодеев. Он указывал на деревню, сожженную ими с госпиталем своим, и обгорелые кости, во множестве валявшиеся повсюду, подтверждали истину слов его. На вопрос наш: "Ты как и зачем здесь один очутился?" – "Батюшки мои! – отвечал крестьянин, все стоя на коленях от радости, – мир села нашего оставил меня караулить село, вот и докараулил, – как видите, родимые, все сожгли бусурмане, пропади они до единого". Мы одобрили старичка подарком ему, взамен его деревни, которую он караулил, весь табор врагов и все в нем находящееся, из которого, не упуская времени, он начал усердно таскать, что в глаза попадалось. Колонна продолжала преследовать бегущих, но вскоре нам возвратиться велено.

Странное творение человек! В пылу боя сто себе подобных убить рука его без содрогания готовая, а по миновании энтузиасма мстительного самосохранения, одного сотни не соглашаются лишить жизни мучительной; вот случай: из числа многих убитых и раненых один поляк, у которого правой бок был вырван, вероятно ядром или картечью, половина внутренностей вышла наружу, он имел вид уже кончающегося, но еще оставались силы узнать нас и просить убедительнейшим, едва внятным гробовым голосом, для прекращения жестоких мучений, добить его! Все наши, тут мимо проходящие, предлагали с участием друг другу удовлетворить справедливое требование умирающего врага-человека; но никто не исполнил сего (из мнимого сожаления или греха?), отзываясь так: "Бог с ним!"

По окончании сего дела мне удалось слышать ответы пленных французских кавалеристов на вопросы главнокомандующего, у колонны нашей между прочими сделанные: **"Et votre nourriture?" – "Par Eleu! Volià notre nourriture!"***, – отвечали закопченные и неопрятные, ударяя ладонью о безобразные шеи своих тощих лошадей, не скрывая радости, что их судьба привела быть пленниками нашими.

Славная, грозная французская армия до чего была доведена среди богатств древней столицы русской! Где допущено хищничество и не соблюдают строго необходимого порядка, связующего всех силою дивной цепи чинопочитания, то войско, сколь бы многочисленно ни было, верно и спорно погибнет. Чудное предвидение начертавших вдохновенный план войны 1812-го года свершилось в полной мере.

Возвращаясь в славный лагерь наш, у дороги находилась избушка, оставшаяся от бывшего постоялого двора; пред нею, по обе стороны крылечка стояла линия неприятельских знамен и орудий. Главнокомандующий, стоя на крылечке, окруженный генералами, благодарил колонны сими словами: "Вот ваша услуга – (указывал на трофей) – оказанная сего дня Государю и отечеству! Благодарю вас именем Царя и отечества!" Беспрерывное, громогласное "Ура!", перемешанное с веселыми песнями и подсвистами, долетало эхом радости к отдаленному еще лагерю нашему и

---

* "Что вы едите?" – "Черт возьми! Вот что мы едим!" (*фр.*).

в оной даже внесено. Ночь напролет от радостного шума, казалось, хохотал весь лагерь, покой не шел на мысль, как бы праздновалось воскресение умолкнувшей на время славы Русской, и войско, в полной доверенности к опытному, превознесенному вождю своему, готово было сейчас опять сражаться. Мы до 11-го числа оставались по-прежнему на местах Тарутинского лагеря в обычном порядке.

Сражение при г. Малоярославце октября 12-го.

Вечером 11-го приказано выступать, и как сильно были мы удивлены, когда нас повели не по-прежнему вперед к французам, но назад; от недоумения почти негодование носилось по рядам нашим и в нескладных раздумьях промаршировали всю длинную, темную, сырую и холодную ночь. На рассвете стал слышаться невнятый гул; иные догадывались, – и, наконец, когда гром орудий яснее отзываться начал, открылось, что мы приближаемся к месту сражения; с восходом солнца виден был Малоярославец.

Близь дороги, у огонька, при одном казаке и кирасире, возившем простую скамеечку, сидел наш славный старец-вождь, колонны своротили от дороги направо, велено составить ружья и лечь отдохнуть; утро было майское, сражение продолжалось в виду нашем. Ударен подъем после доброго отдыха, дорога покрылась сверкающим блеском оружия, ярко отражающимся в глаза французам, стоявшим на высоте той стороны реки в густых, многочисленных колоннах. Многие наши полки пошли левее, под лесом, а нам велено вступить в дело: "Левое плечо вперед!" – и мы очутились под пулями у самых стен Малоярославца.

Жаркое, однообразное сражение сие, производившееся более в самом городе, много раз переходившем из рук в руки, продолжалось до позднего вечера. Мы ночевали под выстрелами неприятельской цепи, так что в колоннах лежащих людей несколько было ранено. Ночью какой-то вестник-утешитель рассевал в рядах наших радость, что неприятель, по замечаниям, со всех пунктов ретируется; утром, однако, нас отвели несколько верст на избранную позицию, куда неприятель не смел приблизиться.

Преследование французских войск.

В следующий день, то есть 14-го октября, мы пошли чрез полотняный завод на Медынь к г. Вязьме; следовательно, главные силы французов, простояв 40 ясных дней в бездействии (много времени утрачено), решительно повернули вспять в самое прекрасное время, до морозов, вопреки несправедливым, приписывающим окончание сей достопамятной, на многие веки примерной войны какому-то неосновательному случаю и морозам; забывая священные слова, полгода прежде пред целым светом обнаружившие намерение незабвенного Александра, Императора, взвесившего силу Царства своего, преданность народную и потому в твердом уповании определившего: "Не вложить меча в влагалище, пока не сотрет врагов с лица земли русской до единого". В сих верных словах все сбывшееся и высокая решимость видны были свету заблаговременно.

Мы продолжали отрезывать неприятеля и очутились опять у г. Красного, обошед оный, где нам уже не досталось сражаться, а только

быть обходом, угрожающим резервом; от Вязьмы начал понемногу прорываться снег при тумане, иногда с небольшим морозом, а потом у Красного, 8-го ноября, зима стала устанавливаться. Невзирая изменениям погоды, мы совершали свои ежедневные марши преследования в совершенном порядке, а неприятель, уже [в] расстроенном, оставленным почти в безначальи, день от дня более уничтожался. Показались сперва единицами, потом десятками, потом толпами, наконец, непрерывающимся стадом брели, всячиною с ног до головы окутанные, даже одною соломою, отсталые больные и мародеры французских войск, куда им угодно было; никто на них не обращал другого внимания, кроме смеха, и не заботились брать их пленниками. От с. Копыс, приближаясь к г. Вильно, уже целыми кучами французские герои, нагие и в маскерадных своих костюмах валялись мерзлые или от голода умирающие по дорогам и ночлегам; самая же Вильна едва не подверглась заразе от трупов людей и лошадей, в городе и окрестностях оного рассеянных, которых не успевали убирать. Ужаснейшие, несвойственные людям встречи удавалось видеть во время сего гибельного заключения российской войны, о коих только допускаю себе помнить, никак не передавая бумаге и самым хищным зверям противных дел.

Итак, сбылись великие слова: "На начинающего Бог!"[12] Французы начали войну неправды, и не осталось врага ни единого на земле русской – погибель прошла по рядам их! Благодарение вечное Всемогущему Богу, умудрившему Россию на защиту и вечная слава неотъемлемо русскому Царю Благословенному и отечеству! – без уделения оных суровости стихийной. Где же высокие достоинства гения, не предусмотревшего обстоятельств и твердость мужества войск, поддавшимся оным легко: когда обыкновенная случайность времени года могла задуть метелями своими и мечтательные замыслы первого, столь ошибочно Москву вожделенным пределом положившего и многочисленные полки народов, называвшихся непобедимыми им предводимые?... Да устыдятся все, не признающие чистой истины – полного величия народа русского, непобедимого дотоле, пока оный остается в постоянной, неподражаемой покорности православной вере своей, преданности всегдашней законным Государям своим и прямой любви к отечеству.

Прибытие государя императора в г. Вильно.

В г. Вильну изволил прибыть Император Александр; щедрые милости подданным, врагам простил и удивительным высоким участием своим к страждущим облегчил судьбу их весьма много.

Гвардия в исходе декабря выступила из Вильно за границу, нас же, почти уничтоженных, оставили для содержания караулов и собраться к весне на подвиги новые. Недолго пробыв здесь, переведены для лучшего расквартирования в местечко Ольконики, куда прибывали наши выздоравливающие и другие вновь назначенные люди для укомплектования и, можно сказать, формирования дивизии опять.

Не перестану до конца дней моих ставить себя щастием величайшим, что судьба удостоила меня быть в рядах защитников отечества; сей чести ничем заменить не допускаю; всякий раз, когда вспоминаю о том, незапно

радостная гордость, подобная чудному восторгу, озаряет дух и сердце, не забывающие тех славных событий, в коих и я, право имею сказать, участвовал, – как капля в бурном океане.

Вторая тетрадь
1813-й г.

Апреля 6-го из местечка Олькеник выступила дивизия за границу для присоединения к действующей армии. Во время сего похода заключено между воюющими перемирие и потому нас остановили 2-го июня в г. Эльс, близь неутрального по договору г. Бреславу.

Свидание императора Александра с крон-принцем Барнадотом[13].

Мы скоро познакомились с прекрасною Шлезиею и обычаями славных ее жителей. Находясь при генерале Неверовском в должности адъютанта, я был помещен в бесподобном, среди роскошного сада, замке принца Брауншвейг-Эльского; стоянку нашу здесь можно назвать чистою радостью, во время которой Император наш для свидания с крон-принцем шведским (Барнадотом) в местечке Трахенберге изволил проезжать чрез Эльс, и для того случая велено от нашей дивизии послать туда 1000 чел. для содержания караулов; Император лично на пути своем приказать изволил генералу Неверовскому следовать за Его Величеством в Трахенберг, где при представлении крон-принцу, указывая на Неверовского, рекомендовать угодно было так: "Вот генерал, сражавшийся при г. Красном".

Вступление в г. Бреслау корпуса генерала Сакена[14] августа 1-го.

Возвратясь из Трахенберга, нас в июле двинули в местечко Требниц, потом заняли лагерь близь самого Бреслау, а 1-го августа, по окончании перемирия, вступили в оный, будучи встречены пруссаками с необыкновенным восторгом и почестями; корпус, пройдя город парадом, остановлен за оным лагерем, а для генералитета и штаб-офицеров в самом городе жители дали славный обед.

Неприятель занимал г. Лигниц. 4-го августа производил генерал Сакен, наш корпусной командир, вокруг оного сильную рекогносцировку; 5-го заняли красивый и опрятный Лигниц.

Сражение при дер. Кейзер-Свальд 7-го августа.

7-го на пути следования нашего далее, у дер. Кейзер-Свальд нашли неприятеля, готового принять сражение. Корпусной командир приказал генералу Неверовскому атаковать 27-ю дивизиею лес правого неприятельского фланга и опрокинуть. Неприятель в короткое время был сбит и преследуем до поздней поры; при сей атаке полковник Воейков, командир егерской бригады, получил легкую рану пулею.

Сражение и отступление при г. Бунслау 9-го августа.

8-го заняли г. Бунслау, а за рекою оставался лагерем неприятель, который, получив сильный сикурс, 9-го утром, перейдя к нам по наведенным в ночь мостам, начал быстро нападать часов в 10; невыгодное наших войск расположение и превосходство* сил французских вынудили корпус наш отступить по направлению к Швейдницу, оставив дорогу Бреславскую совершенно открытою. В сем сражении присутствие

духа и опытного корпусного командира только могли спасти нас от разбития совершенного; кавалерия оторвана от пехоты, половина пехоты и артиллерии расстроены в бездействии плотиною, чрез которую поспешно отступали; одна 10-я дивизия во всем своем составе, то есть левый наш фланг, под личным предводительством корпусного командира удерживала весь натиск в 5 раз сильнейшего неприятеля, стремившегося всеми силами на пункт, избранный корпусу к отступлению, и прикрывала тем самым наше быстрое косвенное отступление, кончившееся как нельзя лучше. Французы распубликовали корпус Сакена в сей день уничтоженным без остатка и самого корпусного командира огласили погибшим; но мы в глазах их совершили отступление без большой потери и в возможном для храброго войска порядка; чрез два дня кавалерия наша к нам прибыла, корпус Сакена соединился с прусскими войсками близь местечка Яуэра.

По соединении и диспозиции главнокомандующего Шлезской армии генерала Блюхера[15] мы опять двинуты к Лигницу; 13-го числа остановились верстах в 10-ти от оного; вечером отдан секретный приказ, чтобы в час пополуночи, без ранцев, налегке следовать к Лигницу, где находился 10-тысячный неприятельский отряд, атаковать оный. Начавший с полудня дождь усиливался; войска разбужены, построены, как незапно по донесениям аванпостным, что сильный неприятель слева идет нас атаковать, приказ переменен, велено оставаться на месте.

Сражение при дер. Эйхгольц, то есть на р. Коцбах, 14-го августа.

Поутру, часу в 10-м корпус наш пошел почти в противную сторону Лигница; вскоре услышан был отдаленный гром пушек, ливный дождь продолжался, грязь была невылазная, мы, прибыв на определенное место, выстроились *у дер. Эйхгольц, имея всю кавалерию нашу на правом фланге по другую сторону сей деревни; авангард приближался к нам, французы по следам за ним. Артиллерия нашего корпуса, соединенная на левом фланге, куда неприятель был устремлен, остановила натиск, и канонада жестоко усиливалась, вовсе без ружейной и фланкерской пальбы, по невозможности от дождя; скоро потом пруссаки в поту, а лошади их кавалерии в мыле, под предводительством отличного своего генерала Йорка[16] стали показываться и присоединяться к нам слева; тогда главнокомандующий приказал генералу Сакену атаковать неприятельские линии, заключавшие 60 тыс. войск; скоро отданы приказания, и кавалерия понеслась в атаку на фланг, а пехота пустилась в штыки; неприятель, вкусив ужас быстрой решимости русских, бросил орудия заряженные, не успев даже выпустить в дуле находящихся картеч, и мгновенно обширное поле покрылось в невиданном беспорядке бегущими французами; всех раненых и пленных во множестве оставляя за собою, мы только знали свое "Ура!" и "Вперед, ребята!", не чувствуя усталости от восторга такой славной нежданной победы. Догнав очень скоро неприятеля до реки, зрелище пременилось: неприятельские войска толпились к своей погибели на мосты, поднятые сильно прибывающею быстрою водою; некоторые мосты не выдержали, тонули пушки, пехота и даже кавалерия в панической торопливости. Нам было приказано, очистя берег, остановиться, заняв оный, как следует, стражею. 18 тыс. пленных и 60 орудий, кроме потонувших, были плодами сего славного сражения,

начатого у дер. Эйхгольц, конченного на р. Касбах. Вполне радуясь шумно такому сражению, уже ставила пехота ружья и спешивалась кавалерия, чтобы приниматься за вечерние сухари, как весьма некстати вдоль противулежащего берега следующие из г. Лигница 10 тыс. свежего войска, с музыкою вздумали атаковать наш правый фланг, то есть 27-ю дивизию, занявшую берег по назначению. Генерал Сакен уже удалялся от реки в деревню для согретия и отдыха; генерал Неверовский послал меня доложить о сем явлении и просить повеления; корпусной командир, обмокший от макушки до подошвы, закутанный в башлыке, приказать изволил так: "Скажи, чтоб послали парламентера им сдаться, а нет – в картечи". Я ускакал, передал решительное повеление генералу Неверовскому, отправившему меня с сим же к генералу Ставицкому, с бригадою своею в жарком ружейном огне на самом берегу находящемуся. Генерал Ставицкий при мне исполнил определение корпусного командира, но французы парламентеру нашему отвечали ругательствами и усиленным огнем; тогда, будучи отпущен бригадным генералом, я донес о происходившем. Дивизионный начальник [в] ту же минуту, соединя 24 орудия на прилегавшей высоте в перекрестном направлении, велел батареями дать залпы дальней картечи и гранад. Верные выстрелы нашей артиллерии подняли на воздух несколько неприятельских зарядных ящиков, помутили колонны французские. Артиллерия с музыкою тотчас умолкли и свежий сикурс по следам разбитых корпусов побежал, пользуясь началом сумрака.

Когда все утихло, наш генерал и при нем мы, штабные, отправились с донесением корпусному командиру, где в аккуратных, изобильных немецких стодолах, ибо избы опустошены и многие зажжены были, остались отдыхать на роскошной соломе, высушивая всю ночь в пылающем пламени от сапога, по порядку, до последней нитки, каждый свою одежду. Из сего-то ночлега приказ по корпусу нашему был отдан корпусным командиром следующий: "Товарищи! Сей день победы вашей займет славное место в летописи российской; ура! Варите каши и будьте готовы к походу".

Следствием оных действий было совершенное очищение Шлезии от неприятеля; мы вступили в прелестнейшую Саксонию.

Переправа чрез р. Эльбу.

После различных беспрерывных движений, обыкновенных и ночных экспедиций на неприятеля, 31-го августа мы вступили в г. Бауцен, сентября 3-го заняли монастырь Мариенштерн, 15-го местечко Гроссен-Гейм близь г. Мейсен, а потом местечко Эльстр, откуда, совершив переплаву через Эльбу, стоившую недешево пруссакам, очищавшим оную, 22-го сентября стал корпус Сакена у дер. Мохрян, вблизи большой дороги. Наполеон, находясь тогда еще в Дрездене, предпринял отступление к Лейбцигу; 27-го числа, вдруг быстро сбив наш авангард, угрожал нам гвардиею своею, идущею по большой дороге с беспрерывным громогласным криком: "**Vive L'Empereur!***" – всегдашним вестником личного присутствия Наполеона. Вечером мы должны были по всем обстоятельствам отступать на г. Дюбен, который нашли уже занятым неприятелем, а потому поворотили на местечко

---

* "Да здравствует Император!" (*фр.*)

Рагун и, будучи весьма близки к неизбежному уничтожению, при строжайшей осторожности всю ночь поспешно корпус шел, прикрываемый слева и с тыла; обозы все было попались в руки неприятеля, но славный партизан Фигнер[17] успел спасти их от, видимо, близкой гибели, обратив, однако, [ее] на себя, – не успел уклониться мести многочисленных врагов и соделался жертвою р. Эльбы. Отряд его частию рассеялся, частию же погиб. Корпус наш продолжал форсированно отступать, уничтожал за собою всякую переправу для затруднений насевшему на нас неприятелю; пройдя г. Дессау, мы несколько были облегчены, избавясь [от] много нас превосходящих сил раздраженных врагов и 2-го октября отдыхали в с. Бенштет близь прекрасного г. Гале, который 3-го числа ночью перешли.

Приближение к г. Лейбцигу.

4-го на пути приближения нашего к Лейбцигу дрались пруссаки славно; мы подоспели к ним вечером и ночевали вместе на поле сражения, усеянном мертвыми и израненными французами; во всю ночь неумолкаемые стесненные стоны ветеранов, здесь пораженных, оставленных без помощи, много каждому из нас предсказывали в дне следующем.

Сражение при г. Лейбциге октября 5-го.

5-го мы подошли на вид к Лейбцигу, обложили цепью окопы, пред воротами Св. Якова устроенные, неприятелем занятые, а кавалерия нашего корпуса редкий подвиг оказала, в пример неподражаемый, под предводительством славного, любимого всеми в корпусе генерала Васильчикова[18], загнав пред глазами 3-х корпусов, как бы для потешного зрелища, с пространной равнины французские пехотную и кирасирскую колонны, которые, толпясь наперерыв в те ворота, были поводом к передаче, как единственному спасению, тут находившейся саксонской кавалерии, которую целым ее составом повели за наши биваки, и немцы от поля сражения до самого не́льзя, то есть чрез всю позицию, кричали во всю силу: "Да здравствует Александр". Сим увенчались действия корпуса нашего 5-го октября; в различных же местах пред нами за Лейбцигом глухо слышимы были отдаленные канонады во весь день.

6-го октября. Там же.

6-го рано громы пушек гораздо внятнее стали, и клубы пороховые от пальбы и многочисленной артиллерии в виде густых седых облаков подымались по всему горизонту, как бы нарочно над Лейбцигом составляли в вышине чудный, неизмеримый, величественный круг. Генерал Сакен приказал Неверовскому взять те, находившиеся пред нами окопы и атаковать форштат, между сказанными воротами и р. Эльстр простирающийся. Генерал без выстрела егерями занял окопы, продолжая пехотными полками стремиться по назначенному форштату, который мигом был занят нами; чрез короткое время противники, получа сильный сикурс, напали усиленными атаками с фронта и из ворот Яковских в левый наш фланг; мы шагу не уступили и наводняли своими стрелками сады; они подвезли сюда артиллерию, поражали картечью стрелков наших, зажгли брантскугелями многие дома, даже собственный госпиталь раненых, в руках наших уже находившийся, у которого мы стояли с генералом, я с левой стороны от выстрелов, генерал возле меня, правее, лицом к нашим колоннам.

Треск жаркой ружейной пальбы, разноязычные крики сражающихся, пушечные выстрелы в самом близи, сильнейшая суматоха под густым дымом домов и моста, тут зажженных, защищаемого нашими штыками с бригадою 17-й дивизии, командуемою истинно храбрым и достойным полковником Рахмановым[19] – все вместе представляло редкий военный образщик; в эти жаркие минуты вдруг генерал Неверовский вскрикнул; я спросил: "Что такое?" Генерал отвечал: "Ранен! ранен!", – и указал мне возле моего правого стремени его левую ногу, между мизинцем и косточкою точащую стремительно тонкою струею кровь. Испросив его дозволения, я опрометью кинулся между сражавшихся колонн, отыскал генерала Ставицкого, как старшего по дивизионам, объявил ему, осторожно от солдат, что мы лишаемся редкого нашего начальника. Генерал Ставицкий желал видеть дивизионного командира, но пока я отыскал его превосходительство в дыму, среди горячей битвы и пока очистили себе обратно дорогу сквозь густоты колонн до места, где Неверовский ранен, уже конвойные казаки, схватив его под руки, скакали по полю из-под выстрелов ружейных для перевязки, ибо от сильной боли генерал не мог сидеть на лошади.

Генерал Ставицкий приказал мне оставаться при нем. Наши продолжали сражаться на своих местах, отражая все жестокие средства, неприятелем употребляемые, но были в необходимости уступить, единственно для приведения в лучший порядок свои баталионы на открытой поляне, ибо форштаты весьма удобны расставить войска; не более 10-ти минут употреблено было на возобновление должного порядка; опять в штыки, "Ура!" – и форштат был наш; однако до вечера раза три сие случалось. Генерал Ставицкий посылал меня к корпусному командиру просить сикурса; ответ был: "Скажи своему генералу, я не могу сегодня расстроить весь мой корпус, это для 27-й дивизии, пусть держится". Между тем в глазах наших, то есть посреди нас, полковник Рахманов поражен наповал пулею в грудь.

Сумрак, соединясь с усталостью войск обоих сторон, прекратил сие кровопролитнейшее, без умолку кипевшее, час от часу со всех концов к центру сближающее, сражение. Здесь прилагаю рапорт вечерний о 27-й дивизии, мною в корпусное дежурство 6-го числа представленный:

Потеря в сражении при г. Лейбциге от 27-й дивизии 6-го октября

Вступило в дело					Убито				
штаб. 10	обер. 94	унтер. 213	муз. 105	ряд. 2754	штаб. –	обер. 6	унтер. 12	муз. 5	ряд. 135
Ранено					Без вести пропало				
штаб. 5	обер. 32	унтер. 79	муз. 18	ряд. 1008	штаб. –	обер. 2	унтер. 8	муз. –	ряд. 194

И дивизионный генерал Неверовский ранен пулею в левую ногу.

Ночью уже заметно было неприятельское движение на Мерзебург. 7-го рано начали союзные армии занимать Лейбциг, сражаясь, но уже не по-вчерашнему; неприятель окончательно отступил; захватывали пленных и преследовали бегущих, которых прикрывал граф Панятовский, тут же, в Эльстре, переплывая оную верхом, от наших пуль погибший. Как дорога ретирады неприятельской была у нашего правого фланга, то нам, ближайшим к ней, велено наскоро переправиться чрез реку и составить авангард армии преследовать неприятеля; в это самое время Император наш, проехав весь Лейбциг, еще не совершенно безопасно очищенный от врагов, предстать изволил у нашего корпуса, засыпаемого пулями. Генерал Сакен принес поздравление Государю с победою, Император благодарил и поздравлял взаимно его; потом спросил: "Которая это дивизия?" (переправляется на связанных досках и прочее). "27-я", – отвечал корпусной командир. "Где Неверовский?" – спросить изволил Государь. "Ранен, вчера повезли в Гале", – сказал Сакен. "Весьма жалею, весьма жалею о сем достойном генерале, – с совершенным участием возразил Император. – Очень жаль!" Потом расспрос о ране его и, подтвердив свою волю составить из нас авангард, поскакал обратно.

Отсюда в тот же день генерал Сакен, приказав снабдить маршрутом, куда идет его корпус, послал меня в г. Гале к генералу Неверовскому узнать о его здоровье, поздравить с занятием Лейбцига, сказать и о лестном отзыве об нем и участии Монарха в его положении и чтобы я привез от самого Неверовского записку, который полк его дивизии какую награду заслуживает? Я с моим конвойным казаком пустился прямейшим, но труднейшим путем; прибыв в Гале, застал Неверовского, уже часто в бреду бывающего; он, прослезясь, смеялся, выслушивая мое посольство; бре́дя, посылал меня за полками своей дивизии; повелевал громогласно, лежа у окна, распоряжения военные; наконец, чрез два дня отправил меня с красноречивым письмом к корпусному командиру. Я, догнав корпус у г. Эйзенаха, объяснил все и вручил письмо генералу Сакену.

Мы продолжали марш преследования до г. Гохгейма, куда прибыли наши обозы и вьюки, пропадавшие от 21-го сентября и защищенные Фигнером; все время их отсутствия мы претерпевали весьма чувствительные недостатки. Здесь же потом достигла к нам весть, весьма прискорбная всем подчиненным и знавшим генерала Неверовского, о его кончине!

Прибытие к Рейну 4-го ноября.

4-го ноября сменены нами австрийцы и заняла наша дивизия линию блокады крепости Маянса со стороны Касселя от дер. Кастгейм, то есть от впадения р. Майна в Рейн половину расстояния до г. Висбадена, а половину от Висбадена пруссаками занята и на средине наши блокадные цепи соединялись. Время было неприятное, мокрое, дивизия расположена частию на виноградниках, частию в Гохгейме, основанном на самых богатых, обширных, под самым городом устроенных погребах, наполненных огромными бочками и длинными красивыми бутылками рейнского нектара, который отпускался, за неимением хлебного, солдатам нашим для порции из тех погребов, коих хозяева изволили удалиться за Рейн.

Длинные осенние ночи во всей готовности и строжайшей бдительности проводились, хотя не имели, казалось, особенных причин, ибо французы с нами дружески стояли: никогда ни одного выстрела друг в друга не сделали в продолжение $3\frac{1}{2}$ недель; даже картофель из нив, меж цепями войск находившихся, нередко по несколько человек вместе, русские и французы, приятельски по-своему изъясняясь, набирая в кивера оную, расходились потом в свои места как добрые знакомые; а в пруссаков не проходило дня, чтобы несколько ядер не было пущено.

По высочайшей воле Монарха нашего, из числа захваченных при занятии Лейбцига в плен дам, желающие были пропускаемы чрез нашу цепь за Рейн. Мне удалось научиться при сих случаях от самого корпусного командира обязанностям парламентера, препровождая разные лица к французам, взамен коих генерал Сакен, для шуток, поручил мне просить Газеты Маянской, которой действительно экземпляр был мне вручен и доставлен мною корпусному командиру. Другой раз при беседе в цепи французской с их офицерами случилось, между прочим, сказать, что крепость Бреда уже занята нашими, чему, однако, противники не верили. На следующее утро ко мне приведен был передавшийся офицер, желающий видеться со мною. Он объявил мне, что, будучи урожденный голландец и полагаясь на слышанные им вчера мои слова, как отечество его освобождено от французов, не имея никакой необходимости служить в армии Наполеона, желает возвратиться в оное, который и был отправлен в корпусную квартиру, оставя мне для памяти и знака благодарности за повод к мысли возвращения на родину две забавные книжонки.

Французский парламентер генерал Делор[20] в г. Гохгейме.

12-го ноября в квартире генерала Ставицкого готовился прием французского парламентера, генерала Делора; с нашей стороны граф Шувалов[21], с австрийской гр. Эйзенбек, с прусской генерал-адъютант Князеберг[22]. Генерального штаба наш подполковник гр. Рошешуар[23] со мною был послан на аванпосты, где из неприятельской стороны приняв генерала Делора, завязав ему глаза, конвоировали до Гохгейма. Трактация происходила между доверенными в особой комнате, то порознь, то все вместе; наконец обедали; после того еще переговаривались, и генерал Делор препровожден нами обратно прежним порядком.

Чрез несколько дней потом, ночью, прибыл к нам из Франкфурта адъютант австрийского императора с депешами к министру Бертье, в Маянсе тогда находившемуся, которого проводил я в самый Кассель. По трубе нашей и на вопрос отзыву "Парламентер к министру Бертье" опустили с разными церемониями подъемный мост; мы въехали по оному в крепость, караул французский стоял "в ружье"; получа росписку о принятии во 2-м часу пополуночи адъютанта с депешами, я возвратился к своему генералу, отправившему при рапорте ту росписку корпусному командиру.

Переправа чрез Рейн декабря 20-го–генваря 1-го.

Вскоре после того нас перевели к бесподобному г. Дармштату и расположились по роскошным во всех отношениях квартирах. Декабря 19-го выступили из квартиры и ночью на 20-е приблизились к Рейну у г. Мангейма, ниже оного; здесь готовы были большие

лодки, из Неккара секретно ту же ночь спущенные, на которых пред рассветом начали переправу на ту сторону, охраняемую цепью и редутом неприятельскими; туман нам благоприятствовал, – охотники, тихо переправленные, атаковали в беспечности прибывшую неприятельскую стражу, вслед им подоспевшие колонны и кавалерия пошли еще во мраке темноты на пушечные выстрелы, редут указавшие, который защищался упорно, но взят скоро. С рассветом неприятель побежал, и 20-го декабря, то есть в день нового года по нынешнему стилю, мы очутились мгновенно на левом берегу Рейна. Его величество король прусский удостоил из Мангейма посетить нашу переправу и поле сражения, относясь к корпусному командиру самыми лестными выражениями о достохвальном сем действии корпуса нашего, так славно предводимого.

Третья тетрадь
1814-й г.

Мы шли вперед. 6-го генваря заняли красивый многолюдный город Нанси, 7-го крепостцу Туль, а 8-го г. Вакулер после небольшой перестрелки, потом прошли г. Бриен и остановились при с. Лемон, имея авангард у г. Арси.

Сражение при г. Бриене генваря 17-го.

17-го числа, часов в 11 утра, по незапной в тылу тревоге, корпусу велено поспешно отступить к Бриену, уничтожа переправу на р. Обь; я послан был за нашими егерскими баталионами, оную прикрывавшими; пока мы к Бриену подоспели, войска, тут сражавшиеся, были уже французами, от Монтьерандера атаковавшими, прижаты к самым стенам города, за который, пройдя версты две, наш корпус строился вдоль большой дороги, не вступая в сражение. Ввечеру запылал Бриен, французами зажженный и беспрерывно атакуемый, дабы вытеснить русских, упорно в нем, почти окруженном, державшихся. Ночью получен приказ следовать в час пополуночи до с. Басанкур, и в то же утро корпус генерала Сакена занял позицию на высотах с. Тран; правее оных, ближе к неприятелю, был лес; у левой оконечности позиции нашей извивалась Обь, по берегу коей пролегала большая дорога; пред нами стлалась пространная равнина, заключавшая в средине своей с. Ларотьер у большой дороги.

19-го после полудня неприятельская многочисленная кавалерия от с. Ларотьер потеснила нашу; вся обширная равнина покрылась движущеюся с перестрелкою взаимными атаками кавалериею. Приблизясь к нам, обозрев силы и позицию нашу, неприятель вечером возвратился на прежние свои места.

Сражение при с. Ларотьер генваря 20-го.

Ночью на 20-е число велено было генералу Ставицкому, невзирая ни на что, занять осторожно, если можно тайно, но сильно и непременно, опушку леса, пред правым флангом нашей дивизии находившегося, ближе к неприятельской линии, что было выполнено самим генералом Ставицким превосходно; сие действие уже внушало нам догадки, что завтра не без дела. Поутру 20-го числа носились приятные слухи о приближении грена-

дерского нашего корпуса в помощь нам; в 11 час. утра велено, оставя половинное число артиллерии на высотах позиции нашей, лошадей тех подпречь к имеющим следовать орудиям, по причине страшной грязи для облегчения, атаковать неприятеля, занимавшего линии пред с. Ларотьер; Наполеон сам устроивал их.

Корпус Сакена шел по большой дороге; близ оной, с левой стороны 27-я, с правой 10-я пехотные дивизии и кавалерия, то есть наш пункт атаки был Ларотьер, центр самый ужасный, обставленный множеством орудий, кавалериею и массами пехоты, распоряжаемыми лично Наполеоном. Подойдя на дистанцию, мы были остановлены под невыносимым артиллерийским огнем; пошел довольно густой снег; пользуясь его завесою непродолжительною, нас передвинули немного от губительных прицельных выстрелов неприятеля; на месте, оставленном нами, площадь была устлана разорванными и измозженными людьми. Вскоре неприятель опять навел вернее свои орудия и вновь жестоко поражали нас; колонны наши, потерявшие терпение, просили повеления итти вперед. Генерал Ставицкий послал меня доложить о том корпусному командиру, который, прибыв лично на наше место, приказал, как только услышим трубный сигнал, итти в штыки, и отъехал к кавалерии. Раздалась труба: "Ребята, на руку!" Солдаты наши, схватя в левую руку ружья наперевес, а крестясь другою, с радостью и молитвою: "Слава Богу, Господи, благослови!", – в сию же минуту посланные извещали войска, что Император наш изволил прибыть к полю сражения; решительное и радостное "Ура! Ура!", смешавшись, наполняло гармонически равнину Ларотьерскую общим грозным гулом, предвестником победы, заглушая последние, частые и верные выстрелы французских пушек, которые мгновенно все почти достались нам, победителям: сбитые, вдруг потерявшие артиллерию, в славный день имянин генерала Сакена, героя сей битвы, французы, как бешеные, кидались на нас баталионами, взводами, чем ни попало, до самой ночи; но что взято, все удержано, вершка назад не уступили. Сражение жаркое продолжалось среди темноты ночной. Перейдя Ларотьер, устроив твердо дивизию, генерал Ставицкий был ранен в правую челюсть, пуля на левых зубах остановилась, которую, сам тут же вынув, отдал мне. Странно, что я стоял рядом с ним по правую его сторону, подобно как при Лейбциге у генерала Неверовского с левой; пули, минуя меня, поражали достойнейшее. Отправив с конвойными казаками генерала Ставицкого из-под выстрелов за селение, с разрешения его превосходительства, я поскакал в темноте отыскать корпусного командира доложить о убыли начальника дивизии, равно бригадного генерала Кологривого, раненого картечью при самой атаке, и просить распоряжения.

Г. Нанси.

Нашед генерала Сакена посредине его корпуса, получил приказ изустно, чтобы старший вступил в командование дивизиею до утра; объявив об этом 50-го Егерского полка подполковнику Антонову, как старшему, я нашел у выезда селения генерала Ставицкого, приказавшего мне следовать с ним к главному пункту перевязки раненых; переночевав там, мы отправились в прекрасный город Нанси для составления представлений и других отчетов дивизии, в продолжение коих я любовался дружеством благородным, постоянно прек-

расному порядку незатейливой жизни семейства роялистов, где я квартировал, в коем с особенным восторгом и благоговением, завидуя их жизни, провел почти два месяца, познакомясь еще с 6-ю подобными же домами обворожительными в жизни семейной, именно: маркизы Дурш, генерала Апромон, г-жи Бурси, г-жи Сивинье, г-жи Ролан, г-жи Дюрюминиль и г-н Роге, женатый на россиянке из Москвы.

Разные, всем известные перевороты в действиях и движениях армии, не допустили меня прибыть в дивизию прежде, покуда войска не двинулись к Парижу, и я уже нашел корпус Сакена в г. Мо; на другой день прибытия моего союзные войска заняли Париж; радость общая, разрушившая все до того носившиеся опасения, была неизъяснима: "Конец войны! мир!" – повторяли все и везде беспрестанно.

Вскоре потом определены войскам квартирные расположения. 27-я дивизия заняла местечко Гранпре с окрестностями близь г. Ригель, а корпусному нашему командиру предложено быть генерал-губернатором Парижа, вместо коего принял начальство корпусом генерал кн. Щербатов.

Париж.

По встретившейся надобности отправления к генералу Сакену различных бумаг из его корпуса был послан я в Париж на короткое время. Удивленный необыкновенностью всего, в этом огромном, вечно шумном, тем более в настоящее тогда время, сборище многонародном, в несколько дней успев посетить только важнейшие места: музеумы, Ботанический сад с зверинцем и кунсткамерой, два главных театра, где восторг парижан при виде Императора Александра доходил до исступления: здание дрожало от общих возгласов и пения при очаровательном и многочисленном оркестре артистов, музыкантов вместо известной арии **"Vive Henri IV" – "Vive Alexandre!"*** и других знаках чистого, высокого уважения и общей любви; радостно было русскому сердцу тогда находиться в театре; эту прелесть мне удалось испытать; Инвалидный дом, с подробным вниманием мною осмотренный, чудное учреждение, чрезвычайно меня восхищал и извлек благословение основателям; сад Тюллерийский, Елисейское поле, удивительные представления Роберсона[24], занимательный Пале-Рояль; объехав многие улицы и площади, памятниками украшенные, очарованный невиданными мною до того великолепными новизнами, должен был спешить к своему месту, откуда 27-го апреля выступили в отечество свое, следуя большею частию по местам знакомым.

Вовращение в Россию. Г. Гродно.

13-го мая перешли Рейн в Маянсе, 28-го июля вступили в свои пределы. Поутру 9-го остановились в г. Гродно на кантонир-квартирах, где, приближаясь к мосту на Немане, наши колонны встретили колонну возвращавшихся из Вологды и других русских губерний пленных французов, с радостию рассказывавших нам о изобилии прекрасных тех мест, где они находились, и при разговорах по вопросу их: "Где теперь Наполеон?" на ответ наш: "Далеко!" они все единодушно закричали: "О! Мы его из зубов самого черта вырвем!"

---

* Да здравствует Генрих IV" – "Да здравствует Александр!" (*фр.*).

1815-й г.

По всегдашнему моему желанию служить в кавалерии, 1814-го г. в исходе ноября я переведен в Чугуевский уланский полк; в начале февраля 815-го г., сдав дела 27-й дивизии, отправился в местечко Новогрудск на новую службу.

Отпуск домой.

Отсюда, получив увольнение навестить родителей, нашел отца отчаянно больным, который после 3-х лет беспрерывных войн, будучи лишен оными старшего сына, от картечной раны умершего, радовался прибытию моему такою радостию, которую чувствовать, понять и оценить только доброму отцу можно, но недоступную описанию. И как бы для того болезненные страдания его продолжались, чтобы, обняв любимого сына, благословя его, чрез три дня по прибытии, 15-го марта умереть на 49-м году от роду.

Г. Нанси.

Получив повеление о поспешном выступлении 3-й уланской дивизии за границу, я оставил мать и родительский дом 30-го мая в своих пределах на почтовых, а за границею на форшпанах, следуя чрез Хелм, Петрикау, Бреслау, Дрезден, Бамберг, Франфурт, Оппенгейм, 30-го июня прибыл в г. Нанси, где прежними моими добрыми хозяевами маркизами Дурш был принят со слезами радости, как родной сын. О! все бесценные дни, мною в Нанси проведенные, никогда не утрачу из моей памяти и признательности. 5-го июля прибыл в дивизионную квартиру г. Васси, там несколько раз из любопытства посещал я судилища во время решительных определений; их гласный пред публикою суд мне весьма нравился; случалось также разделять с французами славную звериную охоту в расчищенных и на кварталы прекрасно разделенных лесах.

Париж.

Августа 9-го был послан в Париж для образцового обмундирования в новоутвержденный адъютантский мундир и получения установленной конской сбруи им же; посетив Париж вторично и опять кратковременно, к прежде обозренному присовокупив еще несколько общего внимания заслуживающего, видел между прочим, как английский караул охранял Императора российского. Поле Елисейское уже не было чудесным гульбищем, но установлено биваками войск, – однако не русскими; и приметна была на каждом шагу какая-то смутная печать во всем Париже и на всех парижанах; тот же город, да не так в нем теперь, как было год тому назад.

22-го августа из г. Васси выступили к г. Вертю.

Г. Вертю.

Наша дивизия расположилась у дер. Кламанж, где шампанского природного вволю распивали желающие – бутылка 2 франка; а кто не желал? Без исключения все платили дешево и пили чудесное Эперне. 27-го числа произведена репетиция, а 29-го то славное 180 тыс. россиян ревю, которое удивило всех, при оном бывших высоких особ. Войска находились при Вертю следующие: 2-я драгунская, 2-я гусарская, 2-я кирасирская, 2-я уланская, 3-я кирасирская, 3-я уланская и 3-я гусарская дивизии; гренадерские 2-я и 3-я, пехотные 7-я, 9-я, 11-я, 12-я, 15-я, 16-я, 24-я, 26-я и 27-я дивизии с их артиллериею.

30-го, в день тезоименитства Императора нашего, все войска, у г. Вертю собранные, кроме дежурных, оставленных в лагерях, приведены были

пешие для служения литургии и молебствия в нарочито поставленных близ горы **Mont Aimè** 7-ми наметах русских походных церквей. 6-го были на равнине, в две линии близ Парижской дороги; правого фланга передней линии 1-й для кавалерии, прочие для пехотных корпусов. У 7-го же, стоявшего гораздо впереди, против средины на возвышенном скате, где коронованные главы с другими высокими особами присутствовали, артиллеристы и при свите Его Императорского Величества находившиеся молились; время не только благоприятствовало, но казалось в тишине само с восторгом внимало величественной, небывалой картине, свыше вдохновленной к исполнению, в лице царей и представителей народных на земле тех, которые в гибельных мечтах самовольства забыли, кем все в мире руководствоваться должно! И назидательный великодушный урок дан им победителем их, благодетелем Европы, Александром I.

Сего же дня в 7 час пополудни в г. Вертю виновник торжества, наш обожаемый Император с царственными великими князьями братьями своими и одними русскими генералами, без иноземцев и дам, разделял обеденный стол свой под наметами, вокруг садовных стен растянутыми, при 4-х поочередно игравших чудных хорах российских пехотных полков музыки; в особенности Брестская удивляла всех. Деревья были увешаны разноцветными фонарями, убранный сад, разукрашенный такими посетителями, в те часы казался Эдемом, в коем обитал дух истинного величия. По окончании стола Его Императорское Величество беседовал со многими генералами и, всех разблагодарив с душевною признательностью за порядок в войске найденный и постоянно сохраняемый, простился со своими гостьми дружески*.

Следуюіцего дня ввечеру лично изволил Император выбирать из нашей дивизии в гвардию людей, а 1-го сентября выступила дивизия в Россию, оставляя во Франции много приятных, славных и незабвенных воспоминаний.

Г. Варшава 24-го ноября.

Ноября 23-го 2-я бригада 3-й уланской дивизии вечернею порою прибыла в г. Варшаву на ночлег; во весь тот день ливный дождь не переставал; к 9-ти часам вечера сделалось весьма холодно, дождь утих и начало сильно мерзнуть; с рассветом 24-го ноября было 28° мороза; в 9 час. утра бригада парадировала мимо цесаревича, продолжая предназначенный марш; обозы, следовавшие за полками, не успели перейти в Прагу; на Висле мост льдом разорван и река останавливаться начала. К несчастию нашему, поход был не менее 28-ми, другим же эскадронам более 30-ти верст при жестоком ветре и таком морозе; последствия вышли весьма нехороши, людей много было ознобленных, даже некоторым стоил жизни сей тяжелый день варшавский.

---

* В дни пылкой, беспечной юности моей, сих годов для россиян славных, увлекающую страсть свою: все достойнейшее непременно видеть, везде быть, – привык удовлетворять, и потому находился у 7-го намета во время служения благоговейно очаровательного; и в саду за тем великолепным столом, вошед с генералом своим, занял место на флигель-адъютантском краю. (*Прим авт*)

Взгляд на Кремль

Заветный Кремль! Исполненный чудесных вдохновений; всегда с благоговением я на тебя гляжу как на святыню незабвенных предков; вид твой величествен; история твоя неподражаема, обильна истинной мудрости, добродетелей и других высоких качеств. Какой град, какое царство может предстать с такою радостию на суд и поучение веков и народов? Здесь обитал Иоанн Великий, отсюда Димитрий пошел встречу многочисленным тысячам татар с твердым намерением умереть славно или освободить отечество от рабства тяжкого; тут Шуйский и Скопин удивляли свет; здесь мудрый Алексей Михайлович славно царствовал и родился чудный, без сравнения Петр! Спасаемый многократно промыслом вышним ко благу и величею России. Нет, Рим! в тебе не было примеров столь чистых, указывающих степень, до которой Божество дозволяет восходить достойному высочайшей славы человеку; ты не можешь равняться столице россиян, так много даровавшей неподражаемых образцов.

Анекдоты

1-й. Маленькое варварство.

Когда остановили нашу дивизию для отдохновения в окрестности г. Вильно 1812-го г., солдаты наскоро устроили русскую целебницу, какую-то лачугу-баню; при мне тогда находились служителями денщик Иван и италианской гвардии сержант Винцентий Лоренсоти, взятый мною на походе с отмороженною ногою; видный, услужливый италианец был веселого нрава, честен, говорил хорошо по-французски и готовил изрядно несколько национальных своих блюд; две последние способности его меня интересовали, которыми пользовался вместе с прочими похвальными качествами; он у меня был сбережен и совершенно выпользован. В благодарность за то забавлял всегда охотно наше товарищество, между прочими услугами, ариями своими.

В одно утро фельдфебель предложил мне баню, им выхваляемую, уже опаренную и прекрасную; с радостию приняв такую услугу, которую все мы, неизнеженные, признаем полезною, роскошною негою, то есть распарить донельзя, особливо после таких трудов, какие только что прекратили совершать, – было прямо клад. В минуту Иван и Лоренсоти сели со мною на саночки и скоро очутились пред небольшою, с сенями избушкою, обращенною в так названную баню; сени были настланы по колени свежею соломою, следовательно встреча роскошная; я, мигом разоблачась, приказав не отставать за мною италианцу, кинулся по привычке нетерпеливо в баню и на верхней лавке, вместо полки устроенной, начинал блаженствовать, беспрерывно призывал своего Лоренсоти поспешить в столь приятную врачебницу. Солдаты, желая угодить начальнику, живо раздели никогда не бывавшего в русской бане огромного италианца, отворили низенькую дверь и толкнули его ко мне; не успели запереть ее, а он, подняв наклоненную голову свою, паром охваченную, как ринулся весь наземь, соломою покрытою и, протянувшись, во всю баню ревел не по-человечески лежа ниц; пришед в себя, поднял несколько голову и, простирая руки ко мне, моющемуся, над ним смеясь, с приглашением наверх,

умолял меня жалобно, с гримасами уморительными, не убивать ни себя, ни его. "Это сущий ад! – кричал он. – Куда мы попали? Что вы с собой делаете? Ради Бога, уйдите отсюда, или я вас насильно вынесу!". Я, Иван и солдаты валялись от смеха над помешавшимся, а в довершение приказал мыть его, лежащего, насильно, поддав пару. Солдаты русские рады услужить 15-летнему своему командиру, принялись вдруг за работу; италианец кряхтел под их дюжими руками, ворча по-своему и вскрикивал, кажется, незавидные благодарности за сию услугу; когда же брошенная вода на раскаленные каменья, сделав свой выпал, зашипела и пар туманным облаком, быстро заклубясь, охватил усиленным жаром бедного италианца, он завопил сквозь слезы: "Боже мой, Боже мой! Вы мне спасли жизнь от морозов, а отнимаете ее в этом тартаре! Ради Бога, пустите меня!" Сцена была забавная, Лоренсоти предался судорожным конвульсиям, но, когда начали его поливать попеременно то теплою, то холодною водою, то есть окачивать, он кричал пронзительно, как бешеный, после чего приказ дан выпустить, одеть хорошенько и отправить его на квартиру, вскипятить чайник, пока возвращусь. Там италианец встретил меня упреками, но добрый стакан чаю, а потом другой пуншу смягчили [его] совершенно; он почти признал пользу русской бани, жалея только о непривычке своей, и затянул презабавную флорентинскую арию.

2-й. Ординарец при генерале Сакене

5-го октября 1813-го г. корпусной командир генерал Сакен, отдавая приказание генералу Неверовскому о взятии ретраншементов и занятии части форштата г. Лейбцига под чудною музыкою часто перелетающих над нами гранад и ядер; разослав всех своих офицеров-ординарцев и адъютантов с распоряжениями, надобность послать одного к гр. Ливену[25] заставить его вспомнить, что К.О., при нем находящийся, еще никуда не послан. "К.О.!" – закричал корпусной командир, но его не было; призыв повторяется, его нет. "Да где же он?" – гневно вскрикнул корпусной командир и, обратясь, завидел его, маленьким скоком уклоняющегося к линии обозной. Генерал Сакен приказал У.О., догнав, воротить к нему К.О., которого встретил вопросом: "Ты куда, К., отлучился без моего повеления?" – "Ваше превосходительство, – робко отвечал К., держа в руках очки, – я за очками ездил, забыв их в своем вьюке". Генерал иронически возразил: "Вот тут-то тебе очёк и не нужно, теперь без них все десятерится; а вперед ни за чем не смей уезжать без моего повеления".

3-й. Польза приказов, читаемых солдатам

Корпус генерала Сакена в 1813-м г. стоял биваками дней 10 у монастыря Мориенштерн, в продолжение коих войска продовольствовались фуражировкой по окрестностям. При всех старательных распоряжениях, чтобы в произведении оной не было нарушено спокойствие жителей, дошла, однако, жалоба, что иногда фуражиры берут немолоченную рожь и другие хлеба снопами, в отвращение чего была дан по корпусу приказ отнюдь того не делать под ответственностью неминуемо взысканий, и приказ тот велено прочитать пред ротами и эскадронами в известность

каждому и исполнение. Случилось так, что в тот самый день, как приказ прочитан в войсках, корпус вечером двинут к Эльбе; идя в темную ночь, мы ехали за дивизионным генералом Неверовским по-над дорогою. Время клонилось к полуночи, когда генерал Сакен со своим корпусным штабом присоединился к нам. Корпусной командир с некоторыми генералами разговаривали тихо о случае движения, мы же, следуя за ними, дремали на лошадях меж наклоненными идущей колонны штыками. В такое время обыкновенно солдаты ведут свои беседы сурьезные, иногда весьма забавные прибаутки для прогнания налегающего сна, без всяких замечаний и осторожности в словах; много пролетало солдатских красных слов мимо ушей наших, между коими слышан стал внимательный разговор следующий: "А что, ребята, читали ли вам сегодня приказ? "– "Читали, а вам?" – "Тоже читали, да что-то не больно слышно было". – "А какой и о чем тот приказ? Кто, ребята, лучше вслушался аль ближе стоял, расскажите-ка". – "Ну, да мы его до слова слышали, – сказал голос басистый в густоте колонны. – Вишь, немцы-то рассердились на наших фуражиров, да и пришли с жалобою к корпусному". – "За что же они-то рассердились?" – "А вот за что: видишь, немцы хитер народ; уж хоть наш брат будь тише воды, ниже травы, дай пожаловаться, хоть выдумать, авось лучше будет, – насказали, вишь, будто наши ребята забирают нарочно ржаную солому, а у них-то не по-нашему, ржи мало больно, ну корпусной и дал приказ: борони Бог брать рожь молоченую и немолоченную, а все только, вишь, брали бы одну пшеницу". – "Эх, мудры немцы! – заворчали многие. – Было бы о чем жаловаться, вить пшеничка-то лучше, а нам, пожалуй, все равно". – "Уж мудры! – и, конечно, нам все равно", – подтвердило много голосов.

Генералы наши и мы, знавшие силу содержания приказа, повалились от смеха на седла: как полезны приказы, сжели оные не внушены подчиненным надлежаще.

4-й. Встречи редкие

1814-го г. в прекрасном г. Нанси, по случаю прибытия гр. Ланжерона[26] с корпусом, дан был в доме, занимаемом генерал-губернатором Алопеусом[27], бал; блистательное общество собралось, дамы сидели вокруг пространной гостиной; мужчины, столпясь в общую кучу, иные ротозеяли, другие острили, многие прислушивались. Француженки из своего туалета изгнали всю пестроту, все беленькие, с букетами или гирляндами бесподобных цветов; между ими сидели три дамы рядом, совсем иначе богато одетые, и сложением также отличались; стоя в общей толпе, я заметил товарищам, что эти, так важно убранные дамы должны быть россиянки, и по молодости говорил слишком неосторожно; близь меня стоявший медик, лет 40-ка, с Анной на шее, узнав мою фамилию от товарищей моих, обращаясь ко мне, сказал: "Вы правы, эта, по левую сторону графини сидящая, моя жена, ваша землячка Угр. Мы весьма были знакомы в доме родителей ваших; прошу теперь танцовать с нею". Я, озадаченный, по неловкости светского обращения, едва мог извиниться, что имею здесь своих хозяек маркиз Дурш, которым обязан быть неотступным кавалером и проч. ... Начались танцы; беспрерывно продолжались; я очень устал, а

потому вошел в столовую, прохладную комнату, чтобы отдохнуть; там никого не было, на диване, у двери, ведущей к танцовальной зале, почти развалясь, отдыхал, любуясь убранством комнаты, в голове уже носились полувоздушные призраки, на паркете кружащиеся; находясь в забвении совершенном, не заметил, что предо мною стояла по-французски разодетая, молодая, прелестнейшая брюнетка, и, не слыша два года русского слова из уст женских, подобно грому вдруг поражен был неожиданным ее участием: "Как вы устали; вы прекрасно сделали, уделя несколько минут на отдохновение". Я вскочил, оторопленный, не веря ни слуху, ни зрению; она поняла и тотчас подхватила с необъяснимою приятностию: "Вас, конечно, удивляет мнимая француженка, говорящая так твердо по-русски, вашим и моим природным языком. Я вам землячка, из Москвы, здесь восхищающаяся славными соотечественниками моими, жителька Нанси, которая надеется иметь удовольствие видеть вас у себя в доме; теперь моя фамилия Роге" – романтическая история которой москвичам весьма известна. С удовольствием, на русский лад, мы проводили в их доме время бесподобно.

№ 10

А.Н. Сеславин. "Великодушие. Барклай в 1812-м году". [1830–1840-е годы]

Прославленный партизан 1812 г., генерал-лейтенант Александр Никитич Сеславин (1780–1858) происходил из старинного рода дворян Тверской губернии. В 1798 г., по окончании 2-го Кадетского корпуса – лучшего военно-учебного заведения того времени, – он был выпущен подпоручиком в гвардейскую артиллерию. На боевое поприще Сеславин вступил в кампании 1805 г., затем он участвовал в войне с Францией 1806–1807 гг., после чего три года из-за ранения провел в отставке, в 1810 г. вернулся в армию и сражался с турками на Дунае, отличившись при штурме Рущука. Отечественную войну Сеславин встретил капитаном и весь период отступления состоял адъютантом "по квартирмейстерской части" главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли, который питал к нему особое расположение и доверял ему самые ответственные дела. Наряду с тем Сеславин отважно сражался во всех важнейших боях этого периода и за Бородино был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После оставления Москвы он успешно командует партизанским отрядом, и, когда Наполеон, выйдя из древней русской столицы, попытался скрытым маршем перейти на Новую Калужскую дорогу, чтобы обойти главные силы русских у Малоярославца, Сеславин первым обнаружил этот маневр и разгадал замысел французского императора. Известив немедленно о своем открытии М.И. Кутузова, он тем самым дал возможность русским войскам преградить французам путь у Малоярославца на Калугу, в результате чего им пришлось отступать по разоренной Смоленской дороге. По мнению Д.В. Давыдова, "извещением Сеславина решилась участь России". Сам он высоко оценивал эти свои разведывательные действия, полагая, что они предопределили "судьбу отечества, Европы и самого Наполеона" (*Семевский М.И.* Партизан Сеславин // Отечественные записки. 1860. № 4. С. 36, 46). Во время преследования "Великой армии" военные дарования, отчаянная храбрость и предприимчивость Сеславина проявились в не меньшей мере – он, в частности, захватил со своим отрядом Борисов, установил связь между войсками П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна, первым атаковал остатки непри-

ятельских войск в Вильне, а в заграничных походах командовал передовыми отрядами союзников и кончил войну генерал-майором.

Участие в "74 больших и малых сражениях", 9 тяжелых ран, полученных за годы боевой службы, подорвали здоровье Сеславина. В послевоенную пору он подолгу лечился за границей. В 1820 г., по возвращении на родину, вышел в отставку и поселился в тверском имении, где в мрачном уединении провел остальную часть жизни. Телесные недуги, материальные затруднения, врожденная "угрюмость характера" сказались на душевном состоянии Сеславина, на его болезненном самолюбии, усугубленном к тому же ощущением своей невостребованности и оскорбительным невниманием со стороны Александра I. Страдая от недостаточного, как он считал, признания своих заслуг, Сеславин придирчиво следил за всем, что выходило из печати о легендарной в его биографии эпохе 1812 г., и был предельно сосредоточен на воспоминаниях о своем участии в наполеоновских войнах. По указаниям близко знавших его современников, Сеславин "несколько раз сам брался за перо с целью рассказать о славных делах славных героев 12 года". Через два года после его смерти Н.Ф. Дубровин свидетельствовал, что слышал "о существовании записок знаменитого партизана от лиц, видевших эти записки". Впоследствии, однако, они оказались утраченными и до нас дошли лишь разрозненные и отрывочные фрагменты (Там же. С. 35–52; Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. Сабанеев – Смыслов. С. 380–387; Рус. старина. 1873. № 9. С. 415–419; 1889. № 12. С. 228–229; 1903. № 2. С. 272–273; *Тартаковский А.Г.* К определению состава неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 г. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 287).

Один из них, посвященный Барклаю де Толли, публикуется ниже. Это черновой автограф – видимо, набросок из более пространного и незавершенного мемуарно-исторического произведения, датируемый, по палеографическим признакам рукописи, 1830–1840-ми годами. Автограф находится в бумагах архива журнала "Русская старина". Его редактор М.И. Семевский поместил этот набросок в составе биографии Сеславина, напечатанной еще в 1860 г. в "Отечественных записках" (№ 4. С. 49–51). Однако он был опубликован Семевским с неточностями в передаче текста, некоторые слова были пропущены, некоторые прочтены неверно, а то и вовсе не разобраны.

Это обстоятельство послужило одним из оснований повторной публикации сеславинских воспоминаний. В настоящем издании они воспроизводятся по автографу с исправлением ошибочных чтений публикации Семевского. Следует иметь в виду, что с тех пор воспоминания Сеславина не привлекли к себе внимание историков и, в сущности, не были включены в общественно-историографический оборот. Даже в биографиях Барклая де Толли и в научной литературе о 1812 г. мы не найдем о них каких-либо упоминаний. Между тем в этом наброске заключен ряд важных военно-исторических сведений, в том числе достоверные свидетельства о реакции Барклая на нападки на него в армии, которые он воспринимал с редкой стойкостью и внешней невозмутимостью. В частности, приведенный в воспоминаниях ответ Барклая на сообщение по сему поводу Сеславина: "И тот, который... происками у двора ищет моего места..." – имел в виду начальника штаба 1-й Западной армии генерал-майора А.П. Ермолова – одного из самых рьяных недоброжелателей полководца в период летнего отступления в 1812 г.

Другое основание повторной публикации данного отрывка, несомненно повышающее его ценность, – это скудость мемуарных источников о Барклае. Сам он, избегая тяжелых ассоциаций лета и осени 1812 г., своих воспоминаний не записывал и не делился ими с окружающими; мемуары же, написанные специально о нем, насчитываются буквально единицами.

Он первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 г. уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступать, уступать ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками, милиция не сформируется и образуется и, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать, теряя от недостатка в съестных припасах людей и лошадей.

Наполеон, ожидая долгое время от россиян наступательной войны, а вместе с тем верной гибели армии и рабства любезного нашего Отечества, сам наступил.

С первого шага отступления нашей армии близорукие требовали генерального сражения; Барклай был непреклонен. Армия возроптала. Главнокомандующий подвергнут был ежедневным насмешкам и ругательствам от подчиненных, а у двора – клевете. Как гранитная скала с презрением смотрит на ярость волн, разбивающихся о подошву ее, так и Барклай, презирая не заслуженный им ропот, был, как и она, неколебим в достижении предположенной им великой цели.

В одну ночь прибыл из арьергарда адъютант его Сеславин, впоследствии партизан, которого он любил и употреблял также по квартирмейстерской части, с приказанием доносить ему лично обо всех важных обстоятельствах. Выслушав донесения, главнокомандующий спросил: "Какой дух в войске и как дерутся и что говорят?" – "Ропщут на вас, бранят вас до тех пор, пока гром пушек и свист пуль не заглушат их ропот". Барклай отвечал: "Я своими ушами слышал брань и ее не уважаю; я смотрю на пользу Отечества, потомство смотрит на меня... Все, что я ни делаю и буду делать, есть последствие обдуманного плана и великих соображений, есть плод многолетних трудов. Теперь все хотят быть главными... И тот, который долженствовал быть мне правою рукою, отличаясь только под Прейсиш-Эйлау в полковницком чине, происками у дворца ищет моего места; а дабы удобнее того достигнуть, возмущает моих подчиненных".

Блаженной памяти государь император Александр, уступая гласу народа, назначил главнокомандующим фельдмаршала Кутузова. С сего времени злоба не имела пределов: Барклай был в уничижении, терпел оскорбления всякого рода. Настало Бородинское сражение; произведя чудеса неослабленного мужества и восторжествовав над многочисленным неприятелем, Барклай не хотел жить; он искал смерти. Но судьба вела его к величию: Бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж обессмертили имя его и привели в храм славы.

Кутузов, следуя предначертанным планам Барклая, имел случай спасти Отечество. Неестественная деятельность, успехи и самоотвержение партизана Сеславина ускорили сей случай. Он открыл лично движение Наполеона на Калугу, от которого он находился в нескольких шагах, захватил в плен в глазах его нескольких офицеров, представил их к фельдмаршалу в удостоверение, что Наполеон действительно оставил Москву и идет на Калугу; предлагал двинуть армию на Малый Ярославец и надеть на него, в случае неверного донесения, *белую рубашку*, то есть расстрелять. В ночь послан на Малый Ярославец авангард под командою

генерала Дохтурова, армия двинулась также для преграждения пути. Французы были уже в Малом Ярославце, который несколько раз переходил в руки русских и французов. Наконец, армия остановилась в грозном виде позади Малого Ярославца. Сеславин, открыв движение неприятеля на Калугу, способствовал, таким образом, весьма много к предупреждению его под Малоярославцем, которое имело следствием постыдную и гибельную ретираду для французской армии, и вместе с тем 1812, 13 и 14 года и все счастливые последствия до настоящего времени.

Великие люди отрекаются, так сказать, от самих себя, заранее перенесшись мыслию в вечность, зрят славу, награждающую их великодушие и постоянное терпение, внемлют гласу потомства, именующего их друзьями Отечества и благодетелями человечества. Одни лишь превосходные смертные могут быть способны к сему бытию.

Кутузов, упорствуя, как и Барклай, общим желаниям и требованиям, которые могли быть гибельны для армии, и желая представить ее в грозном виде при вступлении за границу, не менее показал великодушие. Кутузов и Барклай равно великодушны, равно бессмертны.

№ 11

"Бедственная переправа французской армии через р. Березину при бегстве Наполеона из Москвы в 1812-м году". [Конец 1830-х – начало 1840-х годов]

Рукопись воспоминаний хранится в фонде М.П. Погодина, среди материалов журнала "Москвитянин", где в 1840-х годах печатались исторические документы об Отечественной войне и мемуары ее участников. Она предназначалась, вероятно, к публикации в этом журнале. Рукопись не датирована и не имеет авторской подписи. Из текста ясно только, что автор – штабной офицер, находившийся во время Березинского сражения при командующем одним из корпусов 3-й Западной армии П.В. Чичагова генерале от инфантерии А.Ф. Ланжероне, а затем – при командире ее авангарда генерал-лейтенанте Е.И. Чаплице. По характеру бумаги и почерка воспоминания могут быть предположительно датированы концом 1830-х – началом 1840-х годов. В поле зрения историков они не попали – отчасти, видимо, потому, что не были описаны в изданных в 1950–1970-х годах указателях мемуарных источников, хранящихся в ОР РГБ [Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII–XIX вв. (из фондов отдела рукописей). М., 1951; Воспоминания и дневники XVIII–XX вв. Указатель рукописей. М., 1976].

Анонимные воспоминания о Березинской переправе в известной мере перекликаются с опубликованными записками других ее очевидцев, главным образом военачальников, командовавших крупными соединениями, – К.О. Ламберта, А.Ф. Ланжерона, Е.И. Чаплица, самого П.В. Чичагова и др. Но во многом публикуемые воспоминания дополняют эти записки. Автор наблюдал Березинскую операцию со своей особой, несколько раз менявшейся в ее ходе позиции, и его рассказ интересен не столько сведениями о стратегической стороне событий, освещенной в упомянутых выше записках, сколько с живыми подробностями относительно обстановки в 3-й Западной армии накануне переправы, неудачных действий адмирала Чичагова, боев 14–16 ноября 1812 г. в районе Борисова и гибели остатков наполеоновских войск при их преследовании от Березины до прусской границы.

При нашествии Наполеона с более шестисоттысячною армиею в Россию наши три действующие армии, коих числительность не составляла и половину той массы, расположенные по западной границе империи, должны были, по общей диспозиции, действовать более в оборонительном смысле. Третья армия (при коей я находился), состоявшая из 2-х корпусов генералов Дохтурова и Сакена, под главным начальством генерала Тормасова, была расположена в губерниях Гродненской и Волынской, имея против себя неприятельской австрийской корпус кн. Шварценберга, шедшего со стороны Брест-Литовского. Но как Австрия, равно и прочие германские государства, будучи принужденно увлечена Наполеоном в эту войну, то Шварценберг действовал неохотно-медленно, и, за исключением нескольких сражений (под Кобрином, Городечно, Выжвою, Слонимом и др.), все действия состояли большею частию в эволюциях, пока Наполеон не прислал наблюдателем за австрийцами генерала Ренье, – тогда дела принимали вид несколько посерьезнее.

Между тем, как мы играли с австрийцами в эту, так сказать, шахматную игру, к нам успела прибыть – после счастливого замирения с Турцею – Молдавская наша армия под начальством адмирала Чичагова. Генерал Тормасов получил другое назначение, а Чичагов, назначенный главнокомандующим обеих армий, начал действовать уже наступательно. Корпус Сакена был назначен действовать против Шварценберга, а адмирал с прочими войсками двинулся по направлению чрез Несвиж и Минск к Борисову, где должно было встретить бегущего уже из Москвы неприятеля и преградить ему дорогу на Вильно при переправе чрез р. Березину.

Армия прибыла точно вовремя, но адмирал не имел положительных сведений о действиях наших 1-й и 2-й армий и в каком они расстоянии от Борисова, ибо сообщение с ними было прервано. У самого Борисова находился неприятельский отряд польского генерала Домбровского[1], занимавшего с 6-ю орудиями мостовое укрепление (**tête de pont***), которое было взято приступом, нашим храбрым авангардным начальником гр. Ламбертом[2]. Домбровский с остатком своего отряда был прогнан за длинный борисовский мост и за город, но при этом деле был ранен в ногу гр. Ламберт, и авангард был поручен гр. Палену[3]; армия расположилась на бивуаках за мостом, т.е. по правую сторону реки, а адмирал со всем штабом, равно и штабы корпусных командиров, переехали мост, заняли квартиры в городе, лежащем на левой стороне реки.

Гр. Пален, преследуя остатки Домбровского отряда еще 8 верст, встретил всю армию Наполеона, тотчас послал адъютанта к главнокомандующему с донесением; но адмирал не хотел верить, что тут вся армия Наполеона. Не прошло и 1/2 часа, как другой посланный от Палена прискакал с известием, что авангард, не могши удержать сильного натиска неприятеля, в расстройстве ретируется.

Тогда адмирал приказал послать одну бригаду на подкрепление Палену, все не доверяя, что сам Наполеон так близок, а сам сел за стол обедать. Но уже было поздно! – бригада, назначенная на подкрепление к Палену,

---

* Предмостное укрепление (*фр.*).

насилу могла пробраться чрез длинный мост, заваленный обозом, вьюками, маркитантскими повозками и артиллериею в беспорядке отступающего нашего авангарда.

Пушечные и ружейные выстрелы слышны были близь самого города. Адмирал, оставив свой обед (который еще горячий попался на тощий желудок французам), успел только сесть на лошадь, как и все прочие генералы со своими штабами (я находился тут же при корпусе гр. Ланжерона), все помчались к мосту, на котором сделалась ужасная суматоха и давка, чтобы очистить главнокомандующему дорогу. Маркитанские повозки были первою жертвою, их столкнули с лошадьми и товарами под мост, меня чуть-чуть не постигла та же участь; уже задние ноги моей лошади повисли вниз, но, ухватясь за перила, я удержал собою и лошадь, пока подбежавшие солдаты не подали мне помощь, выдернув ее за хвост и гриву. Тут же я видел трогательную сцену, как графиня Ламберт сопровождала своего накануне раненого супруга, ехавшего верхом, поддерживая раненую его ногу, чтобы при такой суматохе не развредили.

Когда войска нашего авангарда и артиллерия переправились и мост очистился, главнокомандующий спросил: все ли войско перешло? и по утвердительном ответе он приказал сжечь мост, хотя, как потом оказалось, еще много егерей и казаков было на той стороне, принужденных (за неимением уже моста) разбрестись по лесу для отыскания себе переправы или брода и явившихся уже на другой день к своим командам. Сожжение моста было лишнею предосторожностью (как говорили и тогда). Наполеон не решился бы переправляться через мост, имевший по крайней мере 150 сажен длины. Таким образом, уступив неприятелю г. Борисов, всех наших раненых, канцелярию главнокомандующего и вдобавок вкусный обед со всем прибором, адмирал Чичагов расположился лагерем на правой стороне Березины, против Борисова; это было в конце октября или начале ноября[4]; холод был уже очень чувствителен. Адмиралу и прочим штабам вырыты были землянки. В таком бездейственном положении простояли мы три дня; разосланы были вверх и вниз по реке небольшие отряды для наблюдения за действиями неприятеля. В ночь на четвертые сутки главнокомандующий получил от гр. Витгенштейна[5], преследовавшего по пятам неприятеля, уведомление, что Наполеон намеревается, по-видимому, устроить переправу вниз по реке в 25 верстах от Борисова[6]. И действительно там делались приготовления к устройству моста, но это была военная хитрость, чтоб отвлечь внимание, которая и совершенно удалась Наполеону. Адмирал двинулся со всею армиею к означенному пункту, оставя гр. Ланжерона с 8 тыс. чел. против сожженного моста для наблюдения. Генерал Чаплиц[7] с легким кавалерийским отрядом 2 тыс. чел. и двумя конными орудиями имел наблюдательный пост в 8 верстах выше Борисова около дер. Стахова и Брилева, против которых неприятель действительно начал устраивать свою переправу и где река, протекая по топкому местоположению в версту шириною, несколькими рукавами образующих два небольших островка, никак нельзя было этого предположить; но, как с другой стороны, вся эта местность, покрытая лесом и кустарником, представляла удобство для скрытного действия, то она и была избрана предпочтительно.

Когда генерал Чаплиц удостоверился в действительности работ для переправы неприятеля, он немедленно послал к адмиралу донесение с нарочным, который проездом чрез наш лагерь сообщил об этом и гр. Ланжерону. Граф не мог оставить назначенный ему пост, чтоб подать помощь генералу Чаплицу, без разрешения главнокомандующего. Но пока посланный от Чаплица доехал к адмиралу, сделавшего уже переход в 25 верст, и пока Ланжерон получил повеление содействовать Чаплицу, прошли уже почти сутки. Это время неприятель употребил почти беспрепятственно, чтобы набросить мост чрез три рукава реки, пользуясь положением островков; я сказал почти беспрепятственно, потому что лишь только из двух легких орудий, находившихся у Чаплица, сделано было несколько выстрелов, как залпом 48 тяжелых орудий наши два орудия были обращены в щепки. Когда прибыл Ланжерон, уже не было возможности нанести неприятелю большого вреда, а тем менее препятствовать его переправе. Уже большая часть наполеоновской армии была на этой стороне и, построивши свои колонны и батареи против нас, громили без умолку, отодвинули небольшой наш отряд настолько, чтобы мы не могли вредить переправляющимся остальным их войскам. На другое уже утро прибыл главнокомандующий с армиею, шедшею всю ночь форсированным маршем, но уже было поздно, почти вся неприятельская армия переправилась. Густой лес препятствовал всякой эволюции в массах; половина армии, распущенная в стрелки по лесу, производила только безуспешную стрельбу, продолжавшуюся при громе пушек до поздней ночи.

Неимоверная торопливость, с которою неприятель старался перебраться на эту сторону, вскоре объяснилась, когда услышали мы сильную канонаду по другой стороне реки, быстро приближавшуюся. Корпуса гр. Витгенштейна и Платова неутомимо преследовали уже расстроенную армию Наполеона, и в надежде, что адмирал преградит ей путь на березинской переправе, напирали сильно. Арьергард французский, совершенно расстроенный, в беспорядке стремился к переправе; второпях построенные мосты не устояли против напора столпившейся на них массы обоза, кавалерии, артиллерии и людей; они рушились под этой тяжестью, и тогда уже образовался, так сказать, живой мост из лошадей и людей, и по ним переправлялись кто мог, как мог и насколько мог, пока сам не сделался точкой опоры следующему за ним товарищу. Более 20 тыс. чел. погребены в волнах Березины, а те, которые не отважились на этот живой мост, остались в плену у гр. Витгенштейна. Более 5 тыс. экипажей: фургонов, карет, колясок, дрожек и пр., ввезенные из Москвы, остались на том берегу. Ночь покрыла эту мрачную картину; но в эту ночь сильный мороз прозрачным саваном покрыл влажную могилу несчастных утопленников.

На другое утро казаки вышли на добычу, пробивали проруби и крючками начали вытаскивать утонувших, в ранцах и карманах коих находили разные золотые и серебряные вещи, святотатственною рукою награбленные в храмах Божиих. Тут были оклады с икон, церковные сосуды, подсвечники, ризы и пр.; я полюбопытствовал посмотреть, что там делается,

и при мне казак вытащил женщину с грудным ребенком, крепко обхваченным руками матери, грустно было смотреть, я ушел.

Если бы адмирал Чичагов не сделал важной ошибки, не удалился бы с армией в противоположную сторону, а преградил бы неприятелю дорогу на Вильно, то, может быть, у Березины уже расстроенная армия Наполеона была бы совершенно истреблена и он сам не ушел бы от плена, но видно так угодно было Богу, чтобы человек, принесший кровь миллионам людей в жертву своему неограниченному самолюбию, сам испил до дня горькую чашу, ему предназначенную.

Он бросил свою армию на жертву голоду, холоду и болезням, сам в жидовских саночках ускакал в Париж, оформлять новую армию.

От Березины можно было считать французскую армию (**la grande Armee***) как бы несуществующею; хотя числительность ее доходила, может быть, еще до 60–70 тыс., но нравственные, как и физические силы ее были совершенно убиты: начальники перестали повелевать, потому что солдаты не хотели и не могли повиноваться; слышен был только ропот и проклятия на того, кто привел их до такого положения. После березинского дела я был командирован в авангард к генералу Чаплицу, следовавшему непосредственно за бегущим неприятелем, и тут я был очевидцем всех бедствий, постигших французскую армию в продолжение ее отступления до самой границы.

Пасть или быть ранену в пылу сражения, одушевленный надеждою победы, к сему готовится всякий военный! Но какая надежда могла уже одушевить и что имели в виду эти несчастные? Тот, который одушевлял их своим присутствием, который одним словом воспалял их мужество и водил к победам – их кумир! – постыдно бежал, хуже Карла XII[8] или Франциска I[9].

Те, потеряв свои армии, после отчаянной битвы, бежали, когда уже некем было командовать, тогда как у Наполеона оставалось еще довольно войска. Но он не имел даже отрады сказать, как тогда Франциск, – "**j'ai tout perdu hors l'honneur**"**, потому что запятнал свое имя и честь, насмехаясь святынею, дозволив осквернять св. храмы, превратив их в магазины и конюшни. Вот за что Бог наказал; еще в***... и его и сподвижников его. Видя над собою явную кару Господню, обессиленные голодом, усталые форсированным походом, оборванные и в худой обуви, не защищавшей их от сильных тогда наступивших морозов, они старались прикрыть свою наготу всем, чем только могли: награбленные юбки, капоты, салопы, скатерти, ноги в телячьих ранцах и т.п. В таком жалком маскараде тянулись остатки некогда победоносной арми **la qrande Armèe de Napoleon******, как толпа нищих с отмороженными носами и ушами, с мрачными, дикими и отчаяние выражавшими лицами и с проклятиями на полумертвых устах! Их мародеры, как муравьи, расползлись по близ-

---

* Великая армия (*фр.*).

** "Я потерял все, кроме чести" (*фр.*).

*** *Далее не разобрано два слова.*

**** Великой армии Наполеона (*фр.*).

лежащим деревням, чтобы найти пищи и тепла, но тут встречали их озлобленные жители и убивали без пощады.

Все деревни и местечки по дороге и по сторонам, чрез которые проходил неприятель, были им сожжены, и нам оставались одни пепелища для ночлегов. Не успевая подбирать своих отсталых, они оставляли их на волю Божию и великодушие наше, но в том положении, в каком мы сами находились, какую помощь могли мы дать этим несчастным?

Раз я видел, что несколько из этих несчастных полузамерзших подползли к догорающему строению (кабак) и, чтобы отогреться, ложились на тлеющие бревна и, не будучи в силах отползти, сжарились сами, а другие подползали, чтобы утолить голод сжарившимся товарищем.

С начала, до совершенного разложения армии, французы еще кое-как отстреливались, но когда начали усиливаться морозы (зима 1812 г. была очень сурова), то перестрелка становилась все реже и реже, наконец, и совсем перестала, и нам оставалось только, так сказать, конвоировать их, чтоб они не сбились с дороги. Зато уже и нам никак нельзя было сбиться; их трупы и умирающие образовали такую мрачную аллею, освещенную по ночам пожаром окрестных деревень, что жалость было смотреть и слышать вопли и проклятия, которые отчаяние заставляло извергать этих несчастных; лежачие с отмороженными членами, они умоляли солдат наших приколоть их, чтобы прекратить мучения. У подошвы малейшего пригорка оставались их экипажи, фургоны и пушки, потому что отощалые лошади не могли взвезти. Помню, как при подобном случае, между прочими фурами, французы трудились около одного фургона, разбив крышу фургона, вытаскивали с торопливостью что-то тяжелое. Лейб-эскадрон Павлоградского гусарского полка, шедший впереди, мигом понесся в атаку, забрал конвой обоза в плен, изрубив несколько несдававшихся. В фургоне оказалась казна – бочонки и мешки с наполеондорами.

Таким образом, провожали мы неприятеля, брали тысячами ежедневно в плен, бросая ружья, сдавались они, зная, что в плену не будут голодными.

В Вильне, где находились отдохнуть несколько дней (там был запасный магазин и, кажется, несколько свежего войска), они показали сопротивление; не доходя города, была довольно горячая стычка; раненых и убитых было много; но посланный в обход города наш отряд заставил их очистить город.

В Вильне оставили мы всех раненых своих и неприятельских, равно и пленных, продолжали гнать французов до самой границы Пруссии, чрез которую едва ли прошло 20 тыс. и то большею частию изнеможенных и больных. Эпидемическая горячка, сообщенная ими жителям пройденных ими мест, была последним вредом, нанесенным нашему Отечеству. Так кончилась участь 600-тысячной Великой армии, и к новому 1813 г. не осталось в пределах России ни единого вооруженного неприятеля, чем и совершились знаменательные слова в Манифесте Александра I[10].

№ 12

К.И. Теннер. "Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича от села Детчина до города Вязьмы во время войны в 1812-м году". [1841–1843 гг.]

Автор публикуемых ниже записок военный топограф и геодезист, генерал от инфантерии Карл Иванович Теннер не принадлежал к числу особенно выдающихся деятелей своего времени. О жизни его известно не много. Родился в 1782 г. В 1801 г. определен в свиту е.и.в. по квартирмейстерской части. В 1802 г. произведен в подпоручики. В 1805–1807 гг. в качестве топографа входил в состав посольства Ю.А. Головкина в Китай. С 1807 г. – поручик. В том же году участвовал в войне с Францией, отличившись в сражении под Фридландом. В 1811 г. произведен в капитаны. С начала кампании 1812 г. – обер-квартирмейстер кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова, затем прикомандирован к 8-му пехотному корпусу. Был в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородино, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном. В 1813 г. произведен в полковники, за участие в Лейпцигском сражении награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После войны обер-квартирмейстер 1-го пехотного корпуса, руководил топографической съемкой в ряде губерний. С 1822 г. – генерал-майор, с 1835 г. – генерал-лейтенант, с 1854 г. – присутствующий в Варшавских департаментах Сената, с 1856 г. – генерал от инфантерии. Умер в 1860 г. (Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. 1822–1872. СПб., 1872. С. 67–68).

"Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича..." – единственные дошедшие до нас воспоминания Теннера. По указанию автора, данный текст представляет собой выписку из "Журнала, веденного им во время военных действий".

Возможно, "Журнал" являлся частью более обширного дневника Теннера, ныне утраченного, о существовании которого было известно военным историкам XIX в. В этот дневник он "с необыкновенною пунктуальностью заносил всю свою деятельность изо дня в день, встречи и даже разговоры с разными более замечательными лицами" (*Глиноецкий Н* История русского генерального штаба. СПб., 1883. Т. 1. С. 424).

Однако, судя по содержанию публикуемой рукописи, – это не простая выписка из "Журнала"-дневника, а составленное на его основе вполне самостоятельное произведение мемуарного характера. Сугубо фактический материал, вероятно и в самом деле извлеченный из походного "Журнала", дополнен здесь собственными припоминаниями автора и критическими суждениями в адрес Д.П. Бутурлина и А.И. Михайловского-Данилевского, отрывки из книг которых Теннер неоднократно цитирует. Это в известной мере определяет мемуарно-полемический характер произведения, цель которого, по словам Теннера, состояла в выяснении истинной роли И.Ф. Паскевича в описываемых событиях, недостаточно, по его мнению, подробно раскрытой в исторических трудах о войне 1812 г.

Записки Теннера, по всей видимости, были составлены по просьбе Паскевича, в фонде которого, в РГИА, они в настоящее время и находятся. Рукопись – писарская, подписана Теннером. На полях – карандашные пометы рукой Паскевича. Рукопись датирована Теннером 1841 г. Однако имеющиеся в тексте ссылки на книгу А.И. Михайловского-Данилевского относятся не к первому или второму, а к третьему ее изданию, вышедшему в свет лишь в 1843 г. (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г., по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михай-

ловским-Данилевским. СПб., 1843, Ч. III. 3-е изд.). Следовательно, работа над рукописью могла быть завершена не ранее 1843 г.

Рукопись никогда не публиковалась, каких-либо сведений о ней в литературе не обнаружено. Известно было только о существовании упомянутого выше походного "Журнала" Теннера, который подробно цитировался и пересказывался в книге А.П. Щербатова (*Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб., 1886. Т. 1).

Малоярославское сражение продолжалось 12-го октября в течение целого дня с 5 час. утра до 10 час. вечера. Перед рассветом 13-го октября наша армия заняла другую весьма выгодную позицию по Калужской дороге в двух верстах с половиною от Малоярославца за ручьем Корижнею и с. Немцовым; здесь кн. Кутузов ожидал возобновления битвы. Того же дня генерал-квартирмейстер Главной армии, генерал-майор Толь* приказал мне ехать в с. Детчино и снять там план новой позиции, избранной подполковником Гартингом[1] в 20 верстах от Малоярославца по большой Калужской дороге. Исполнив это поручение, я возвратился 14-го октября назад, но встретил армию в нескольких верстах от Детчино, она расположилась за речкою Путынкою на высотах перед селом Детчиным, куда и перешла главная квартира кн. Кутузова. Авангард армии под начальством генерала Милорадовича остался перед Малоярославцем. В ночи с 14-го на 15-е октября позвали меня к генералу Толю, он сказал мне: "Малоярославское сражение остановило движение неприятеля по новой Калужской дороге; теперь еще неизвестно, куда он обратится, к Калуге или Юхнову. Сейчас кн. Кутузов получил от полковника Иловайского 9-го[2] донесение, что он совершенно разбил близ города Медыни значительную неприятельскую колонну, шедшую из с. Кременского к Медыни. Генерал Тискевич[3], находящийся в числе пленных, взятых Иловайским, объявил, что эта колонна составляла авангард кн. Понятовского, дошедшего с своим корпусом уже до с. Кременского. Это село лежит только в 17 верстах от Медыни на большой дороге, ведущей от Вереи через Медынь в Юхнов и Калугу. Из этого, равно как из донесений, полученных от других легких отрядов, надобно заключить, что неприятель берет свое направление на Медынь. Дабы удержать Медынскую дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушениям неприятеля для ее занятия, командируется генерал-майор Паскевич с 26-й пехотною дивизиею. Вы имеете тотчас явиться к нему и вести его дивизию чрез Полотняные заводы в Медынь".

Подробности следования отряда генерал-майора Паскевича от с. Детчина до Медыни и оттуда до г. Вязьмы не помещены сполна в описаниях войны 1812 г., но эти подробности не без интереса для истории войны 1812 г.; оне могут служить также для биографии нашего великого полководца, кн. Варшавского гр. Паскевича-Эриванского, и потому я счел моим долгом составить нижеданную выписку из журнала, веденного мною во время сказанного следования.

---

* Во время войны в 1812 г. я был капитаном в свите его императорского величества по квартирмейстерской части, что ныне Генеральный штаб, и находился в главной квартире кн. Кутузова при генерал-квартирмейстере генерал-майоре Толе. (*Прим. авт.*)

15-го октября.

В ночи от 14-го на 15-е октября я явился к генералу Паскевичу. Он выступил перед рассветом с своим отрядом из позиции при Детчине. Отряд его составляли полки 26-й пехотной дивизии Ладожской, Полтавской, Орловской и 5-й Егерский, 6 орудий и Нежинский драгунский полк. От кн. Кутузова дано было генералу Паскевичу следующее повеление, от 14 октября за № 235[4].

"Вы назначены следовать к Полотняным заводам на дорогу, идущую из Медыни в Калугу. Прибыв к Полотняным заводам, сделайте привал на 2 часа, следуйте потом к Медыни и, не доходя 15 верст, остановитесь в удобном месте. Казачьи полки Быхалова и Иловайских 9-го и 11-го[4а], находящиеся в Медыне, имеют состоять в Вашей команде. Предмет назначения Вашего заключается в том, чтоб иметь сию дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушению неприятеля, который был бы в равных силах с Вами и имеющего намерение идти по сей дороге в Калугу, для чего давайте, как можно чаще, известия о неприятеле. Если все силы Наполеона оставят новую Калужскую дорогу, в таком случае наша армия перейдет к Полотняным заводам"*.

Около полудня мы прошли 20 верст до Полотняных заводов, лежащих при соединении дорог из Малоярославца и Медыни до Калуги. У Полотняных заводов мы сделали привал на два часа, оттуда до с. Адамовского 13 верст, куда прибыли в глубокой темноте в 9 час. вечера. У этого села, лежащего на большой Калужской дороге, мы остановились на ночь. В "Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г." Бутурлина, перевод генерал-майора Хатова, часть II, стран. 49 сказано[5]:

"Фельдмаршал князь Кутузов, известившись, что один неприятельский корпус (мы уже видели, что оный был князя Понятовского) взял направление к Медыни, отрядил 15-го числа на рассвете генерал-майора Паскевича с 26-й пехотною дивизиею, Нежинским драгунским полком и 18 орудиями для прикрытия Полотняных заводов. Генерал Паскевич получил предписание, достигнув сего селения, повернуть потом по Медынской дороге к с. Адамовскому и остановиться при оном, для поддержания полковника Иловайского 9-го, который с казачьими полками занимал город Медынь".

16-го октября.

Ночью генерал Паскевич получил повеление следовать немедленно к Медыни**; он выступил тотчас с своим отрядом и прибыл к Медыни, что в 14 верстах от Адамовского, в 9 час. утра. Сюда прибыл также генерал-адъютант гр. Орлов-Денисов, получивший начальство над отрядом пол-

---

* *На полях рукописи помета карандашом И Ф. Паскевича*: Кроме того, следующее генерал Коновницын сказал мне: "Вы назначены 1. Дойтить до Полотняной фабрики. 2. Если Вы услышите, что неприятель сопутствует армии, а вы не будете атаковать, то Вы должны [идти] во фланг Большой армии Наполеона. 3. Если Вы не найдете никого, то продолжайте до Медыни и атакуйте там стоящего неприятеля. 4. Если он Вас атакует, то дайте знать, дабы мы могли к Вам итить на помощь".

** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Я имел его, сие повеление, и уже ни от кого не получал повеления.

ковника Иловайского 9-го, находившимся у Медыни*. Гр. Орлов-Денисов отправился отсюда с своим отрядом к с. Кременскому. Генерал Паскевич, получивший повеление подкрепить гр. Орлова-Денисова, выступил также туда с своим отрядом и прибыл с Нежинским драгунским полком в с. Кременское, находящееся в 17 1/2 верстах от Медыни, а 26-я пехотная дивизия ночевала на дороге. Посему генерал Паскевич сделал с своим отрядом 65 верст в течение 36 часов.

В "Описании Отечественной войны в 1812 г." генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, часть III, стран. 326 сказано:

"Расположение воюющих армий и летучих отрядов было 16 октября следующее: князь Кутузов у Полотняных заводов;

Милорадович с авангардом в Егорьевском, на дороге из Медыни в Верею; гр. Орлов-Денисов и Паскевич левее Егорьевского, по дороге к Гжатску" и т.д.

К с. Егорьевскому прибыли гр. Орлов-Денисов и генерал Паскевич 17-го октября, а генерал Милорадович 18-го октября, а не 16-го.

17-го октября.

Утром прибыли в с. Егорьевское генерал-адъютант гр. Орлов-Денисов с своим отрядом и генерал Паскевич с Нежинским драгунским полком, 26-я пехотная дивизия дошла до Егорьевского после полудня. Это селение находится в 29 верстах от Медыни. Гр. Орлов-Денисов расположился с своим отрядом за Егорьевским по дороге к Можайску; генерал Паскевич остался в Егорьевском, отрядив от себя Нежинский драгунский полк на подкрепление гр. Орлову-Денисову**.

От с. Егорьевского идет большая дорога чрез Можайск до Гжатска. На столистовой карте, коею я руководствовался при марше отряда генерала Паскевича, не было означено никакой другой дороги от Егорьевска до Гжатска; но так как дорога чрез Можайск делает большой круг, то генерал Паскевич поручил мне узнать, нет ли другой ближайшей до Гжатска. От собранных проводников я узнал, что чрез селения Левино, Якушино, Сосновцы, Острилово, Губино, Ботова, Красная, Марина, Детлево и Никольское идет прямая проселочная дорога до Гжатска, удобная для прохода артиллерии и обозов. По показаниям проводников по этой дороге Гжатск отстоит от Егорьевского только в 59, а по большой дороге чрез Можайск в 95 верстах, посему проселочная дорога короче 26 верстами. Один из этих проводников ездил несколько дней тому назад по сказанной проселочной дороге в с. Никольское; он объявил, что она, так же как и мосты по ней, находятся в хорошем состоянии. Некоторые из вышеназванных деревень были означены на столистовой карте, по коим я

---

* *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Я застал гр. Орлова, уже взявшего командование и подвинувшегося к Кременскому.

** В "Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г." Бутурлина, перевод генерал-майора Хатова, ч. II, стран. 53 сказано: "17-го октября генерал Милорадович с авангардом и генерал-майор Паскевич с своим отрядом подвинулись к селу Егорьевскому". Генерал Милорадович прибыл с авангардом в с. Егорьевское 18-го октября, а не 17-го. (*Прим авт.*)

начертил направление проселочной дороги на этой карте. Когда я доложил о сем генералу Паскевичу, он долго рассматривал направление обеих дорог на карте и сказал: "Большая дорога чрез Можайск, по которой неприятель отступает, идет чрез места, совершенно разоренные войною, неприятель уничтожает, после своего прохода, все мосты для замедления преследования; сверх сего он так далеко впереди нас, что трудно будет его догнать, и потому необходимо надобно избрать проселочную дорогу для нашего марша. Чрез это выигрывается еще то, что мы пойдем местами, менее пострадавшими от войны".

Чтобы известить о сем генерала Милорадовича, находящегося с авангардом армии на пути к с. Егорьевскому, генерал Паскевич решился остановиться здесь сего числа.

18-го октября.

В 10 час. утра прибыл в с. Егорьевское генерал Милорадович с авангардом армии. Войска, составлявшие авангард, были: 2-й кавалерийский корпус под командою генерал-адъютанта Корфа, 4-й кавалерийский корпус под командою генерал-адъютанта Васильчикова, 2-й пехотный корпус под командою кн. Долгорукова[6], 4-й пехотный корпус под командою гр. Остермана, артиллерия, принадлежащая к этим корпусам, и 5 казачьих полков под командованием генерал-майора Карпова.

Немедленно по прибытии Милорадовича генерал Паскевич явился к нему. Я провожал его. Всем проводникам, хорошо знающим проселочную дорогу до Гжатска, я приказал прибыть к квартире Милорадовича. У него были генерал Ермолов, начальник Главного штаба армии, и генерал-адъютант Корф и Васильчиков. Намерение Милорадовича было следовать за движением неприятельской армии, то есть идти отсюда на Можайск и потом по Смоленской столбовой дороге. Генерал Паскевич, изъяснив им по карте направление обеих вышеупомянутых дорог от Егорьевского до Гжатска, предложил сделать фланговый марш по проселочной дороге, изложив вместе с тем все выгоды, доставляемые этим боковым движением. Но мнения Ермолова и Корфа были противны этому предложению. Главное их возражение состояло в том, что по проселочной дороге могут случиться, особливо в так позднее время года, большие остановки и затруднения. На что отвечал генерал Паскевич, что и по большой дороге будут остановки, потому что неприятель, после своего прохода, уничтожает все мосты, и т.д. Потом генерал Паскевич приказал позвать всех проводников, и я их расспрашивал в присутствии Милорадовича. Они единогласно объявили, что артиллерия и обозы пройдут беспрепятственно по сказанной проселочной дороге. Но прения о сем предмете продолжались еще.

Наконец, Милорадович принял предложение генерала Паскевича. Он приказал ему выступить немедленно по проселочной дороге к Гжатску, объявив вместе с тем, что он пойдет с авангардом армии по той же дороге за дивизиею Паскевича.

Получив это приказание, генерал Паскевич выступил тотчас с своею дивизиею. Мы сделали сего числа 27 верст и остановились на ночь в

деревне, лежащей в 5 верстах за г. Губиным; название этой деревни не ясно написано в моем журнале.

В "Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г." Бутурлина, перевод генерал-майора Хатова, часть II, стран. 54 сказано:

"Генерал Милорадович намеревался было продолжать свое движение к сему же монастырю (Колоцкому), но полученное им известие, что неприятель уже достигнул оного, побудило его переменить свое направление влево, дабы стараться нагнать неприятельский арьергард у Гжатска. Вследствие сего повернул он чрез деревню Сосновец к селу Головину, при коем имел ночлег. Генерал-майор Паскевич равномерно прибыл к Головину".

Генерал-адъютант Михайловский-Данилевский в "Описании Отечественной войны в 1812 г.", часть III, стран. 337 говорит:

"Князь Кутузов приказал Милорадовичу, с пехотными корпусами князя Долгорукова и гр. Остермана, двумя кавалерийскими Корфа и Васильчикова и казачьим отрядом Карпова, следовать из Егорьевского на Головино, между армиею и Смоленскою дорогою, сблизиться к сей дороге около Гжатска и потом, идучи подле нее в направлении к Вязьме, пользоваться всеми случаями, удобными для нападения на неприятеля".

Здесь Бутурлин и Михайловский-Данилевский несогласны между собою: первый приписывает фланговый марш авангарда армии от Егорьевского Милорадовичу, последний – кн. Кутузову. Но из моего рассказа видно, что Милорадович предпринял этот марш не по повелению кн. Кутузова, но по предложению Паскевича, *единственного виновника* сего важного бокового движения, последствием коего было Вяземское сражение.

Бутурлин говорит, что Милорадович повернул от Егорьевского чрез дер. Сосновец к с. Головину, при коем имел ночлег; Михайловский-Данилевский пишет, что Милорадович следовал из Егорьевского на Головино; но по моему журналу, на проселочной дороге от Егорьевского до Гжатска не имеется вовсе села под названием Головина. Я полагаю, что это должно быть с. Губино, лежащее в 22 верстах от Егорьевского.

19-го октября.

Генерал Паскевич выступил с своею дивизиею, утром, перед рассветом, к дер. Ботовой, лежащей в 14 верстах, где мы имели привал. Во время нашего марша мы видели близь дороги вооруженных всадников, поодиночке стоящих на высотах, как будто ведеты, это были крестьяне. Там приехал к нам верхом, на хорошей лошади, человек средних лет в простом драгунском мундире с французскою каскою на голове. Явившись к генералу Паскевичу, он сказал: "Честь имею явиться к вашему превосходительству Киевского драгунского полка рядовой Ермолай Васильевич, командир полка вооруженных крестьян. В моем полку все благополучно: в оном состоит налицо больше 1500 людей и т.д.".

С удивлением мы слушали эти слова. Ермолай Васильевич рассказал нам, что два месяца тому назад он попался с своею раненною лошадью в плен, из которого освободили его здешние крестьяне. Вылечив свою лошадь, он остался здесь у крестьян, в неизвестности, где находится

Киевский драгунский полк и наша армия. Это вылеченная лошадь была та самая, на которой он ехал. Он обучал здешних крестьян фронтовой службе, чтобы защищаться от нападений неприятельских партий.

Крестьяне, очень довольные этими распоряжениями, избрали его, в знак благодарности, своим *командиром*. Он употребил вооруженных крестьян, имевших лошадей, для рассылки патрулей и для выставления ведетов, так что он всегда заблаговременно был уведомлен о приближении неприятельских фуражиров. Верховые крестьяне, коих мы сегодня видели близь дороги, были ведеты, выставленные Ермолаем Васильевичем. Он взял в плен множество неприятельских фуражиров и *миродеров*. По невозможности кормить этих пленных и иметь за ними надзор крестьяне их убивали[7].

Крестьяне были вооружены саблями, ружьями или пистолетами, иные также пиками и косами; некоторые из них были в французских мундирах и плащах. Ермолай Васильевич окончив свой рассказ и откланявшись, сказал преважно: "Еду в мой полк".

С самодовольствием рассказывали мне здешние крестьяне множество кровавых и варварских своих подвигов, из числа коих я сообщу следующий. Неприятельские кирасиры в числе 19 человек въехали в деревню на фуражировку. Эта деревня имела только одну улицу. Между тем как кирасиры грабили дома, крестьяне завалили оба выхода деревни, а потом вместе с несколькими казаками, кои случайно находились там тогда, атаковали кирасиров. Французы поскакали назад, но, нашедши улицу загороженною и увидев казаков, полагали себя окруженными и послали *толмача*, чтобы просить *пардону* (собственные слова крестьянина), на что крестьяне и согласились. Обезоружив кирасиров, они заперли их в баню, отдельно стоявшую, и потом сожгли ее. "Только одному удалось выскочить из огня, – прибавил крестьянин, рассказывавший мне это происшествие, – но мы бросили его опять в пламя".

От Ботовы мы прошли 7 верст до дер. Красной. Здесь получил генерал Паскевич неожиданно повеленис от кн. Кутузова соединиться опять с Главною армиею[*,8]. Эта бумага были получена уже за несколько дней в главной квартире Милорадовича, где забыли ее отправить к генералу Паскевичу. Так как после отправления сего повеления из главной квартиры кн. Кутузова военные обстоятельства переменились и армия находилась на пути к Вязьме, куда и мы шли, то Милорадович и Ермолов приказали Паскевичу продолжать свой марш на Гжатск впереди авангарда Милорадовича. Сей последний прибыл сего числа с авангардом армии к дер. Красной.

Вечером, расспрашивая проводников, я узнал, что от с. Никольского, лежащего на большой дороге от гор. Юхнова до гор. Гжатска, идет прямая проселочная дорога, удобная для прохода артиллерии и обозов, через с. Воронцово до столбовой Смоленской дороги у Царева Займища. Это место отстоит от с. Никольского по проселочной дороге только в 13, а по дороге через Гжатск в 27 верстах, посему, идя через Гжатск, мы

---

[*] *На полях рукописи помета карандашом И Ф. Паскевича*: Генералу Раевскому я обязан сим, был он у Кутузова и выпросил, чтобы меня воротить назад.

сделали бы 14 верст лишних. Когда я доложил о сем генералу Паскевичу, он нашел нужным вовсе не идти на Гжатск, но продолжать наш марш в неприятельском фланге от с. Никольского прямо на Воронцово. Он поручил мне доложить о том Милорадовичу, который согласился на предложение Паскевича, и сей последний получил приказание идти с своею дивизиею на Воронцово. Посему продолжение движения авангарда генерала Милорадовича от Никольского во фланге неприятеля было также делом генерала Паскевича.

20-го октября.

Генерал-майор Паскевич выступил с своею дивизиею перед рассветом и прибыл после полудня в Воронцово, находящееся в 23 верстах от дер. Красной. Воронцово лежит на открытом месте в 4 верстах от столбовой Смоленской дороги и в 6 верстах от Царева Займища. Из Воронцова мы увидели неприятельские колонны, тянувшиеся по столбовой дороге к Вязьме; эти колонны принадлежали, как мы после узнали, к корпусу вице-короля Итальянского, шедшего перед французским арьергардом, состоявшим под начальством Даву. Сей последний не дошел еще до Гжатска, посему мы его опередили здесь фланговым нашим движением от Егорьевского почти на целый марш. Этим выгодным обстоятельством надобно было воспользоваться, чтобы напасть на неприятеля во время его марша. Генерал Паскевич, сделав о том донесение Милорадовичу, отправил офицера с этою бумагою. Авангард армии шел за дивизиею Паскевича по той же проселочной дороге от дер. Красной на Воронцово, куда должна была перейти сего числа главная квартира Милорадовича.

Вскоре после нас прибыл в Воронцово принц Евгений Виртембергский, но без дивизии, которая была еще назади. Он был совершенно мнения генерала Паскевича касательно нападения на неприятеля и советовал ему приближиться с 26-й дивизией к Смоленской дороге. Генерал Паскевич вел свою дивизию ближе к неприятелю до дер. Хамылковы, отстоящей в двух верстах с половиною от столбовой дороги. Сюда прибыл генерал-адъютант Васильчиков, но без кавалерийского корпуса, состоявшего у него в команде, который оставался еще назади. И Васильчиков был того же мнения, что надобно сделать нападение на французов.

Паскевич не имел кавалерии, Васильчиков взял на себя просить генерал-адъютанта Корфа, прибывшего с своим кавалерийским корпусом, отрядить к генералу Паскевичу несколько кавалерий.

Корф откомандировал к нам генерал-майора Панчулидзева[9] с одним кавалерийским полком. В нескольких верстах от нас 70 казаков бросились на столбовую Смоленскую дорогу и выхватили оттуда пять неприятельских повозок с поклажею. Генерал Паскевич приказал мне и адъютанту своему, Бородину, подъехать для рекогносцировки к Смоленской дороге. Мы остановились в близком расстоянии от этой дороги; по ней тянулись большею частию обозы и артиллерия, между коими шли толпою и в величайшем замешательстве небольшие отделения пехоты и кавалерии, в числе коих были и безоружные. Возвратившись, мы сделали о том донесение генералу Паскевичу.

Наступил, наконец, вечер. Генерал Паскевич не получил ответа от Милорадовича. Это произошло, как мы после узнали, по следующей причине: Милорадович, получив на пути к Воронцову донесение, что в этом селении, пострадавшем от пожара, не было достаточно квартир для помещения его главной квартиры, выбрал для сего другое, в стороне лежащее селение и отправился туда, не уведомив о том Паскевича. По этому случаю офицер, посланный с вышеупомянутым донесением Паскевича к Милорадовичу, не мог его тотчас отыскать.

В моем журнале написано, что Милорадович остановился с своею главною квартирою в дер. Лешове; но на карте не имеется деревни под этим названием близь Воронцова.

Ночью генерал Паскевич получил повеление от Милорадовича возвратиться в Воронцово*.

21-го октября.

Утром рано Даву прошел с арьергардом, посему благоприятная минута напасть на него во время марша была потеряна. Сего числа генерал Паскевич получил от Милорадовича предписание присоединиться с своею дивизией к Платову для преследования неприятельского арьергарда. Платов шел с своими казаками по пятам неприятельского арьергарда от Колоцкого монастыря. Сего числа утром Паскевич присоединился к нему у Царева Займища**.

В "Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г." Бутурлина, перевод генерал-майора Хатова, часть II, стран. 62 сказано:

"20 октября генерал Платов расположился в Гжатске, где и присоединился к нему генерал-майор Паскевич с 26-й пехотною дивизиею".

Милорадович продолжал фланговый марш на с. Спасское. По соединении с Платовым мы шли по столбовой Смоленской дороге. Мертвые тела, павшие лошади, обломки оружия, остатки взорванных зарядных ящиков, сломанных и сожженных обозов означали на этой дороге следы французской армии.

Мы взяли несколько пленных и одну на дороге оставленную пушку. Ночью в глубокой темноте мы остановились в лесу у сгоревшей дер. Теплухи, лежащей на столбовой дороге в 30 верстах от Вязьмы.

22-го октября.

Генерал Паскевич, выступивший перед рассветом с своею дивизиею, поспешил по Смоленской дороге вперед, дабы догнать неприятельский арьергард, отступивший уже ночью.

Отойдя около 10 верст, генерал Паскевич получил от Платова повеление атаковать неприятельский арьергард. Вместе с тем он уведомил Паскевича, что Милорадович сделает сего числа со всеми войсками, состоящими у него под командою, нападение на французской арьергард; для

---

* *На полях рукописи помета карандашом И.Ф Паскевича*: И выговор, зачем при протчем я (*и далее слово неразборчиво*) послушайся – атаковать неприятеля. "Я думал, что Вы сего не сделаете".

** *На полях рукописи к этой фразе помета карандашом И Ф Паскевича*: Фальшиво.

поддержания сего нападения он, Платов, атакует неприятеля с правой стороны столбовой дороги, а Паскевич должен был его теснить по самой дороге. Последствием этих распоряжений было сражение при Вязьме.

При получении повеления Платова мы еще не догнали неприятеля. До нас доходили отдаленные пушечные выстрелы, из чего надобно было заключить, что Милорадович вступил уже в дело с неприятелем. Генерал Паскевич, увидев из сего необходимость атаковать как можно скорее неприятеля, дабы замедлить его отступление и воспрепятствовать ему употребить все свои силы против Милорадовича*, приказал посадить 400 чел. 5-го Егерского полка верхом сзади казаков, подвинуться им вперед на рысях и следовать за ними 6 орудьям легкой артиллерийской роты № 47.

Догнав хвост неприятельского арьергарда, Паскевич остановил свой отряд и поскакал на близлежащую высоту для обозрения неприятельской позиции. Перед нами стояли две неприятельские пехотные колонны, одна на столбовой дороге, с одною пушкою, другая с правой стороны дороги у опушки малого леса. Заметив, что эти колонны были в значительном расстоянии от прочих неприятельских сил, Паскевич решился пользоваться сим обстоятельством, то есть разбить сии колонны, прежде чем успели им подать помощь. Для сего нам надобно было действовать с быстротою. Он приказал артиллерии занять тотчас высоту в 350 шагах от этих колонн, от коих нас отделяла небольшая лощина. Казаки получили приказание стать во фланг этих колонн с левой стороны дороги и атаковать, когда они будут приведены в расстройство огнем нашей артиллерии**. Егеря сформировали у подошвы высоты на столбовой дороге колонну к атаке. Артиллерия наша открыла сильный картечный огонь. Неприятельская пушка была тотчас подбита. Казаки бросились в атаку, но слишком рано; они были остановлены неприятельскими ружейными выстрелами. Вскоре после того обе неприятельские колонны были приведены картечным огнем в совершенное расстройство, в эту минуту Паскевич приказал егерям ударить в штыки; тогда же бросился в атаку один дивизион Каргопольского драгунского полка, подошедший к нам и находившийся у нас на правом фланге. Обе колонны были почти совершенно истреблены, и только малая часть их спаслась бегством***. Храбрый капитан, командовавший драгунами, был убит в атаке. Мы взяли несколько пленных и подбитую пушку.

В "Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г." Бутурлина, перевод генерал-майора Хатова, часть II, стран. 65 сказано:

"Генерал Платов с своей стороны также атаковал арьергард маршала Даву, еще не прошедший чрез село Федоровское, с друмя бригадами 26-й пехотной дивизии, Нежинским и Курляндским драгунскими полками теснил неприятеля к Федоровскому по большой дороге, между тем как генерал

---

* *На полях рукописи помета карандашом И Ф Паскевича*: Не так выражено.

** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Казаками сими Платов не располагал.

*** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Это правда. Колонны французов могли иметь до 2 тыс. чел.

Платов со всеми казачьими полками и егерскою бригадою 26-й дивизии угрожал обойти левый фланг его".

22-го октября в 26-й дивизии находились полки: Ладожский, Полтавский, Орловский и 5-й Егерский, а Нежинский и Курляндский драгунские полки не состояли в команде генерала Паскевича*.

В с. Федоровском, лежащем на столбовой Смоленской дороге в 12 верстах от Вязьмы, Даву защищался упорно; но, принужденный отступить, он потерял здесь множество обоза.

Вяземское сражение началось с самого утра 22-го октября. Генерал Паскевич, прошедши чрез Федоровское и присоединив к себе полки своей дивизии, оставшиеся назади, вступил с ними также в Вяземскую битву. Подробности этой битвы известны; я упоминаю здесь только о взятии самого города.

Корпус вице-короля Итальянского, кн. Понятовского** и Даву, теснимые Милорадовичем, отступили и заняли, наконец, позиции на высотах перед самым городом. Милорадович, выбив их уже из двух позиций, стал с своими войсками против них. Дивизия Паскевича была с правой стороны столбовой дороги и в боевых колоннах, имея перед фронтом застрельщиков Ладожского пехотного полка. В позиции перед городом открылась с обеих сражающихся сторон сильная канонада, продолжавшаяся более часа. Наконец, Милорадович приказал Паскевичу взять город***.

Для исполнения сего оставалось мало времени, ибо вечер приближался. Паскевич, получивший это приказание, сделал тотчас свои распоряжения для приступа, и повел сам с барабанным боем колонны своей дивизии к атаке. Неприятель осыпал нас ядрами и гранатами****. Паскевич, подле которого я ехал, распоряжал движением своих колонн с удивительным хладнокровием и осмотрительностью.

Неприятель, увидев, что он не может остановить нашего натиска, поспешно вошел в город. Колонны Паскевича ворвались туда же. Из домов, занятых неприятелем, открыли сильный ружейный огонь; но это не остановило генерала Паскевича. По улицам города неприятеля гнали штыками, засевших в домах истребили или взяли в плен*****. Город загорелся во многих местах. Было уже темно, когда мы дошли до моста чрез речку Вязьму, он был сломан. Сюда прибыл также генерал-майор Чеглоков[10], ворвавшийся с своею дивизиею в город с другой стороны******.

---

* *На полях рукописи помета карандашом И Ф Паскевича*: Но был 45-й Егерский в 1200 чел.

** *На полях рукописи помета карандашом И Ф Паскевича*: Князя Понятовского не было, но были корпусы (*далее одна фамилия неразборчиво*) Богарне и Нея.

*** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Не Милорадович, а Платов, ибо я с Милорадовичем не был в команде.

**** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Очень мало, ибо у него только четыре орудия были.

***** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф Паскевича*: Колонна шла вперед, а оставшийся неприятель позади был после взят в полон.

****** *На полях рукописи помета карандашом И.Ф. Паскевича*: Мост не был сломан, иначе мы бы не перешли.

У заставы, за речкою Вязьмою, неприятель встретил нас в темноте сильным ружейным огнем, его прогнали тотчас оттуда.

Генерал Паскевич взял в плен в городе около 700 чел., в числе их, по словам Бородина, адъютанта Паскевича, был один генерал, которого, однако ж, в ярости битвы закололи.

Мы остановились у столбовой дороги близ заставы за речкою Вязьмою.

23-го октября.

Бивак наш подле столбовой дороги, у западной части города, превратился в настоящий рынок: солдаты продавали свою вчерашнюю добычу – пистолеты, сабли, часы, серебренные ложки, платья и т.п. После полудня генерал Паскевич получил повеление выступить с своею дивизиею к с. Быкову, находящемуся в 8 верстах от Вязьмы, для соединения с Главною армиею, прибывшею туда накануне вечером. Здесь кончилась моя временная командировка, и генерал-квартирмейстер армии генерал-майор Толь назначил меня опять состоять при нем.

Генерального штаба генерал-лейтенант Теннер

Город Дубно,
1841 года.

№ 13

М.А. Баталин. Письмо к А.В. Висковатому с воспоминаниями о М.Б. Барклае де Толли. 29 июня 1853 г., Москва

Матвей Андреевич Баталин (ум. в 1855), русский военный врач. Происходил из обер-офицерских детей, обучался в Крутицкой духовной семинарии, в 1790 г. окончил училище при Московском военном госпитале, служил затем подлекарем и лекарем в кирасирских и гренадерских полках. С 1801 г. – штаб-лекарь и старший лекарь 3-го Егерского полка, где сблизился с его командиром М.Б. Барклаем де Толли, участвовал с полком в войне с Францией 1806–1807 гг. Когда весной 1807 г. М.Б. Барклай де Толли стал командующим 6-й пехотной дивизией, перешел в нее дивизионным доктором и в период русско-шведской войны 1808–1809 гг. находился на театре боевых действий в Финляндии. Оставался при Барклае де Толли и во время пребывания его на посту Военного министра и в ходе Отечественной войны, в которой участвовал в качестве корпусного доктора. Как личный врач и доверенное лицо главнокомандующего 1-й Западной армией входил в круг ближайших его сотрудников и неотлучно состоял при Барклае де Толли после того, как тот покинул 22 сентября 1812 г. в Тарутине главную квартиру армии. В личном архиве Баталина сохранилось письмо к нему М.М. Тучковой – вдовы погибшего в Бородинском сражении генерала А.А. Тучкова – от 2 августа 1848 г., в котором она вспоминает о тесных отношениях Баталина с семьей покойного полководца и с его старшим адъютантом в 1812 г. А.А. Закревским (РГИА. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2). В походе 1813 г. Баталин отличился в сражениях под Люценом и Бауценом, по окончании наполеоновских войн состоял штаб-доктором Гренадерского корпуса и генерал-доктором 1-й армии. В 1832 г. вышел по болезни в отставку (*Змиев Л Ф* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1. С. 18; РГИА. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 10).

Адресат публикуемого письма – известный военный историк Александр Васильевич Висковатов (1804–1858), один из составителей и редакторов (совместно с А.И. Михайловским-Данилевским) шеститомного издания биографий русских генералов, сражавшихся в войнах с Наполеоном 1812–1815 гг. Для этого издания Висковатов в конце 1840-х годов написал биографию Барклая де Толли (Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. Военная галерея Зимнего Дворца. СПб., 1849. Т. V), но и после ее выхода в свет продолжал интересоваться деятельностью полководца, собирая о нем исторические материалы. Воспоминания Баталина явно написаны по просьбе Висковатова и были рассчитаны исключительно для его сведения, чем объясняется и избранная автором их эпистолярная форма.

В дошедших до нас частях архива Висковатова (ОР РГБ. Ф. 53; ОР РНБ. Ф. 147) подлинники письма Баталина не обнаружены. Текст его сохранился в копии, приложенной к записи сыном А.В. Висковатова – К.А. Висковатовым устных воспоминаний о Барклае де Толли сотрудника его штаба в 1812–1813 гг. А.Л. Майера (см. настоящее издание, с. 177), и находится в архиве журнала "Русская старина" в РО ИРЛИ. К.А. Висковатов предполагал, видимо, напечатать здесь по этой копии письмо Баталина, которое, однако, так и не было опубликовано, оставаясь до сих пор вне поля зрения историков.

Оно содержит некоторые неизвестные ранее сведения о знаменитом полководце в последние 11 лет его жизни. Как непосредственный очевидец, много лет наблюдавший за Барклаем де Толли в самых разных ситуациях, Баталин раскрывает характерные черты его личности, нравственного облика и житейского поведения. Баталин сообщает интересные детали о мало освещенном мемуарными источниками свидания Александра I во время его проезда через Мемель 25 и 26 марта 1807 г. с тяжело раненным в сражении под Прейсиш-Эйлау Барклаем де Толли, свидании, которое положило начало его стремительной военно-административной карьере. Существенны любопытные подробности о кратковременном пребывании Барклая де Толли в Москве после освобождения ее от французов, о хладнокровии, проявленном им при взятии Парижа в 1814 г., и т.д.

Воспоминания Баталина представляют несомненную ценность и как одни из немногих мемуаров русских военных врачей – участников Отечественной войны и заграничных походов. До последнего времени из этого рода произведений были известны только воспоминания о ранении и смерти П.И. Багратиона лечивших его докторов Гангарта и Я.И. Говорова (Сын Отечества. 1813. № 39. С. 14–21; *Говоров Я И.* Последние дни жизни князя П.И. Багратиона. СПб., 1815).

После Пултусского сражения[1] я отправлен был шефом 3-го Егерского полка г-ном генерал-майором Барклай де Толли как старший полковой медик из местечка Остроленко в г. Гродно с ранеными 28-ю штаб- и обер-офицерами и рядовыми и приказано мне явиться г-ну Обрезкову[2] и просить его о хорошем помещении и продовольствии посылаемых раненых и велено уведомить г-на Обрезкова, что 3-й Егерский полк в сражении при Пултуске оказал особенное отличие, а потому и заслуживают лучшее помещение и попечение, причем он мне сказал, что после таковой великой битвы нельзя ожидать вскоре сражения, а потому и отделяет меня отсюда с больными и чтобы я без позволения его больных, со мною отправленных, никому не отдавал, а имел бы пользование и присмотр сам за ними. Провожая меня из кабинета на крыльцо, имел одну ногу, обутую в сапог, а другую – в туфлю и, увидя денщика, мажущего экипаж, спросил: "А нет

ли чего-нибудь у него поесть?" На что тот отвечал, что имеет моченые сухари, и на вопрос, нет ли мяса, говорил в ответ, что есть свиное сало, что и приказал себе подать, сам я выставляю его о подчиненных заботливость и неразборчивость в пище. Откомандировка сия была причиною, что полученная генералом Барклаем де Толли по окончании Прейсиш-Эйлауского сражения[3] рана была в небытность мою, а уведомил меня о сем бывший его адъютант Бартолемей[4] с приказанием шефа полка сдать больных в Гродненский войсковой госпиталь и явиться в г. Мемель, куда я тогда же и отправился и, прибыв туда, нашел, что рана была между плечом и локтем в средине правой руки от пули навылет и была перевязываема прусским врачом; раненая рука, слабо связанная, лежала в сделанном из картона корытце и перевязкою не была достаточно укреплена, отчего при каждом движении раздраженные кости причиняли жестокую боль, хотя я советовал сделать перевязку, укрепив лубками, но на сие прусский хирург не согласился, он предлагал сделать ампутацию, что подтвердили и другие прусские хирурги и медики, выводя заключение, что от большой ежедневной потери материи и крови может получить изнурительную лихорадку и может кончить жизнь прежде, нежели отделятся раздробленные кости и заживет рана; я против сего сделал возражение, что сложный перелом кости не есть показание к отнятию члена, а как вскоре в Мемеле ожидали прибытия государя императора Александра и при нем, наверное, находиться будет Главной армии медицинской инспектор Яков Васильевич Вилье[5] и он, увидя рану, наверное, сделает заключение, что рана излечится без ампутации и генерал останется с рукою. Вскоре после того с прибытием государя императора прибыл и г-н Вилье, к коему я явясь, объяснил настоящее положение имеемой генералом раны, а он, выслушав мое объяснение, приказал изготовить нужные инструменты и должную перевязку, что у меня было уже заготовлено, ибо я был уверен, что ампутации не будет, а потому и приготовил, кроме лубков и бинтов, и прочие к перевязке служащие принадлежности. Вскоре после того, прибыв к раненому генералу, г-н Вилье приказал мне развязать перевязку и, осмотря, нашел, что перевязка сделана слабо и отверстие раны для свободного выхода материи и отделившихся раздробленных костей недостаточно велико, сделал разрез на наружной стороне от плеча к локтю, причем вынул три небольшие косточки, после, обложив лубком, приказал мне сделать соответствующую перевязку и поручил мне дальнейшее лечение, во время коего я вынул из раны 32 косточки; по сделании операции того же дня, часу в 8-м вечера, когда Барклай де Толли, сидя за столом, читал книгу, причем были сын его и я, также занятые чтением, увидели, что в дверь вошел его императорское величество государь император Александр Павлович; генерал, увидя его, желал встать, но не мог, и государь, подойдя к нему и положа руку на голову, приказал не беспокоиться и спросил, кто с ним находится, на что генерал отвечал, что сын его и полковой медик; потом спросил, как он чувствует себя после операции, и требовал объяснения бывшего Прейсиш-Эйлауского сражения, чему генерал сделал подробное объяснение. По окончании сего государь изволил спросить, не имеет ли он в чем нужды, на что он донес, что не имеет, а так как объявлен ему в тот день чин генерал-лейтенанта, посему

он обязан еще сие заслуживать. Во все время бытности государя супруга генерала была в нише, задернутом пологом, и слышала все происходившее и, когда государь изволил выйти, она тотчас встала с кровати и, подойдя к генералу, с упреком ему выговаривала, что он скрыл от государя свое недостаточное состояние, и генерал, желая остановить неприятный ему разговор, сказал, что для него сноснее перенести все лишения, нежели подать повод к заключению, что он недостаточно награжден государем и расположен к интересу. После сего, недели через 4, можно бы было, по мнению моему, сделать переезд в Лифляндскую его деревню, но, не имея чем расплатиться с хозяином дома за квартиру и содержание, ожидал присылки денег от двоюродного брата своего рижского бургомистра Барклая де Толли[6] и, получа оные, весной отправился в Ригу, откуда в имение свое Бекгоф, где и находился до выздоровления. По заживлении раны явился он в С.-Петербург, где поручена ему в управление 6-я пехотная дивизия, с коею он отправился из Минска через С.-Петербург в Шведскую Финляндию: войдя в оную и дойдя до г. Кеспию, имел с неприятелем сражение и, возвратясь из Роуталомби, сделался болен и по сей причине отправился для пользования в С.-Петербург. Потом, как вам известно, возвратился в Финляндию, сделал переход через Кваркен и был впоследствии в оной главнокомандующим.

В 1812-м г. ретируясь от Вильни до Тарутина, не уважая расстроенного своего здоровья, находился при армии; тут, ослабев и изнемогая, вынужден был оставить армию и отправился через Калугу, Рязань и Владимир в Москву, куда прибыл на 8-й день по выступлении из оной французов, и, по отдохновении нескольких дней, пошел с бывшими при нем адъютантами осматривать Кремль и, дойдя до Никольских ворот, увидел, что башня взорвана по самой образ Св. Николая, но стекло, находившееся в киоте у задника, было цело, послал одного из адъютантов к гр. Ростопчину, советуя поставить к воротам караул для сбережения уцелевшего стекла[7].

Из Москвы отправился в лифляндское имение свое Бекгоф, отправив адъютантов своих к армии, оставил только меня при себе, где и пробыл до выздоровления. По требовании государя императора он отправился в С.-Петербург, и с ним, кроме меня, никого из чиновников не было[8]. Не застав государя в С.-Петербурге, отправился к армии и, найдя государя в г. Плотск, получил повеление принять от адмирала Чичагова армию, после сего некоторые из г-д генералов говорили ему, что он командовал армиями, а г-на Чичагова корпус не имеет числа людей полной дивизии, на что Барклай де Толли им сказал: "Я служу отечеству и государю, и когда государь находит меня способным командовать 100-тысячною армиею, то я обязан командовать, а когда поручают мне в командование 100 чел., то я не должен отказаться". Вступив в командование армиею г-на Чичагова, взял г. Торн и, идя к Бауцену, у Кенигсварта разбил идущие на Берлин французские корпуса и присоединился при г. Бауцене к армии. Прочее командование его армиею вам известно. По взятии Парижа фельдмаршал поехал ночевать в Бонди, где один из адъютантов в бытность мою при нем докладывал, что под домом положены бомбы, на что хладнокровно он ему сказал, чтобы приказал нескольким гренадерам снять обувь и вынести их оттуда и положить на землю, в безопасном месте потихоньку, потом

открылось, что это были не бомбы, а кегельные шары, на что он сказал, что у страха глаза велики. Во время занятия дома матери Наполеона квартирою некоторые из союзных войск хотели воспользоваться из дому экипажами, о чем он узнав, приказал всех со двора выгнать и сказал, что, где занимает квартиру русский фельдмаршал, не только экипажа, но нитки не должно пропасть. Смерть последовала ему от органического повреждения в сердце, что показало вскрытие при бальзамировании; и, проезжая через Пруссию, желал достигнуть Карлсбадских вод г. Тильзита и, не доехав станции, по дороге в помещичьем доме, причем меня не было.

№ 14

"Воспоминание о 1812-м годе". [1860 г.]

"Воспоминание" дошло до нас в подборке исторических материалов об Отечественной войне из фонда В.Ф. Джунковского – в составе отпечатанного на машинке очерка Н.И. Соловьева "Из Подмосковных народных преданий и летописных сказаний о войне 1812-го г." (Л. 36–42). В конце очерка подпись "Член Императорского Военно-исторического общества (по Киевскому отделу), коллежский советник Н. Соловьев. 6-го марта 1910 г. С. Вороново". "Воспоминание" предварено пояснением автора очерка: «Продолжим народные сказания, относящиеся к войне двенадцатого года. Перед нами старинная рукопись, написанная довольно четко не вполне грамотным лицом. Озаглавлена она так: "Воспоминание о 1812-м г." 〈...〉». После его текста – заключающие слова Соловьева: "Таково сказание деда, пережившего лихую годину французского года, записанное внуком полстолетие тому назад". В той же подборке исторических материалов о 1812 г. находятся еще две идентичные публикуемому тексту машинописные копии "Воспоминания" (Л. 34–35 об., 43–44 об.).

Совершенно очевидно, таким образом, что Соловьев располагал затерянным ныне автографом записи неизвестным нам крестьянином рассказов об Отечественной войне своего деда. Запись, сделанная "полстолетие тому назад", когда самому деду-рассказчику было около 70 лет, датируется 1860 г. Судя по указанию Соловьева на место составления его очерка – "С. Вороново", принадлежавшее в 1812 г. Ф.В. Ростопчину, вблизи которого – в селе Васюнино Подольского уезда – жила тогда и семья рассказчика, автограф записи хранился до 1910 г. в этих же местах у его потомков.

В начале XX в., в преддверии приближавшегося 100-летнего юбилея Отечественной войны, деятели исторических обществ, губернских архивных комиссий и просто любители старины обратились к собиранию стойко державшихся в народной памяти рассказов о 1812 г. Тогда было записано немало передававшихся из поколение в поколение, бытовавших безымянно устных повествований, близких к историческим преданиям фольклорного типа (*Тартаковский А Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 63–64). К этого рода преданиям или "летописным сказаниям" принадлежал и материал очерка Соловьева. Однако включенное сюда "Воспоминание", хотя и обозначено им как "народное предание", на самом деле является произведением не фольклорного, а собственно мемуарного типа с четко выявленным личностно-памятным, индивидуально-авторским началом.

"Воспоминание" представляет особый интерес как крайне редкие вообще и наиболее ранние из сохранившихся крестьянские мемуары об эпохе 1812 г. В научной литературе было известно до сих пор всего 10 записей мемуарных рассказов крестьян, которых война застала в весьма юном возрасте (собственноручными крестьянскими воспоминаниями об этой эпохе мы не располагаем вовсе). Первый такой рассказ относится к 1865 г., основная же часть была записана известной писательницей, автором книг для народного чтения Т. Толычевой в 1870–1880-х годах (*Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 61–64; Прил. Перечень I. № 228, 238, 247, 255, 269, 272, 278, 279, 281, 286). В этих записях зафиксированы преимущественно обрывки детских впечатлений и слухи об отдельных военных событиях. Публикуемое "Воспоминание" более значительно по своему содержанию. В нем очень полно запечатлелась народная точка зрения на наполеоновское нашествие. В русской мемуарной литературе об эпохе 1812 г. это, пожалуй, один из немногих случаев, когда от имени крепостного с подкупающе живыми и точными деталями рассказано о вооруженной самодеятельности крестьян, о созданном ими партизанском отряде со своей организацией и своим укладом военного быта, боровшимся с захватчиками во взаимодействии с регулярными частями русской армии.

1812-й год, год нашествия французов на Россию, я никогда не забуду, так начал рассказ дед мой. Я был тогда уже 22-х лет и женатый, жили мы тогда еще в с. Васюнине*, которое находится в 4-х верстах от Старой Калужской дороги, и вот как-то мы, жители этого села, услыхали, что французы идут к Москве, а наша армия все отступает, мы тут же решили, что нам нужно будет выехать на время из родного села, а тут дня через 4 приехал в наше село наш русский солдатик и сказал нам, чтобы мы из села выбирались. Собрались мы всем миром подумать, куда ехать, подумали .и решили ехать в лес гр. Ростопчина, сначала некоторые из наших мужичков сходили посмотреть место, которое и нашли верстах в 7-ми от нашего села. Место было хорошее, это была большая поляна с глубоким оврагом, в котором была и вода, как только нашли это место, собрались мы всем селом и уехали из нашего родного села.

Хлеб же весь и кое-что из имущества зарыли в землю, вскоре к нам на стоянку еще приехали из трех соседних деревень, и так нас собралось там народу много, и как только все расположились, то тут же устроили из себя стражу, которая по очереди караулила днем и ночью обоз, в свои деревни ходили только, когда нужно было испечь хлеба, так как в обозе печей мы не делали, а прочию пищу варили около костров, которые разводили в середине обоза и то только днем, по ночам же боялись, так как все-таки от костров было бы зарево и дым, и который привлек бы внимание французов, имущество, которое подороже и получше, попрятали кое-где в лесу в дуплах старых дерев, кстати сказать, лес, в котором мы остановились, был старый, были, например, такие осины, в дупле которых могли бы свободно поместиться три человека.

---

* Село Васюнино Московск. губ. Подольск. уезда в 60-ти верстах от Москвы. (*Прим Н И. Соловьева*)

Так и жили мы, благодаря Бога, покойно, без особых приключений до октября месяца, но вот слышим, что французы из Москвы уходят, и вот как-то днем, в первых числах октября, видим на другой стороне, что это наши, русские, видим – лошадей привязали к деревам и идут к нам, и как только стали они сходить в овраг, мы увидали, что это не наши, русские, а французы. Мы приготовились их встретить, были у нас кое у кого ружья, которые зарядили на всякий случай, и стали ждать гостей, из оврага же на нашу сторону подъем был крутой и поросший мелким кустарником, кое-кто из наших подошли к берегу оврага, видим – французы подкрадываются к нам, и как только стали они от нас шагах в тридцати, один из наших, имевший ружье, выстрелил в одного француза и выстрелил удачно, видим ружье у француза из рук выпало и сам он покатился мертвый на дно оврага, другой же, при виде убитым своего товарища, побежал назад к оставленным лошадям, которых отвязал и уехал. Мы пожалели, что упустили его живым, и тут же решили идти и найти наших казаков и сказать им, что у нас были французы, и попросить их приехать к нам, нам почему-то думалось, что французы опять к нам приедут; в этот же день к вечеру посланные наши вернулись, а с ними приехало человек полтораста казаков, да человек двести пришло наших солдатиков, все они встали по ту сторону оврага в лесу, а на другой день около полудня видим, что к нам едут до двухсот человек французов, и все они перебрались через овраг и, не доезжая до нас шагов около ста, остановились, и все они слезли с коней и человек шесть со своим офицером подошли к нам и один из них стал говорить очень плохо по-нашему, по-русски, чтобы мы дали им хлеба... и корму для их лошадей, а ежели, говорит, не дадите, то мы вас всех заберем в плен и все у вас отнимем, и, быть может, он и еще что-нибудь сказал бы, но в эту минуту вдруг раздался бой барабанов, и казаки, выехав из оврага, вмиг очутились сзади французов, а пехота бегом приближалась сбоку, а тут и мы при виде своих, кто с ружьем, кто с топором, кто с косой, а кто и просто с дубиной, тоже стали подходить к французам, французы же увидали себя окруженными со всех сторон, струсили и стали бросать на землю свои ружья и шпаги и все сдались в плен нашим русским солдатикам, только все просили хлеба, нам стало их жалко, мы наварили картофелю и принесли им хлеба, говядины и дали им, и видно было, что они голодны, как они все накинулись на принесенный нами им хлеб и с какой жадностью стали они его есть, некоторые из французов со слезами на глазах что-то говорили, видимо, они благодарили нас по-своему, а мы тоже говорили им ешьте, мол, на здоровье, хлеба у нас много, а потом казатцкий офицер приказал нам запречь четыре подводы, и мы поклали все французское оружие на телеги. А французов же окружили наши солдатики и казаки и погнали их, как будто стадо баранов. А нам казатский офицер оставил на всякий случай человек пятнадцать казаков, да дал нам несколько французских ружей, но уж французы к нам больше не являлись и казаки от нас уехали. Только раз мы человек шесть собрались сходить в свое село испечь хлеба, приходим в село и видим около одной избы стоят лошадей десять или больше, не помню, и около них какой-то человек, мы сначалу подумали, что это, должно быть, наши казаки, но в это время из избы вышло чело-

век шесть французов, мы при виде их бросились было бежать, но французы скоро нас догнали и привели нас в село, тут они стали просить у нас хлеба и обещали отпустить нас, мы же говорим, что хлеба у нас нет, они стали нас бить и грозили даже застрелить, но, на зщастие, мы вспомнили, что в одной избе есть в печи хлеб, о чем и сказали французам, и указали им эту избу, они все бросились в нее бегом, достали из печки хлеб и тут же стали его есть и, видимо, забыли про нас, а мы этим временем придумали взять их в плен, у одного из нас в подполье была убрана соленая свинина да с полведра водки, и вот мы все это достали и принесли французам, они очень обрадовались этому и стали пить водку, и скоро все напились пьяные, начали петь по-своему песни и плясать, а, наконец, наша водочка осилила их, и все они свалились и заснули, а нам только этого и нужно было, лишь только они заснули, мы первым долгом отобрали у них оружие, а их всех перевязали, а как только французы проснулись, то увидали себя связанными, начали по-своему, как видно, ругаться и грозить нам, но мы уж их не боялись, а подняли их и повели в свой стан в лес, они у нас и ночевали и наутро мы их и лошадей отвели в с. Вороново, где в это время было уже наше русское войско, и сдали их какому-то генералу, который нас поблагодарил и прихватил за это, и с этой поры мы уж не видали больше французов, а потом скоро и переехали из леса в свое родное село и занялись прежними сельскими работами, которых накопилось много за время нашего пребывания в лесу.

№ 15

Е.А. Харузин. "Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы". 1872 г.

Егор Андреевич Харузин (1802 – не ранее 1875), выходец из богатой купеческой семьи, предок которой – астраханский князь Мурза Абдрахман Хорудза – обосновался на Руси еще во времена Ивана Грозного. Детство Харузина прошло в Москве. Его отец, владевший суконной торговлей и водочным заводом, умер в 1809 г. Получив домашнее образование, Харузин служил на основанной декабристом М.Ф. Орловым хрустальной фабрике, управляя крупными имениями в Ярославской и Харьковской губерниях. В конце 1860-х годов он разорился и, обремененный большой семьей, приехал в Москву в поисках покровителей, могущих помочь в устройстве его материальных дел. Здесь он сблизился с М.П. Погодиным, по запросу которого и были составлены публикуемые воспоминания.

Их автограф, хранящийся в архиве историка, написан на двух листах бумаги с оборотами четким убористым почерком без помарок и исправлений. Судя по начальной фразе и концовке воспоминаний, они предназначались специально для М.П. Погодина (вероятно, для пополнения его коллекции исторических материалов) и не были рассчитаны на напечатание. Воспоминания эти Харузин рассматривал, как явствует из текста, в качестве дополнения ранее написанной автобиографии. Она также находится в погодинском архиве и представлена двумя рукописями: беловым автографом, датированным 18 сентября

1872 г. ("Моя автобиография" – ОР РГБ. Ф. 231. III.11.61), и предшествующей ему авторской рукописью с зачеркиваниями и вставками, датированной 13 сентября 1872 г. (Там же. 11.60).

"Моя автобиография" предварена обращением автора к М.П. Погодину: "Во исполнение желания, изъявленного вашим превосходительством, начинаю мою незанимательную повесть", и завершается следующим текстом: "Его превосходительству Михаилу Петровичу Погодину, с чувством высокого уважения почтительнейше подносит Егор Андреев Харузин". О пребывании в 1812 г. в Москве при французах здесь сказано очень кратко. Отмечено только, что 2 сентября автор, его мать и старший брат собирались выехать из города, но были застигнуты вступившими в него французами и находились здесь до 29 сентября, явившись "жертвами грабительства и свидетелями повсюдных пожаров" (Там же. 11.61. Л. 1).

В 1860-х – начале 1870-х годов, когда ушла из жизни основная часть участников Отечественной войны, в общественно-исторической мысли России проявилось внимание к мемуарным свидетельствам представителей младшего поколения современников 1812 г. – всех тех, кто хотя бы по детским впечатлениям мог что-то вспомнить и рассказать о ней. Живейшим интересом к такого рода рассказам и была, видимо, вызвана просьба Погодина к Харузину восполнить свою автобиографию более развернутыми воспоминаниями о 1812 г. В них содержатся весьма любопытные и достоверные подробности об отдельных эпизодах жизни Москвы во время французской оккупации, отчасти перекликающиеся с подобными им воспоминаниями лиц одного с Харузиным возраста, а отчасти обогащающие их свежими сведениями.

Осмелюсь представить вашему превосходительству выпущенные из моей автобиографии некоторые случаи, по содержанию хотя ничего не значущие, но, как мелкие дроби, принадлежащие к своему числовому знаменателю из великой отечественной катастрофы, выпавшей на искупительный подвиг многострадальной матери русских городов – православной Москвы, дополняют несколько характеристику того времени.

2-го сентября 1812-го г. Пред вступлением неприятеля в Москву были распущены в массах среднего сословия жителей ни на чем не основанные нелепые слухи (вероятно, от гр. Ростопчина в видах сдержанности населения и особенно распущенных фабричных), что якобы скоро должны прибыть к нам вспомогательные английские войска; чему простодушно тогда верили и неглупые люди. Но чтобы Москва была отдана без кровопролитной битвы, того – после мистификаций ростопчинских афиш – никому и в голову не приходило.

Вследствие такой настроенности вступающих французов многие приняли за англичан-союзников и владелица дома (существующего и теперь на своем месте, против Рождественского монастыря), где жили наши родные и где мы с матушкой были захвачены, поспешили с такой радости отличиться гостеприимством, выславши с своим сыном и служанкою за ворота двора два горшка с маслом и с полдюжиною хлебов. Следовавшие мимо французы, видя такую любезность, спешились и начали хватать подаваемые им помазанные маслом ломти хлеба; к ним присоединились прочие их товарищи, и припасы угощенья мгновенно были вырваны из рук угоща-

телей, которые едва успели убраться на свой двор и закрыть ворота. Но разлакомившиеся вояки, покончивши с горшками, не долго думая, перелезли через забор и покушались было войти в дом, чему, однако ж, воспрепятствовала наступившая темнота и обманчивая особенность дома, стоящего на крутом косогоре; с переднего фасада он двухэтажный, а пройдя боковой стороной к задней его части, – вход во второй этаж без лестницы. Французы несколько раз входили в сени второго этажа, но, предполагая лестницу, забирались только на чердак. Итак, побродивши безуспешно, оставили нас на этот раз в покое.

В одно и то же время, когда у нас вздумали угощать французов хлебом и маслом, из противоположного через улицу угольного дома, рядом с Рождественским монастырем, выбежал расхрабрившийся под хмельком мастеровой с ружьем, как видно не разделявший с прочими обманчивых надежд на услужливость скаредного Джона-Буля, и начал им махать во фланг идущей конницы, причем одного задел штыком, за что этот несчастный патриот тут же получил несколько сабельных по голове ударов и дротиком другого кавалериста был приколот. Эта сцена произошла на наших глазах. Труп его долго лежал на месте убиения.

Началось в нашем углу – комически, а закончилось – трагически памятное 2-е число сентября!

Однако ж не попавшие в наш дом с вечера раздосадованные французы, утром 3-го числа пришло их трое. Мы заперлись, да и думали, что так от них отделаемся; не тут-то было! Они стали ломиться в двери, и, найдя потом в сенях топор, начали рубить двери. Старшие от страха все попрятались: кто в темный чуланчик, кто за печь, кто под печь, а меня одного оставили и приказали мне отпереть врагам двери, утешая меня, что они мне ничего не сделают. До сих пор в доме было молчание, как будто никого из живого существа в нем нет; принявши поручение отпереть двери, которые продолжали снаружи рубить и яростно браниться, я подал им свой детский голос и просил их обождать. Французы, конечно, русской речи не могли понять, но догадались, что им отопрут, перестали ломать двери. Я наскоро обрезал веревки, которыми двери были притянуты, и, найдя в шкафе белый хлеб, снял два крючка... в распахнувшиеся двери с бешеным азартом вбежал передовой из них с топором на плече, готовясь поразить свою жертву, но, увидя кроткого мальчика, подающего ему, с покорным поклоном, хлеб, – он спустил с плеча топор и, посмотревши на меня испытательно, улыбнулся и принял от меня хлеб; в то же время вошли двое его товарищей, с которыми первый, переговорив, дал мне знак, чтоб я шел вперед – в комнаты. Они молча все осмотрели и, к общему удивлению, ничего не взявши, ушли мирно и даже не заглянули в стоявшие сундуки с добром. Явным чудом милосердия Божия я уцелел!

4-го числа проходил мимо нас на Сретенку и оттуда – в Кремль великолепный кортеж, которому предшествовала конная квардия и несколько взводов кирасиров, в серебряных латах и сияющих касках, с конскими хвостами назади; музыканты играли торжественный марш. Кортеж этот состоял более, нежели из двухсот всадников, украшенных орденами, в разнохарактерно-богатых мундирах, касках, шишаках и шапках, в середине свиты два знаменщика, одетые герольдами, сомкнувшись рядом,

везли большой, потемневший в походах, штандарт, на древке его сидел одноглавый золотой орел: тут был и сам Наполеон, но, за множеством свиты и суеты, я его не мог рассмотреть, фланговые кричали "**Vivat imperator**"* и заставляли то же повторять собравшихся из любопытства жителей, которым свитские адъютанты бросали мелкую серебряную монету величиною несколько поболее нашего двухгривенника. Легковерные зрители начали с удовольствием подбирать эту французскую манну, но по миновании главной кавалькады задние кавалеристы поотнимали у них эти подарки, да и все, что у кого нашли в карманах, очистили. Разочарованные и обобранные, зеваки разошлись, повесивши носы.

Так отрекомендовался москвичам Наполеон и его честная прислуга!

Рассказывали тогда очевидцы, пробравшиеся в Кремль при вступлении туда Наполеона, что один генерал из его свиты сошел с лошади, упал на колени и вздавал за что-то благодарение небу. После узнали, что это кн. Понятовский, питавший надежду быть королем польским, благодарил по-своему Бога за падение Московии. И Бог русский, Бог отмщений, не обинуясь, откликнулся на его хульную молитву: как известно, этот тристат нового фараона по выходе из Москвы, преследуемый казаками, погряз в хладных волнах р. Березины.

Въезд Наполеона в Кремль, как известно, был приветствован достойным русских образом: в тот день загорелись на Москве-реке барки с хлебом и на ее набережной хлебные лабазы; в то же время занялся и Гостиный двор. На другой день мы, с моим старшим братом, ходили в город смотреть пожары, при нас загорелся Москательный ряд, и я в одной разоренной лавке, до которой еще не дошел огонь, подбирал себе для рисованья рассыпанные краски, обреченные гибели.

А в четверг, 5-го числа, запылала Покровка, Мясницкая, Сретенка, Труба, Петровка, Дмитровка, Тверская, Неглинная и другие смежные с ними улицы. Мы, с прочими местными жителями, в числе, наглядно, до пяти тысяч, выгнанные повсюдным огнем, провели эту страшную ночь без сна, под открытым небом, расположившись табором невдалеке от самотечного канала. Тут были все возрасты, от стариков до грудных младенцев. Сначала мы расселись было далеконько от канала, но вскоре загоревшаяся за ними передняя линия деревянных домов стала нас обдавать жаром, и мы все переместились уже к самой набережной канала. Занятая нами ложбинная местность представляла тогда поразительное зрелище сплошных пожаров, раскинутых панорамою по отдаленным возвышенностям. То там, то там происходят по временам взрывы хранившегося для охоты пороха, предшествуемые черными клубами дыма и сопровождаемые огненными столбами; там загоревшиеся склады спирта озаряют окрестность газовым светом, падения с грохотом подгоревших крыш на больших зданиях разносят тучами, подобно дождю, огненные галки, там, на видимых за Самотекой окраинах столицы, в Ямской, горят красным огнем запасы дёгтя, картина неповторимая: страшная картина ада! Горят дома, горят церкви, колокольни. При нас загорелось в колокольне Высокопетровского монастыря; долго в ней горело; наконец, среди

* "Да здравствует император!" (*фр.*).

полуночной тишины раздался громоподобный удар: оборвался и загремел в падении большой колокол... Время было уже за полночь. Вдруг слышим, на конце народного сиденья поднялась тревога: явились два запоздалые пьяные поляка, вроде пана Капычинского, и начали шуметь и обирать кого попало. Женщины встревожились, поднялся плач испуганных детей. Соседние с ними мужчины поднялись, пошептались между собой, подошли к мародерам сзади, хватила их булыжником и тут же убитых затоптали в земляную канавку; управившись с недобрым делом, они, потряхивая оторванным капюшоном с шинели одного из этих несчастных, говорили, смеясь: "Вот только от буянов и осталось!"

Теперь страшно и вообразить эту сцену публичного убийства; а тогда всем казалось, что так и надо!

Наполеон как администратор на третий день своего вступления в Москву распорядился назначить своего губернатора, полицеймеестеров и прочих должностных чинов; да в том беда: нечем им было распоряжаться. Разгневавшись, что ожидаемая им депутация московских бояр не поднесла ему ключей столицы (но Москва, как по истории видно, городских ключей у себя не имела и никому не подносила. Ведь Москва не Берлин, не Вена, не Рим, разлакомившие баловня принятием ключей, а с ключами и свободы побежденных. Каких же он ожидал от Москвы ключей?... разве от ре – ды?...), а только почтила его неожиданным освещением, он дал позволение солдатам на одну неделю грабить обгорелых жителей в свою пользу, а церкви обдирать – назначил особые команды под начальством офицеров, записывавших и приводивших в известность святотатственные добычи, вмененные им за контрибуцию.

Полицейский порядок ограничивался только дозором троекратных конных патрулей, имевших приказание подбирать шатавшихся не в указанные часы солдат, первый объезд – в девять часов вечера, второй – в одиннадцать, третий и последний – в час ночи. В каждый объезд трубачи трубили на трубах. Забранные солдаты в 9 час. – получали выговор, в 11 – штрафовались арестом, а в час ночи – подвергались наказанию.

Вскоре появились на перекрестках и углах домов печатные афиши на французском и, с грехом пополам, на русском языках, приглашавшие жителей открывать лавки и торговать, не опасаясь насилия, а подгородные крестьяне созывались на базары, с жизненными продуктами. Но русские овцы не послушали голоса чужого пастуха...

Нам сказывали тогда (только не приводилось мне проверить этого события), что в дни дозволенного грабежа жителей произошел следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в один день, что французы сбираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась кучка польских мародеров и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал, что только через труп мой войдете в храм, а живой ключи не отдам. Поляки русскую, отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчас-

тии, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку.

Французы, умывая, так сказать, руки в непричастности своей к московским пожарам, искали виновников и находили – всё русских, каковых без дальних справок расстреливали и вешали на фонарных столбах, с надписями по-русски: "Зажигатель". При этой, шемякиной расправе, много погибло невинных.

Во всей Москве в эти дни огненных ужасов и грабительства до 15-го сентября ни в одной церкви не было службы; с одной стороны, потому, что все они были осквернены и поруганы, а с другой, не было при церквах священников. Первое и единственное богослужение началось в Рождественском монастыре. Достойный уважения и вечной памяти этого монастыря младший священник, отец Алексей (другой, старший, о. Адриан, человек святой жизни, был и тогда уже дряхл) выхлопотал у французского экс-губернатора дозволение: освятить один престол и открыть службу. К освящению приготовлена теплая церковь на 15-е число, в воскресенье. Нельзя и выразить той радости, какую мы почувствовали, когда услышали в субботу первый монастырский благовест к вечерне. В воскресенье мы все были в церкви при освящении престола и за литургией. Молились мы и горько плакали, видя обнаженные от окладов св. иконы и самые сосуды: потир и дискос – хрустальные. Во время водосвятия вошли три гвардейца в медвежьих шапках и остановились сзади священника; потом, ради кощунства, начали подымать штыками кверху облачения на священнике. Отец Алексей побледнел, но не оглянулся на врагов и продолжал освящение воды. Далее Бог не попустил помешательства: освящение престола и литургия благополучно совершились.

Спустя неделю по входе в Москву французы начали хватать и ловить молодых людей; из них большого роста брали в плен, для пересылки во Францию, на потеху легкомысленных парижан, а малорослых перегоняли в Кремль – рыть подкопы под соборы, башни и другие здания, а то употребляли жителей на разноску тяжестей. В одно время брат мой, бывший тогда 21-го года, большой ростом, пошел на дальние огороды добывать картофелю и был там взят французами в заграничную отправку. Ждали мы его возвращения весь день; наступил вечер, а брата все нет. Матушка наша заплакала и сказала: "Помолимся царице небесной за пропадающего, а там пусть будет, что Богу угодно". Мы плакали и молились долго и, утомившись от скорби, легли, но спать не могли. Время было час второй ночи. Слышим, стучат в окно: побежали отпереть и, к нашей радости, нежданный уже явился брат мой, запыхавшийся, усталый и по ногам обожженный.

Его стерегли трое французов, он помещался между их с другим пленным русским молодцом; спасения не предвиделось, утром угонят их далеко. К полночи караульные начали позевывать и подремывать. Брат, не в примету страже, успел сказать товарищу, чтоб, улуча момент общей их

дремоты, удариться бежать в разные стороны. Так и сделали. Французы живо вскочили, взяли ружья и начали стрелять по беглецам; но они уже были далеко, темнота прикрыла их бегство, – причем брат, бежавший без памяти через недавние пожарища, пообжег на себе и сапоги, и нижнее платье. Так Господь помиловал по молитвам нашей матушки.

Несмотря на эту миновавшую беду, вскоре нужда заставила матушку вместе с братом идти набрать пшеницы на обгорелой барке, взявши мерки две, только поднялись на набережную, как навстречу им французской полковник с троими гренадерами, увидя брата, сказал "Але" и велел его взять. Матушка, заметя добрые, благородные черты лица полковника, попыталась выпросить у него брата и сказала ему: "Г-н полковник! я стара, снести моей ноши не могу: отпусти мне его только донести мешок, и я обратно к вам пришлю его". Полковник, не понимая ее речи, обратился к одному из своих гренадеров, вероятно, поляку, чтоб он объяснил ему. Солдат перевел полковнику ее слова по-французски; на это полковник сказал, что она обманет и не пришлет сына (как перевел поляк). Тогда матушка сняла с рук брата перчатки и, со слезами отдавая их, сказала: "Г-н полковник, пусть эти перчатки останутся у вас залогом верности слов моих". И, о чудо, благородного великодушия и младенческой простоты! Полковник, выслушавши от переводчика эти умоляющие слова печальной матери, взял перчатки и отпустил брата, подтвердивши, чтоб она не обманула его. Вероятно, во всей армии Наполеона это единственный был добросердечный офицер.

Охотник до даровых трофеев из чужих стран, Наполеон не упустил случая в Москве ими поживиться. Он слышал, что в Кремле на какой-то главе есть крест золотой, ему представилось, что такому кресту негде больше быть, как на Ивановской колокольне. Вследствие такого убеждения он заставлял своих французов снять этот крест, но таких смельчаков не нашлось, а нашлись двое русских предателей, вызвавшихся на это дело; им была обещана богатая награда. И Бог попустил им совершить это преступление, так же как попустил Иуде предать Иисуса Христа. Взобравшись с веревками в главу Ивана Великого и чрез форточки, нечестивцы отстегнули цепи, закинувши на крест петлю и спустивши концы веревок на землю, тут уж им легко было раскачать его и стянуть вниз. Когда крест упал и в падении разбился, обнаружилась тогда медная позолоченая обложка на железе и дереве. Разочарованный Наполеон, тут присутствовавший, закипел гневом и приказал обоих предателей расстрелять. Но золотой крест действительно был и теперь есть: он находится на средней главе Благовещенского собора, давний подарок Англии. Еще кто-то Наполеону сказал, что на изображении Спасителя над Спасскими воротами риза якобы золотая; он приказал ее снять, – но когда двоих исполнителей с верхней ступеньки приставленной к иконе лестницы сбросило и обоих убило, он оставил это намерение. Но зато взял с купола Сената конную статую Петра Великого, орла с Сухаревской башни и большого почтамтского орла, да тем и заговелся; но едва ли из этих трофеев какой достиг до Парижа?

По выходе французов, когда вошли в Успенской собор, с удивлением увидели, что правая рука мощей св. митрополита Ионы поднята, с угро-

зительным жестом, и что – видно вследствие этой угрозы, – серебряная лампада и над мощами богатая синь чистого серебра остались нетронутыми.

Современник описанных случаев Егор Харузин.

16-го ноября 1872 г.,
Москва

NB: Я написал столько, сколько вместил лист почтовой бумаги, и, быть может, много тут лишнего. Писавши это прямо набело, я не мог соблюсти стройности и последовательности, да и на памяти моей еще многое осталось... Прошу снисхождений!

№ 16

И.Е. Голдинский. "Воспоминания старожила о войнах 1807–1812 гг." [1873 г.]

Илья Ефимович Голдинский родился в 1802 г., происходил из дворян Рязанской губернии, отец его с 1809 г. (до того бывший в отставке) служил чиновником в г. Касимове. Никакими иными биографическими сведениями о И.Е. Голдинском, кроме тех, что содержатся в публикуемых воспоминаниях, мы не располагаем. Они были написаны, скорее всего, в начале 1873 г. и тогда же доставлены автором в редакцию журнала "Русская старина", в архиве которого ныне и хранятся. Рукопись воспоминаний – видимо, писарская, в конце их, на л. 7 об., карандашная помета почерком, отличным от почерка самого текста воспоминаний: "И. Голдинский". На л. 1 печатный штамп: "Русская старина. 12 февраля 73. Мих. Семевский". Внизу рукой М.И. Семевского указаны фамилия, имя, отчество и петербургский адрес автора: "Голдинский Илья Ефимович, у Харламова моста, по Екатерингоф. каналу между Петергоф. проспектом и Портов. улиц. № 113, кв. 5". Сверху редакционная помета чернилами: "30 оттисков", справа на полях – карандашом: "Напечатать". Таким образом, воспоминания Голдинского предназначались Семевским для "Русской старины", но опубликованы там не были.

Они принадлежат к мемуарам об эпохе 1812 г. представителей младшего поколения ее современников, переживших войну в детстве и отрочестве и писавших (или диктовавших) свои воспоминания уже в старости, главным образом в 70-х – 80-х годах XIX в. Такие воспоминания, сохранившиеся вообще в небольшом числе, деформированы, как правило, изъянами памяти авторов, влиянием на них рассказов старших по возрасту участников событий и расхожих исторических представлений. Воспоминания Голдинского выгодно отличаются от этого рода произведений цельностью и непосредственностью передачи впечатлений о 1812 г. С несомненным литературным мастерством восстанавливает автор неподдельные чувства соприкоснувшегося с войной ребенка, рассказывает о восприятии его глазами важнейших и последовательно сменявшихся событий эпохи – от томительного предчувствия вторжения Наполеона до известия о взятии Парижа в 1814 г. Особую ценность воспоминаниям Голдинского придает рассказ о малоосвещенном мемуарными источниками быте уездной провинции в пору 1812 г., об умонастроениях городского простонародья, о его откликах на военные события и деятельность виднейших военачальников – М.Б. Баркаля де Толли, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона.

События, которые составляют блистательный эпизод в истории Европы и делают наш век замечательным, памятны мне со второй войны двух императоров: Александра и Наполеона[1], но и тогда я так был молод (лет пяти), что могу рассказать, как самовидец, немногое из того немногого, что могло проявиться в таком незначительном уголке света, каков Сапожок, уездный город Рязанской губернии, где я в то время находился. Помню один серый день и вереницу народа, которая проходила мимо нашего дома, занимая целую улицу. "Что это за люди?" – спрашивал я свою няню. "Это рекруты, – отвечала она, – идут бить француза". Ответ поразил меня, мне стало жалко француза (я воображал одно лицо), на которого нападет такая толпа, я горько заплакал; няня старалась меня утешить, внушая, что это враг наш, но я не имел еще врагов, не зная, что такое неприязнь, и объяснение ее меня нисколько не утешило. Будучи еще очень молод, чтобы принимать какое-либо участие в общем беспокойстве, которое производила война с Наполеоном, я, однако, чувствовал какую-то робость, видя смущение меня окружающих. Отец мой в то время не занимал никакой должности, а был слух, что чиновники, живущие в отставке, будут помещены в ополчение. Отец скорбел, смотря на детей, из которых старшему было только лет десять, но такие опасения мало-помалу уменьшались, и, вероятно, мир с Наполеоном совершенно прекратил их. Наслушавшись толков о войне, я составил какую-то темную идею о Наполеоне. В то время отец мой купил картины Наполеона и Бенингсена и повесил их одну против другой, так как будто бы оба военачальника ехали один против другого. Меня занимал блистательный мундир русского полководца, но более вид Наполеона, скачущего на арабском жеребце. До того слава его была уже велика, что подействовала и на мой юный ум.

В 1809-м г. отец мой получил должность в Касимове. Все семейство, в том числе и я, переехало в этот город. Мне было уже 7 лет; я отдан был в училище, и описанные выше события до того сделали разум мой приимчивым, что на 9-м или 10-м году своей жизни я стал уже внимательным и чутким к некоторым движениям политического мира. В то время Россия воевала с Турциею[2]; но это обстоятельство мало занимало публику. Взоры всех обращались по-прежнему на запад, к Франции, всех томило предчувствие, и тишина, которою мы наслаждались, казалась непродолжительною и грозною. Это предчувствие порождало робость, если только само не было дитею робости, а робость располагает ум к суеверию, к ожиданию чего-то грозного, рокового. Под такими-то впечатлениями в Касимове была прочитана появившаяся в ту пору книга "Угрозы световостоков". Самые отъявленные публицисты и мистики в городе были: один священник и еще один учитель. Священник часто бывал у отца моего и нередко заводил речь о предметах, содержащихся в книге угроз световостоков. Я взял эту книгу, но не мог понять ее; а довольствовался рассказами, что в этой книге есть указание на пророчество о скорой кончине света.

Я рассказываю о своих впечатлениях, потому что подобные впечатления, в большой еще мере, владели умами взрослого поколения. В это время в высшем городском кругу почасту показывалось какое-то таинст-

венное лицо. Это был человек лет 40 или старее, откуда он пришел? Было неизвестно, и узнать от него было нельзя, потому что он был или представлялся немым и не показывал знания письменности, никакого вида при нем не было; его терпели, как безвредного человека, и принимали в публике, потому что он порядочно играл на скрипке, а подчас умел занять разными фокусами. Звали его Ача; название, конечно, произвольное, и оно, будучи чем-то фантастическим, придавало некоторую особенность этому загадочному лицу. О нем будет упомянуто впоследствии. В 1811-м г. появилась комета. Помню, в осеннюю безлунную ночь я остановил на ней продолжительный взгляд и был поражен робостью дитяти. Длинный, ясный хвост ее, как бы колеблющийся при движении ветра и как бы по временам вспыхивающий, вселил в меня такой ужас, что впоследствии я неохотно обращал взгляд на небо ночью, пока комета не исчезла. На другой день появления ее священник-повитик пришел к нам в училище и по направлению кометы объявил свое заключение о буре с Запада.

Ожидания были грустны и томительны; наконец, настал роковой 1812 год. Первые месяцы тишина, впрочем уже грозная, ничем не прерывалась, но в июне как-то поутру отец мой возвратился домой от своей должности ранее обыкновенного и чрезвычайно смущен. Тотчас составился семейный совет, в котором участвовали мать моя и старший брат. Таинственность возбуждает любопытство, и потому я старался проникнуть причину семейного беспокойства. После нескольких уловок я успел завладеть бумагою, на которой сосредоточивалось внимание моих родителей. Это был список с известного рескрипта гр. Салтыкову, начинающийся словами "*Французские войска вошли в пределы нашей империи*"[3]; тогда я уже знал кой-что из истории, знал, что Россия была некогда подвластна татарам, воображал себя пленником. Эта участь устрашала меня. Эта копия с рескрипта, добытая учителем-публицистом, возмутила весь город, и так как в подтверждение ее никаких слухов еще не было, то городское начальство воспретило распространение документа и заметило г-ну учителю, чтобы он не волновал таким образом умы граждан. Эта официальная мера подала повод думать, что беда, которая так поразила умы, быть может, и не существует; быть может, все это выдумка неблагонамеренных людей; а давно уже в народе ходили слухи, что есть личности, которые хотят мутить нас разными способами. Надо полагать, что такие слухи имели какое-нибудь основание. Вероятно, в то время или тайна кабинетов не могла не проникнуть уже за двери, или французское правительство имело своих агентов, которые пускали в народ неблагоприятные вести, чтобы породить робость.

Так как человек любит верить тому, что подает ему какую-либо отраду, потому публика стала смотреть косо на г-на учителя, как на врага общественного блага и чуть ли не предателя. К несчастию, он скоро оправдался! Помню, кажется это было в июле месяце, часу в 11-м поутру, следовательно после уже обеден, раздался неожиданно звук соборного колокола. У многих, как говорится, сердце так и упало. Все бросились в церковь. Двери были отворены, духовенство унылое, облеченное в темные ризы стало посреди церкви. Священник взошел на кафедру, преры-

вающимся голосом прочел манифест, объявляющий о вторжении неприятеля в пределы империи. Тотчас началось молебствие. Какую веру возбуждало пение: "*С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог!*" Свя́щенник сказал слово, в котором упомянул о Давиде и Голиафе, старался поселить твердую надежду на помощь Божию, всегда готовую правому против кичливого притеснителя.

Молитва и теплые слезы облегчили душу и сердца. Неизвестность была томительнее, тяжелее этой, хотя тоже грозной, известности. В то время кончилась нерешительность; кончилось неопределенное состояние, предлежал долг принести все на жертву отечества, и этот долг, так единодушно и так быстро сознанный, возвысил души и умы над обстоятельствами. Русские сочувствовали своему великому монарху; они рады были не класть оружия дотоле, пока ни одного врага не останется в царстве русском; но граждане, я разумею, того города, в котором я жил, не знали еще, как употребить себя на пользу отечества. Начали чаще сходиться знакомые с знакомыми, толковать, но в эти беседы, истинно патриотические, не являлся уже Ача, этот таинственный пришелец, о котором говорено было выше. Он исчез с того времени, как война перестала быть тайною, помнится, впрочем, что он был выслан городским начальством. Между тем каждый день появлялись новые слухи, они, как известно, не могли быть утешительны. Быстрое занятие неприятелем городов внушало опасение, что этот поток ничто не остановит и что он скоро дойдет до нас и поглотит. К тому же могли ли быть понятны в незначительном городке, в кругу близоруких политиков и слабых стратегиков, благоразумные меры предводителей российского войска. Неодобрение, даже ропот выражался на Барклая де Толли за отступление армии; его считали изменником, называли французом и утверждали, что сын его служит в армии Наполеона против нас. Вот как верны были тогда слухи и мнения. Было всеобщее, нетерпеливое желание (впрочем, я все-таки говорю об одном городе), чтоб на место Барклая де Толли назначили русского генерала, и особенно смотрели, как на надежный щит, на Багратиона. 1-го сентября 1812 г. отец мой выехал из Касимова в Сапожок, куда он переведен был на службу. Возвратившись в такой город, который удален от всех главных сообщений, мы вдруг почувствовали недостаток вестей, которых тогда требовало напряженное любопытство и которые стали так потребны, как пища. Газеты приходили поздно, и только жители Москвы и ее окрестностей, ищущие спасения от врага, сообщали некоторые сведения, весьма горестные, об успехах неприятелей; Бородинский бой, составляющий славу русского оружия, не принес никакой отрады; он не обратил неприятеля назад, а этого-то желало робкое чувство безопасности. Напротив, как последствием его было отступление наших войск, то страх более усилился. В самом деле, чего было ожидать? Последний способ к защите: генеральное сражение, было дано и не послужило к лучшему.

На участь отечества с некоторого времени смотрели, как на участь тела, пораженного тяжкой болезнью; надежда боролась со страхом; каждый день думалось: может быть, завтра будет лучше; но завтрашний день уменьшал надежду, увеличивал страх. Оставалось еще одно упование на

сильный благоприятный кризис, и этот кризис должен был совершиться под стенами Москвы. Сила Москвы и любовь народа казались так велики, что должны были остановить и сокрушить всякий враждебный напор, грозящий погибелью.

Было уже около половины сентября; но погода стояла ясная. Отца моего не было дома; один сосед подошел к нашему окну и, узнавши, что хозяина нет дома, казалось, долго колебался в нерешимости: сообщить ли новость, но, по настоятельной просьбе матери моей, он с грустью сказал "Москва отдана неприятелю".

Того впечатления, которого произвело это грозное, роковое известие, нельзя передать. Все надежды рушились, это все равно, как слово доктора: больной уже не существует. Вскоре пришел отец мой, извещенный уже о горестном событии. Тотчас пошли планы, совещания; отец хотел нас, детей своих, отправить, куда укажет случай, следуя, однако, движению армии, а сам остаться с одним слугою. Тотчас начались приготовления. Везти с собою имущество было не безопасно; носились слухи, что много дезертиров, которые грабили проезжих, да притом казалось трудно и дорого, особенно при тогдашней потребности в подводах и при непомерно увеличившейся в то время цены за провоз. Придумали вырыть на дворе, близ конюшни, яму, в эту яму спрятать, что было трудно или не нужно брать с собою, после яму прикрыть землею, а сверху всяким сором, так чтобы это казалось обыкновенным скоплением заднего двора. Батюшка приготовил пику; он решился продать дорого жизнь свою и рассчитаться с врагом одинакою монетою. Все такие приготовления и взгляды на будущность, естественно, умножали только грусть; такое настроение духа и такие меры были почти всеобщими; многие ходили в храмы, говели, приготовлялись к смерти и после прятались в лесе по безотчетному чувству самосохранения, как будто леса много обеспечивали их от опасности. Первые распоряжения были энергичны и деятельны; но Наполеон остановился в Москве. О новых его движениях в глубину России не было слухов. Доходили только вести о пожаре и опустошении Москвы; эти вести возбуждали прискорбие; но ужас утихал время от времени, так что удалившиеся в леса стали возвращаться в прежние свои жилища, и мы, собравшиеся в путь, одну за другою из уложенных вещей начали пускать в употребление, рытье ямы остановилось; слухи стали приходить несколько утешительнее; начали говорить о подвигах старостих, которые убивали и прятали французов в колодцы; ожило родное *авось* в народе, чем более проходило времени, тем более возвращалась надежда. Пожар войны остановился, следовательно нашлось препятствие, а казалось, нужно было только на короткое время, как говорится, перевести дух, чтобы обратиться к врагу с грозным челом мстителя. Преграда врагу нашлась там, откуда, казалось, лежали ему новые пути к победам, он коснел, а кругом собирался деятельный отпор, надобно было только увериться, что и для любимца счастья есть невозможное, есть неудачи, чтобы получить утешительную веру на благоприятный переворот. О движении армии на Рязанскую дорогу у нас в Сапожке ничего не знали, конечно это произвело бы большую тревогу. Мы жили в каком-то тревожном, чутком ожидании. Вот наконец, прошла глухая молва: неприя-

тель оставил Москву, будучи отражаем и преследуем нашею армиею, и приятно было этому верить, и не верилось. Слухи эти подтвердились скоро; всякий, возводя глаза к нему, клал молча кресты. В этом проявлялась внутренняя, глубокая благодарственная молитва к Богу, спасающему нас. Как бы сказать, поправление шло так же быстро, как и болезнь; каждую почту получали мы утешительные новости. Середа, день, в который приходила почта, смыкала знакомых в один кружок, здесь читали петербургские газеты, и величие российского царя, русского народа, русских полководцев росло в мнении благодарных подданных российской державы. Всякий сознавал невидимый покров над главою того венценосца, который после сам в глубоком смирении выразил свою задушевную мысль на медалях, которыми украсил грудь храбрых: "*Не нам, не нам, а имени твоему*"[4].

Ряд побед поддерживал прежнюю энергию в сердцах народа. Это было время, которое редко повторяется в истории, время благородных стремлений, одушевленной любви к родине, готовности на жертвы. Я тогда, едва вышедший из младенчества, сообразно своему возрасту принимал участие в общем движении. Сидел и слушал, когда читали газеты, одушевлялся радостью других и так был настроен, что даже во сне мне являлись какие-то фантастические картины, фон которых была славная тогдашняя эпоха. В то время одно нас беспокоило; множество людей без всяких паспортов и видов; они объявляли о себе, что они раненные, но этому мало доверяли и боялись их, однако никакого зла фактически не совершилось, а ходили только слухи о грабежах, может быть и выдуманные.

Зимою приехал из Касимова мой брат погостить к нам; он в Касимове квартировал в доме одного чиновника, у которого часто собирались раненные (раненные в Бородинской битве перевезены были в Касимов). Сближение с ними сообщило моему брату какие-то воинские стремления, любовь к оружию, любовь к рассказам о битвах; он много передал анекдотов; рассказ о каждой ране его знакомого имел занимательность истории. Вместе с сими рассказами он привез одну песню, слышанную им также от раненных, он часто певал ее, имея порядочный голос. После я не встречал этой песни ни в каких сборниках; но она осталась у меня в памяти и потому хочу сообщить ее, как тогдашнюю современность.

Вот она:

Нежной страсти сын любезный
Научись со мной страдать!
Рок велел нам в жизни слезной
Дней веселых не видать.

В матерней еще утробе,
Сын мой! стал ты сиротой;
Ах! родитель твой во гробе
Плач не слышал первый твой!

Сын мой! ты не ощущаешь,
Сколько важен наш урон;
Ты с невинностью играешь,
Слыша мой плачевный стон.

Не увидишь отца боле;
Он уж кончил бытие,
На широком, чистом поле,
За отечество свое.

Как утихнет войны пламень,
Мы с тобой искать пойдем,
Где скрывает друга камень;
Сердце будет нам вождем.

Сердце, вздох его, нам скажет,
Где супруг мой погребен.
Мать твоя тебе покажет
Прах того, кем ты рожден.

Я полагаю, эта песня и в нынешнее время не покажется анахронизмом ни по слогу, ни по содержанию, но тогда тем более. Тогда она была живым отголоском современности, потому что тогда молодая вдова воина, павшего на поле брани, была существом в высшей степени интересным и трогательным. Звуки этой песни, хотя бы и не вовсе художественные, повергали меня в какое-то грустное положение. По тогдашнему настроению моего духа, плакучая ива над урною убитого воина казалась мне важнее лавра, венчающего чело победителя. Поле брани представлялось мне рядом могил, осененных крылами ангела тишины и мира.

Отступление французского войска и отпадение союзников его, как известно, совершились очень быстро. С того времени, как все державы Европы обратили оружие свое против Наполеона, исход борьбы был уже известен. Доходили слухи о предлагаемом мире, но на прочный мир не надеялись и потому желали докончить брань решительным сокрушением того, существование которого не могло быть уместным с прочным покоем Европы. Однако заключению, на некоторое время, перемирия были рады, как-то приятно казалось вообразить, что хотя на несколько дней перестали реветь громы брани и падать жертвы. Постепенно мы отпраздновали последние великие бои; наступил 1814 год; брат мой переехал в Рязань. Вот в конце марта или начале апреля мы получаем от него огромный пакет; в нем заключались: известие о взятии Парижа, прокламации, воззвания и проч. тому подобное. Радость была неописанная.

Я почитаю себя счастливым, что родился в тот век, в котором началась и кончилась великая борьба народов. Память о ней займет видные страницы истории и перейдет из уст в уста народа. То был для нас век бескорыстных стремлений, век самоотвержения, век величия России.

Мне остается досказать немногое: мир был отпразднован с единодушною радостью, с возможным великолепием и с полным чувством благодарения пред Богом, спасающим нас.

Прошло после того лет десять; мне случилось посетить Касимов, прохаживаясь на кладбище, я нашел надгробную чугунную плиту, на ней написано: здесь лежит прапорщик Небольсин (если не изменяет мне память), погибший на 18-м году жизни от ран, полученных в Бородинском бою. И вот эпилог моих воспоминаний.

№ 17

К.А. Висковатов. "Барклай де Толли. Некоторые эпизоды его жизни (По воспоминаниям Александра Леонтьевича Майера)". [1870-е годы]

Константин Александрович Висковатов (ум. в 1906), сын военного историка А.В. Висковатова. В 1857 г. окончил Александровский лицей. С 1858 г. – на службе в Государственной канцелярии, занимал должности помощника статс-секретаря Государственного совета и управляющего архивом Государственной канцелярии. В 1879 г. в чине действительного статского советника вышел в отставку (Памятная книжка императорского Александровского Лицея на 1880 год. СПб., 1880. С. 91; Государственная канцелярия 1810–1910. СПб., 1910. С. 9; *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 43). В 1870–1880-х годах К.А. Висковатов сотрудничал в "Русской старине" М.И. Семевского, помещая здесь разного рода исторические материалы по XVIII – первой половине XIX в., извлеченные главным образом из богатейшего архива его отца (Рус. старина. 1876. № 5. С. 176–190; 1879. № 11. С. 359–360; 1892. № 6. С. 592).

Публикуемый в настоящем издании мемуарный очерк представляет собой, как видно из текста, запись К.А. Висковатовым устных воспоминаний А.Л. Майера (1791–1864). А.Л. Майер был сыном давнего друга М.Б. Барклая де Толли – Л.Л. Майера (ум. в 1845 г.), участвовавшего с ним еще в 1798–1799 гг. в войне с Турцией, в том числе и в штурме Очакова. А.Л. Майер, служивший с 1806 г. в Коллегии иностранных дел, с назначением Барклая де Толли военным министром 20 февраля 1810 г. был прикомандирован к нему "для особых поручений" и исполнял обязанности переводчика, в 1812 г. в чине коллежского асессора состоял экспедитором Особенной канцелярии военного министра и вместе с тем дипломатическим чиновником канцелярии главнокомандующего 1-й Западной армии, сопровождая его в походах и сражениях Отечественной войны и в кампании 1813 г. Впоследствии А.Л. Майер вспоминал, что в 1810–1813 гг. ежедневно видел Барклая де Толли (ОР РГБ. Ф. 53. Карт. 1-доп. № 20. Л. 97). Неотлучно находясь эти годы при нем, А.Л. Майер пользовался его неограниченным расположением. Свидетельством их тесных отношений являются доверительные по тону письма Барклая де Толли к А.Л. Майеру (от 16 ноября 1812 г. и 15 января 1814 г.), в которых полководец откровенно делился с ним своими переживаниями и обращался к нему с личными просьбами (Рус. старина. 1888. № 10. С. 263–265). После войны А.Л. Майер был начальником архива Инженерного департамента, в 1826 г. определен в Собственную е.и.в. канцелярию, в 1834 г. в чине действительного статского советника причислен к Военному министерству и состоял по инспекторской части Инженерного корпуса, с 1853 г. – тайный советник. Со второй половины 1830-х годов А.Л. Майер занимался архивными

разысканиями и подготовкой трудов по военной истории России и строительству Петербурга в начале XVIII в. По официальным данным Военного министерства, А.Л. Майер исключен из списков умершим 2 августа 1864 г. (Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1909. Т. III, отд. 5. С. 55–56).

Рассказы А.Л. Майера о М.Б. Барклае де Толли К.А. Висковатов слышал еще, видимо, в годы молодости, при жизни своего отца А.В. Висковатова, умершего 1 февраля 1858 г. А.В. Висковатов, живо интересовавшийся фигурой Барклая де Толли и много сделавший для увековечения его памяти, несомненно, был хорошо знаком с А.Л. Майером и использовал в своих исторических трудах полученные от него сведения. Во всяком случае, в составленном А.В. Висковатовым для издания "Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. Военная галерея Зимнего дворца" (СПб., 1849. Т. V) жизнеописании Барклая де Толли, которое по полноте и богатству фактических данных и до сих пор остается лучшей его биографией, явственно отразились рассказы А.Л. Майера, зафиксированные и в публикуемом в настоящем издании мемуарном очерке. Например, явно навеяно воспоминаниями А.Л. Майера описание А.В. Висковатовым неприязненной встречи Барклая де Толли в Зимнем дворце в декабре 1812 г. (Указ. соч. С. 75). После же выхода в свет этого издания отдельный оттиск биографии Барклая де Толли с вклеенными в него чистыми листами был передан А.В. Висковатовым А.Л. Майеру, который собственноручно внес сюда интереснейшие дополнения и уточнения (основанные в значительном степени на собственных припоминаниях) относительно отдельных эпизодов жизни и боевой деятельности Барклая де Толли, истории его рода, роли, сыгранной им в Отечественной войне, ближайших сотрудников его штаба в 1812–1813 гг. и т.д. (Экземпляр этого оттиска с маргиналиями А.Л. Майера, хранившийся в библиотеке А.В. Висковатова, находится ныне среди бумаг его архива – ОР РГБ. Ф. 53. Карт. 1 доп. № 20. Л. 3 и об., 5, 7 об., 9 об., 21 об., 39 об., 65 об., 71 об., 73 и об., 75 об., 89, 97 и об.).

Трудно сказать, записывал ли К.А. Висковатов рассказы А.Л. Майера тогда же, еще в 1850-х годах. Но дошедший до нас текст их записи – более позднего происхождения. Он был оформлен спустя ряд лет после кончины А.Л. Майера (иначе К.А. Висковатов не запамятовал бы так сильно время его смерти, указав 1850-е годы вместо 1864 г.), скорее всего, в 1870-х годах, когда К.А. Висковатов наиболее активно сотрудничал с редакцией журнала "Русская старина", для публикации в котором и предназначалась его запись.

Текст записи – писарский, с подписью-автографом К.А. Висковатова. Название на л. 1 "Барклай де Толли. Некоторые эпизоды из его жизни" с подзаголовком "(По воспоминаниям Александра Леонтьевича Майера)" написано карандашом рукой неустановленного лица. Рукопись хранится в архиве "Русской старины" в РО ИРЛИ, где находятся и другие подготовленные К.А. Висковатовым к печати исторические документы и заметки, также не появившиеся на страницах журнала (Ф. 265. Оп. 2. Д. 2917, 3537, 3539–3541).

Публикуемая запись, ранее не известная в исторической литературе, интересна не только передачей со слов А.Л. Майера отдельных штрихов той критической для Барклая де Толли ситуации, которая сложилась в 1812 г. как в период его пребывания на посту главнокомандующего 1-й Западной армией, так и после отъезда из Тарутино. Ценность записи и в том, что в ней с редкой для других мемуарных источников на данную тему остротой запечатлены собственные свидетельства полководца о его душевном состоянии и реакции на несправедливые обвинения в его адрес в пору Отечественной войны.

Умерший в 1850-х годах, состоявший при военном министре тайный советник Александр Леонтьевич Майер, будучи еще в молодых летах, находился при Барклае де Толли. Занимая должность экспедитора Особенной канцелярии военного министра и главнокомандующего 1-й армиею, он сопровождал Барклая де Толли в течение всей кампании 1812-го г. Состоя при нем безотлучно и ежедневно обедая с ним во время походов, Майер часто имел случай быть свидетелем тех неприятностей, которые так долго огорчали Барклая и которые имели последствием удаление его из армии.

Несмотря на молодость свою, Майер находился постоянно в самых дружеских отношениях с Барклаем. Эти отношения сохранились и до самой его смерти. Майер из глубокого уважения к памяти Барклая неохотно говорил об этом времени, так как сам покойный фельдмаршал не любил вспоминать о нем. Поэтому сведения о Барклае, сообщенные Майером, весьма не богаты, но есть которые дошли до нас, ввиду самых близких отношений, существовавших между этими двумя лицами, не лишены интереса.

Вот что говорит Майер.

Фельдмаршал часто в пылу преданности часто говорил ему о всех интригах, против него направленных во время нахождения его в армии в 1812-м г., в особенности со стороны Ермолова, много содействовавшего к удалению его из армии. Кутузов также не благоволил Барклаю; нерасположение его доходило до того, что он не считал нужным сообщать главнокомандующему 1-ю армиею о своих распоряжениях. Подобные случаи повторялись неоднократно, но Барклай старался не замечать их и всегда, с врожденным ему хладнокровием, умел скрывать свою скорбь. Вообще, он не любил в разговорах своих касаться этого предмета, но из рассказов его всегда было видно, что он неохотно расставался с армиею, не из честолюбия, но желая кончить жизнь честным солдатом. Если бы он, сдавая начальство Кутузову, не остался главнокомандующим 1-й армией, но состоял бы при ней в качестве волонтера или простого зрителя, то он не переменил бы участь. Барклай искал смерти, и самое войско, отзывавшееся весьма невыгодно о нем до Бородинского сражения, видя его геройское самоотвержение, питало к нему впоследствии особое благоволение.

Оставив армию, Барклай поселился в своем Лифляндском имении Бекгоф. Прибыв по вызову императора Александра в Петербург, он жил в квартире Майера, не имея при себе никого, кроме доктора Баталина. 2-го декабря Барклай де Толли поехал на выход во дворец. Императора Александра Павловича уже не было в столице. Из дворян никто не обращал на него внимания до той минуты, когда государыня императрица Елизавета Алексеевна, остановив свиту, изволила иметь с ним очень длинный разговор, после чего вдруг нашлись со всех сторон друзья и доброжелатели. Несмотря на большое хладнокровие и умение владеть собою, происшествие это его сильно потрясло, и он слег. Поправившись, он поехал вслед за государем.

Вот что передает Майер.

Однажды бригадирша Фермелеен* прогуливалась по Петербургу в карете с 3-летним Барклаем. Мальчик, прикоснувшись к дверцам кареты, которая отворилась, выпал. В это время мимо проезжает кн. Потемкин. Увидев вывалившегося из кареты ребенка, князь вышел из экипажа, поднял его и, найдя его совершенно невредимым, передал его г-же Фермелеен, сказав: "Этот ребенок будет великим мужем".

К. Висковатов

---

* Бригадирша Фермелеен была родною сестрою матери Барклая де Толли, урожденная Смиттен. Она усыновила Барклая. (*Прим. авт.*)

Примечания

№ 1

Архив ПФИРИ. Ф 226 (Коллекция Библиотеки Академии наук). Оп. 1 № 342 Л. 1–9.

[1] Лессепс Жан Батист Бартелеми де (1766–1834), генеральный комиссар по делам торговли в Петербурге в 1802–1812 гг. По занятии Москвы французами Лессепс тотчас же получил назначение на пост московского гражданского губернатора, управляющего городом Москвой и Московской провинцией: одновременно Лессепс исполнял и интендантские функции.

[2] Тутолмин Иван Акинфиевич (1752–1815), действительный тайный советник, главный смотритель Воспитательного дома в Москве (*Тутолмин И.А* Подробнее донесение Е.И. В-ву Государыне Императрице Марии Феодоровне о состоянии Московского Воспитательного дома в бытность неприятеля в Москве 1812 года // ЧОИДР. 1860. Апрель–июнь. Кн. 2. Отд. V. С. 161–192; *Ю У.* Дань признательности покойному Ивану Акинфьевичу Тутолмину от отца семейства, им спасенного во время нашествия неприятелей 1812 года // Вестн. Европы. 1815. Октябрь. Ч. 83. № 19. С. 218–225).

[3] Согласно ведомости, поданной И.А. Тутолминым императору французов 6 сентября, в Воспитательном доме находилось грудных детей обоего пола 275, от года до 12 лет здоровых – 207 и от года до 18 лет больных – 104; всего детей в Воспитательном доме было 586. В соответствии с рескриптами императрицы Марии Феодоровны, воспитанники старше 11 и воспитанницы старше 12 лет должны были, в связи с угрозой вступления в Москву французов, покинуть Воспитательный дом и перебрались в Коломну. В "родильных госпиталях" Воспитательного дома находили в то время пристанище 30 беременных, "родильниц" и вдов. Служащих, кормилиц, нянек и прочих в Доме было 1125 человек. Кроме того, согласно списку детей, присланных в Воспитательный дом "от французского начальства", на попечении Тутолмина здесь находилось еще 22 ребенка от новорожденных до 7–9 лет. Любопытно, что всем этим детям были присвоены фамилии, производные от имен и фамилий тех, кто их передал в Воспитательный дом: "Наполеона", "французского коменданта графа де-Миллио", "французского генерал-губернатора герцога де Тревизского". Императрица-мать впоследствии распорядилась, чтобы этих фамилий (Наполеоновы, Миллиовы, Тревизские) больше ни у кого из детей не было (Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. М., 1914. Вып. 1. С. 248, 249).

[4] См. донесение И.А. Тутолмина Александру I от 7 сентября 1812 г. об аудиенции у Наполеона, которая состоялась 6 сентября в Кремле (Материалы для истории... Вып. 1. С. 244–245).

[5] Рухин Филипп – чиновник (комиссар) Воспитательного дома. Наполеон разрешил ему отправиться в Петербург с донесением Тутолмина к императрице Марии Феодоровне. В выписке из письма чиновника Воспитательного дома Петра Иванова от 16 ноября 1812 г. в связи с этим указано: "Комиссар Рухин был послан в Петербург к Государыне; подорожная дана ему от Наполеона за его подписанием; он там пробыл более 3-х недель, жандармы его провожали до Черной Грязи..." (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1900. Ч. V. С. 163).

[6] Сам Тутолмин в своем донесении Александру I от 7 сентября 1812 г. сообщает, что, по распоряжению губернатора, ему были даны "для предохранения 12 человек французской

гвардии с одним офицером..." (Материалы для истории... Вып. 1. С. 245). 7 октября, когда основные силы французской армии уже выступили из Москвы, Тутолмин вновь обратился к маршалу Мортье с просьбой о назначении караула (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... М., 1904. Ч. VIII. С. 417–418). 9 октября, по распоряжению Лессепса, к Воспитательному дому был приставлен новый караул, но 10 октября, накануне взрыва в Кремле, и этот караул был снят.

[7] В описании "достопамятных происшествий в монастыре сем случившихся" это событие не получило своего отражения (*Пассек В.В* Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843. С. 20–25).

[8] Имеется в виду так называемое "объявление московским обывателям" от 2 сентября 1812 г. за подписью маршала Бертье (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... Ч. VIII. С. 424–425).

[9] Факсимиле оригинала "Провозглашения" Лессепса на французском и русском языках напечатано в Приложении к "Бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 г., собранным и изданным П.И. Щукиным". М., 1897. Ч. I. С. 163. В тексте документа, включенного в публикуемую записку, имеются некоторые разночтения с оригиналом.

[10] См. об этом донесение И.А. Тутолмина императрице Марии Феодоровне от 11 ноября 1812 г. (ЧОИДР. 1860. Апрель–июнь. Кн. 2. С. 177–178).

[11] Кремль был подорван в пяти местах. Пострадали Грановитая палата и Кремлевский дворец, была разрушена часть Арсенала, пострадали две башни Кремля и частично стены. Осуществить вполне свои намерения французам не удалось, так как уже зажженные фитили были потушены русскими казаками (см. письмо чиновника московского почтамта Андрея Карфачевского от 6 ноября 1812 г.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... М., 1900. Ч. V. С. 166–167). В примечаниях к изложению беседы Наполеона с хорунжим Войска Донского Поповым адъютантом генерал-майора Грекова, указывается, что, "по расчислению Наполеона, надлежало быть в Кремле ста пяти взрывам: подействовали только пять. Сказывают также, что после сих пяти взрывов внезапно над Кремлем ливнем пролился дождь..." (Рус. вестник за 1813 г. Ч. IV. № 10. С. 90).

№ 2

ОР РГБ. Ф. 54 (Н.П. Вишняков) Ч. 8 Л. 41 об. – 50.

[1] Стужин Василий Федорович, сергиево-посадский купец.

[2] Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф, обер-камергер, главнокомандующий и военный губернатор Москвы (1812–1814), член Государственного совета. Покинул столицу перед вступлением в нее французов, предав на самочинную расправу толпы сына купца М.Н. Верещагина, подозревавшегося в измене. Ростопчин сопровождал штаб русской армии до Тарутина, а по дороге в Ярославль узнал об оставлении неприятелем Москвы. Ростопчин направил в Москву полицейских чиновников для предотвращения беспорядков, а затем сам появился в столице и поселился в собственном доме на Лубянке. К концу декабря 1812 г. в Москве уже действовали все присутственные места и жизнь постепенно входила в прежнее русло, однако энергичные действия и распорядительность Ростопчина вызывали двойственное к себе отношение со стороны жителей, которые не забыли о своих потерях во время московского пожара и недобрым словом поминали Ростопчина. В этих условиях не замедлила последовать отставка (1814), после чего Ростопчин надолго уехал за границу, где издал книгу "Правда о Московском пожаре", наделавшую в свое время много шума.

[3] Пален 2-й фон дер Петр Петрович (1778–1864), в начале Отечественной войны генерал-майор, с августа 1812 г. – генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса 1-й Западной армии. После Смоленского сражения тяжело заболел и вернулся в армию в ноябре 1812 г. В 1813 г. командир летучего корпуса. После Плесвицкого перемирия командовал авангардом корпуса П.Х. Витгенштейна.

[4] Оловянишников Порфирий Григорьевич, ярославский купец, владелец полотняной фабрики; вел заграничную торговлю через Петербург.

[5] Серебряковы Николай и Василий Яковлевичи, московские купцы, знакомые автора "Записок".

[6] Нечаев Федор Федорович, московский купец, знакомый автора "Записок".

[7] Котов Иван Иванович (1764–1819), московский купец, дядя автора "Записок".

[8] Котов Иван Алексеевич, племянник отца автора "Записок", двоюродный брат автора.

[9] Жернаков И.В., Серебряков С.Я., Чуркин Я.И., московские кредиторы автора "Записок".

[10] Ржванов М.М., астраханский купец, кредитор автора "Записок".

[11] Платон (1737–1812), московский митрополит.

№ 3

ОР РНБ Ф 609 (В.С. Попов) № 440

[1] Христиани Петр-Карл (1788–1839), коллежский советник, впоследствии (1831) состоял при главнокомандующем в Москве.

[2] Христиани Франц (1785–1836), в 1813 г. коллежский регистратор в московской адресной конторе, впоследствии титулярный советник. Кроме названных двух, у Христиани было еще двое сыновей: Христиан-Георг (род. 1787), в 1813 г. служил в инженерном корпусе поручиком, адъютантом при начальнике лифляндского инженерного корпуса и Вильгельм-Франц (Василий) (1798–1857), член Союза благоденствия, впоследствии тайный советник, генерал-контролер Департамента военных отчетов.

[3] Видимо, Танненберг фон Готфрид-Вильгельм (1765–1833), действительный статский советник.

[4] В дополнение к тексту "Записки" Христиани приводим отрывок из письма неустановленного лица к императрице Марии Феодоровне от 15 декабря 1812 г., посланного из Петербурга и характеризующего как состояние Воспитательного дома, так и вообще положение Москвы в конце 1812 г. (публикуется по автографу: ОР РНБ. Ф. 124 (П.Л. Ваксель). Д. 342): "〈...〉 Москва представляет собою теперь два противоположные чрезвычайные зрелища: опустошения и населяющейся промышленности. С одной стороны, семь восьмых долей лучших домов истреблены и с одного краю до другого города насквозь видим только церкви, и во круге оных инде от каменных домов стенки, инде от деревянных печки и делают вид памятников ужасного кладбища; но вместе с тем видишь вдруг во все 16 застав съезжающихся наскоро и поспешно входящих людей, в различных екипажах и в различных видах; на всякой улице, на всяком шагу встречаешь промышленность в неимоверной деятельности: не только площади все уже застроены лавками, на каждой улице, на каждом перекрестке, в развалинах каждого почти дома, везде строются, везде рубят лес, везде кипит вода, на которой разводят алебастр и известь и починивают каменные дома и лавки; проехать почти нет возможности ни на одной большой улице, все установлены латками и санями, в которых днем и ночью с фонарями торгуют всеми различными вещами, точно как бы здесь теперь самая большая ярмонка и всякой будто спешит поскорее продать и поскорее купить. О сю пору уже более 50 тыс. вновь пришедших жителей и более 3 тыс. лавок, вновь построенных, и я, быв свидетель, поручиться смею, что в немногое число лет столица сия процветет неимоверным образом 〈. .〉".

№ 4

Архив ПФИРИ. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). № 475 Л 12–17

[1] Автор "Записок" допускает неточность, ибо известно, что русская армия начала проходить через Москву в ночь с 1 на 2 сентября. Во второй половине 2 сентября 1812 г. в город уже вступили французы.

[2] Напиток, который варился из оставшихся после приготовления пива хлебных продуктов. Подавался в специальных питейных заведениях.

[3] Вишневский Гавриил Федорович, надворный советник, чиновник Кремлевской экспедиции. Его имя значится в списке лиц, привлеченных к суду по подозрению в сотрудничестве с

французской администрацией. На следствии, которое проводилось особой сенатской комиссией, выяснилось, что Вишневскому, напротив, были обязаны сохранением Запасного дворца, спасением жизни пяти приходских священников, а также около 500 разного звания, и ограждением от разграбления их имущества (*Киселев Н.* Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Рус. архив. 1868. С. 894–895, 900–901).

[4] Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1829), тайный советник, сенатор, почетный опекун Воспитательного дома, заведовавший учебной частью в московских училищах ордена Св. Екатерины и в училище мещанских девиц, поэт и переводчик.

[5] Златоустовский мужской, 3-го класса (с 1764 г.) монастырь находился на Маросейке, между Мясницкой и Покровской улицами.

[6] 6 октября 1812 г. фактически началась эвакуация французами Москвы. Ранее, 5 октября была предпринята эвакуация раненых в Смоленск; тогда же французским войскам раздали дорожный провиант. Вечером 6 октября главная квартира наполеоновской армии была переведена из Кремля к Коломенской заставе. 7 октября Наполеон еще находился в Москве. В 5 часов утра он покинул Москву, где еще оставался гарнизон под командованием маршала Мортье численностью около 10 тыс. человек.

Мортье Эдуард Адольф (1768–1835), маршал Франции (1804), герцог Тревизский (1808). В 1812–1813 гг. командовал Молодой гвардией. Военный губернатор Москвы.

[7] Приведенные свидетельства дополняют уже известные данные о неоднократном проникновении казаков в занятую французами Москву. Ср.: Москва в октябре 1812 года (из бумаг С.И. Селиванского) // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Разд. III (Смесь). С. 23.

[8] Французский гарнизон выступил из Кремля через Каменный мост и двинулся по Калужской дороге 10 (22) октября в 11 часов вечера. Ночь с 10 (22) на 11 (23) октября 1812 г. – дата, когда французы окончательно оставили Москву, что подтверждается многочисленными источниками.

[9] Иловайский 4-й Иван Дмитриевич (1767 – после 1827), генерал-майор. В 1812 г. командовал казачьими полками в арьергарде 2-й Западной армии, участвовал в сражениях под Романовом, Велижем и Смоленском. Первый проник в Москву со своим казачьим отрядом. В 1813–1814 гг. участвовал в заграничных походах русской армии.

[10] Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), известный впоследствии русский государственный деятель: начальник штаба Гвардейского корпуса, шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения. Участник войн 1805–1814 гг., в том числе войны 1812 г. И.А. Тутолмин, сообщая в своем донесении императрице Марии Феодоровне о состоянии Воспитательного дома, писал о том, что гусарский полк генерал-майор Бенкендорфа вошел в Москву 11 октября, "снабдил Воспитательный дом караулом и оказывал мне всевозможное свое пособие, по принятой им на себя в городе должности коменданта" (ЧОИДР. 1860. Апрель–июнь. Кн. 2. Отд. V. С. 178).

[11] Гельман И., майор московской драгунской команды, вступил временно в должность полицмейстера по поручению генерал-майора И.Д. Иловайского. См. рапорт И. Гельмана обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину от 15 октября 1812 г. (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... М., 1897. Ч. I. С. 101–102).

[12] Вероятно, речь идет об Устинове Александре Михайловиче (1789–1818), титулярном советнике и кавалере.

[13] Ивашкин Петр Алексеевич, генерал-майор, московский обер-полицмейстер.

[14] Спиридов Григорий Григорьевич (1758–1822), московский обер-полицмейстер (1798–1800). В 1812 г. вступил в Переяславское ополчение и участвовал в многочисленных боях с отдельными частями французской армии. После оставления французами Москвы был назначен комендантом, а затем гражданским губернатором Москвы; находясь на этих постах, много способствовал восстановлению города и реставрации сохранившихся зданий.

[15] Обрезков Николай Васильевич (1764–1821), московский губернский предводитель дворянства, гражданский губернатор Москвы (с июня 1810 г.), сенатор, тайный советник.

[16] Валуев Петр Степанович (1743–1814), действительный тайный советник, главноначальствующий над Кремлевской экспедицией, сенатор.

№ 5

РО ИРЛИ Ф 527 (А.И. Михайловский-Данилевский) № 5 Л. 90–97

[1] Коновницын Петр Петрович (1764–1822), генерал-лейтенант, в начале войны 1812 г. командовал 3-й пехотной дивизией, с 19 августа – начальник арьергарда 1-й Западной армии, в Бородинском сражении сменил раненного П.И. Багратиона на посту командующего 2-й Западной армией, с 7 сентября дежурный генерал штаба М.И. Кутузова, с ноября командующий 3-м пехотным корпусом, в 1813 г. – Гренадерским корпусом, ранен в сражении под Люценом, с декабря 1812 г. генерал-адъютант.

[2] Платов Матвей Иванович (1751–1813), граф, генерал от кавалерии, войсковой атаман Войска Донского, командовал казачьим корпусом 1-й Западной армии, после Смоленска – арьергардом русских войск, в 1813 г. – казачьими соединениями.

[3] Раевский Николай Николаевич (1771–1829), генерал-лейтенант, командующий 7-м пехотным корпусом, в 1813 г. – Гренадерским корпусом, генерал от кавалерии.

[4] В записках А.А. Щербинина содержится рассказ об этом же эпизоде, текстуально совпадающий с воспоминаниями Милорадовича и тем самым их в значительной мере подтверждающий: «1-го сентября получает он отношение Ермолова, в котором, по приказанию Кутузова, извещается Милорадович о намерении сдать Москву и что Милорадовичу представляется "почтить древнюю столицу видом сражения под стенами ее"» (*Харкевич В И* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. I. С. 23–24).

[5] Бертье (Бертие) Луи Александр (1753–1815), герцог Невшательский (Нефшательский), князь Ваграмский, маршал Франции, начальник штаба "Великой армии" Наполеона.

[6] Уваров Федор Петрович (1773–1824), генерал-лейтенант, командующий 1-м кавалерийским корпусом 1-й Западной армии, после Бородина командовал кавалерией в арьергарде Милорадовича, с 16 сентября – начальник кавалерии Главной армии.

[7] Васильчиков 1-й Илларион Васильевич (1777–1847), генерал-майор, в начале Отечественной войны состоял в арьергарде 2-й Западной армии, в Бородинском сражении командовал 12-й пехотной дивизией, произведен в генерал-лейтенанты, с сентября 1812 г. командующий 4-м кавалерийским корпусом.

[8] "Гусарским офицером", посланным Милорадовичем для переговоров к Мюрату, был корнет л.-гв. гусарского полка Федор Владимирович Акинфов (1789–1848), после войны причастный к декабристскому движению, впоследствии генерал-майор и сенатор. В воспоминаниях Акинфова, написанных в 1837 г. по просьбе Михайловского-Данилевского, подробно освещены обстоятельства этой его миссии в момент оставления Москвы (*Харкевич В.И* Указ. соч. Вып. I. С. 205–212).

[9] Мюрат Иоахим Наполеон (1771–1815), король Неаполитанский, маршал Франции, в 1812 г. командующий 4-м кавалерийским корпусом, в 1813 г. под Дрезденом и Лейпцигом командовал французской конницей.

[10] Слова Милорадовича с угрозой предать разрушению Москву, если его условия сдачи ее не будут приняты французским командованием, почти дословно воспроизведены в изданной еще в 1814 г. книге его адъютанта Ф.Н. Глинки, передававшего, видимо, в данном случае свои собственные впечатления от того, как вел себя Милорадович 1–2 сентября 1812 г.: «Но ежели король не пожелает на сие согласиться ⟨...⟩, он решительно объявляет, "что будет непременно защищать город вместе с жителями, станет драться в самых улицах и, предав все огню и разрушению, погребет себя и неприятелей под пеплом сей древней столицы"» (Подвиги графа М.А. Милорадовича в Отечественную войну 1812 года... М., 1814. С. 13).

[11] Панчулидзев 1-й Иван Давыдович (1759–1815), генерал-майор, шеф Черниговского драгунского полка, командовал кавалерийской бригадой во 2-й Западной армии, под Бородином – кавалерийской дивизией.

[12] Себастиани де ла Порта Орас (1775–1851), граф, французский дивизионный генерал, в 1812 г. командовал 2-й кирасирской дивизией.

[13] Ефремов Иван Ефремович (1774–1843), в 1812 г. полковник л.-гв. Казачьего полка, с конца августа командовал бригадой Донских казачьих полков, в октябре – отрядом из пяти казачьих полков.

№ 6

ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание единичных поступлений). 1953 г Л 1–10.

№ 7

РГВИА. Ф ВУА. Д 3465, ч. II. Л 203–207 об

[1] Сохранилось распоряжение Ф.В. Ростопчина П.И. Вороненко от 25 июля 1812 г.: "Ехать вам в Смоленск, а оттуда в Главную квартиру военного министра и, отдав мое письмо, есть ли позволено будет, то остаться при нем. А есть ли не будет, то ехать в Смоленск и там стараться, коль скоро возможно будет, сообщать о военных действиях, по известиям, вам данным от главнокомандующего, и на имя мое отправлять донесения по нарочным эстафетам ⟨.. ⟩" (Рус. арх. 1866. Ст. 690–691).

[2] Щерба Михаил Михайлович, надворный советник, частный пристав Арбатской части Москвы, в штате полиции с 1816 г.; Равинский Егор Мартынович (род. 1775), титулярный советник, с 1810 г. квартальный надзиратель Пятницкой части Москвы; Мережковский Иван, титулярный советник, квартальный надзиратель Рогожской части Москвы; Иваницкий Иван Исакович, титулярный советник, квартальный надзиратель Арбатской части Москвы, в штате полиции с 1799 г.; Пожарский Федор Прохорович, квартальный надзиратель Якиманской части Москвы, в штате полиции с 1809 г. (*Метелеркамп В Д., Нистрем К М.* Книга адресов столицы Москвы. М., 1839. Ч. II . С. 135; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1899. Ч. IV. С. 281–283; ЦМАМ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 120. Л. 11 об., 19 об.; Д. 183. Л. 7 об.).

[3] Винценгероде Фердинанд Федорович (1761–1818), барон, в 1812 г. генерал-майор, с конца года генерал-лейтенант, осенью командовал отдельным отрядом, блокировавшим Москву с северо-запада, 10 октября захвачен французами при попытке войти в занятый ими город и отправлен в плен во Францию, отбит отрядом казаков. В 1813 г. командовал русским корпусом в Северной армии, за отличие при Люцене и Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты.

№ 8

РГИА Ф 1018 (И Ф. Паскевич-Эриванский) Оп 9. Д 172 Л. 1–81 об.; Д. 165 Л 56 об., 87 об., 92 об.

[1] Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759–1816), генерал от инфантерии, командующий 6-м пехотным корпусом 1-й Западной армии, в Бородинском сражении, после ранения П.И. Багратиона командовал войсками 2-й Западной армии, в 1813 г. руководил осадой Гамбурга, в марте назначен командующим войсками в Варшаве.

[2] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), граф, генерал-майор, с февраля 1813 г. генерал-лейтенант, командовал 2-й сводной Гренадерской дивизией во 2-й Западной армии, ранен в Бородинском сражении, по выздоровлении командовал авангардом 3-й Западной армии, обсервационными отрядами в районе крепостей Магдебург и Кюстрин, в осенней кампании 1813 г. – авангардом Северной армии.

[3] Щербатов 1-й Алексей Григорьевич (1776–1848), князь, генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 18-й пехотной дивизии 3-й Западной армии, затем командующий 6-м пехотным корпусом, в 1813 г. входившим в состав Силезской армии Блюхера.

[4] Тормасов Александр Петрович (1752–1819), генерал от кавалерии, главнокомандующий 3-й Западной армией, с сентября 1812 г. отозван в штаб М.И. Кутузова, во время преследования наполеоновских войск командовал временно Главной армией.

[5] Здесь кратко изложен наступательный план войны с Францией, представленный П.И. Багратионом Александру I за несколько месяцев до ее начала и предусматривавший, под прикрытием дипломатических демаршей и переговоров с Наполеоном, в мае 1812 г. внезапным ударом двух армий занять Варшаву и Данциг, с тем чтобы "вселить добрый дух в войска наши" и удалить "театр войны ⟨...⟩ от пределов империи". План Багратиона, впервые опубликованный в 1858 г. в газете "Русский инвалид" без обозначения времени

представления его Александру I, не был датирован и в исторической литературе. Указание Паскевича на время составления плана в 1811 г. имеет в этом отношении существенное значение (Генерал Багратион. Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 130–138).

[6] Чичагов Павел Васильевич (1767–1849), адмирал, в 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией, с сентября (после отозвания А.П. Тормасова в главную квартиру) объединенной под начальством П.В. Чичагова с 3-й Западной армией.

[7] Речь идет о проекте так называемой адриатической экспедиции, выработанном в начале 1812 г. адмиралом П.В. Чичаговым совместно с Александром I. Проект предусматривал силами Дунайской армии, главнокомандующим которой в апреле 1812 г. был назначен Чичагов, развернуть боевые действия в Юго-Восточной Европе с целью привлечения на сторону России находившихся под властью Турции и Австрии народов Балканского полуострова и повлиять на положение дел в Италии.

[8] Паскевич цитирует заключительные слова "Приказа нашим армиям" Александра I от 13 июня 1812 г. (*Богданович М.И* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. III. С. 213).

[9] Эртель Федор Федорович (1768–1825), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал 2-м резервным корпусом, с декабря военный генерал-полицмейстер действующей армии.

[10] Паскевич не вполне точно цитирует рапорт кн. Багратиона М.Б. Барклаю де Толли от 6 июня 1812 г. № 283 (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. XII. С. 48–50).

[11] Полный текст рапорта кн. Багратиона Барклаю де Толли от 12 июня 1812 г. № 310 см.: Там же. С. 107–109.

[12] Эти соображения были высказаны Багратионом в его рапорте Барклаю де Толли от 13 июня 1812 г. (Там же. С. 124–125).

[13] Дорохов Иван Семенович (1762–1815), генерал-лейтенант, командовал авангардом 4-го пехотного корпуса 3-й Западной армии, затем кавалерийской дивизией и отдельным отрядом из драгунского, гусарского и трех казачьих полков, предназначенным для партизанских действий.

[14] Далее Паскевич приводит данные о численности трех основных частей армии Наполеона, которые, если их суммировать, противоречат определяемой им общей численности его войск: 410 тыс. (не считая фланговых корпусов) вместо 300 тыс. В настоящее время историки так определяют численность армии Наполеона: всего по трем главным направлениям – 378 тыс. чел. (218 тыс. – левое крыло, 82 тыс. – центр, 78 тыс. – правое крыло); фланговые корпуса: Шварценберга – 34 тыс., Макдональда – 32 тыс.; кроме того, в Пруссии расположен второй эшелон армии, о котором Паскевич не упоминает, – 170 тыс. чел. А всего – 614 тыс. чел. (*Жилин П А* Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 89).

[15] Даву (Давуст) Людовик-Николя (1770–1823), князь Экмюльский, герцог Ауэрштедский, маршал Франции, в 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом, при отступлении из Москвы – французским арьергардом, в 1813 г. – войсками в Саксонии, руководил обороной Гамбурга, генерал-губернатор Ганзейских городов.

[16] Удино Шарль-Николя (1767–1847), герцог Реджио, маршал Франции, командовал 2-м пехотным корпусом, действовавшим на петербургском направлении против корпуса Витгенштейна, прикрывал переправу Наполеона через Березину.

[17] Ней Мишель (1769–1815), герцог Эльхингенский, князь Московский, маршал Франции, в 1812 г. командовал 3-м пехотным корпусом, в Бородинском сражении – центром французских войск, в 1813 г. – группой ее корпусов.

[18] Нансути Этьен-Мари-Антуан (1768–1815), граф, генерал-инспектор кавалерии наполеоновской армии, в 1812 г. командовал первым резервным кавалерийским корпусом, во главе которого участвовал в сражених при Островне, Витебске, Смоленске; в Бородинском сражении ранен. В 1813–1814 гг., командуя гвардейской кавалерией, сражался при Вахау, Вошансе, Бери-о-Бак, Красне, Монмирале, Ганау.

[19] Груши Эммануэль (1768–1847), маркиз, французский дивизионный генерал, в 1812 г. командовал 3-м кавалерийским корпусом, участвовал в сражении при Красном, Смоленске, в Бородинском сражении ранен.

[20] Жером (Иероним) Бонапарт (1784–1860), младший брат Наполеона, король Вестфальский. Бежал из своей резиденции г. Касселя при приближении союзных войск.

[21] Жюно Андош (1771–1813), герцог д'Абрантес, французский дивизионный генерал, в 1812 г. командовал 8-м корпусом. После неудачных действий в сражении при Валутиной горе был отстранен от командования и назначен губернатором Иллирийских провинций.

[22] Понятовский (Панятовский) Иосиф Антон (1763–1813), князь, польский генерал, в 1812–1813 гг. командир польского корпуса в армии Наполеона ("Вислинский легион"), за отличие при Лейпциге произведен в маршалы Франции, во время отступления наполеоновской армии был ранен и утонул в Эльстере.

[23] Ренье Жан-Луи (1771–1814), граф, французский дивизионный генерал, в 1812–1813 гг. командовал 7-м (Саксонским) корпусом, составлявшим арьергард войск Шварценберга, при отступлении французов от Лейпцига взят в плен.

[24] Латур-Мобур Мари-Виктор-Николя-Фэй (1768–1850), маркиз, французский дивизионный генерал, ранен в Бородинском сражении. В 1813 г. – командующий 1-м кавалерийским корпусом, с которым сражался при Дрездене.

[25] Богарне Евгений (1781–1824), вице-король Итальянский, герцог Лейхтенбергский, принц Эйхштадтский. Пасынок Наполеона. В 1812 г. командовал вспомогательным итальянским корпусом в составе 4-го корпуса армии Наполеона. Участвовал в сражениях под Островной, Бородино, Малоярославцем, Вязьмой. С 5 января 1813 г., после отъезда из армии Мюрата, командовал остатками наполеоновской армии.

[26] Сен-Сир Лоран-Гувион (1764–1830), маршал Франции, в 1812 г. командовал 6-м корпусом, после ранения Удино – 2-м корпусом, в 1813 г. – 14-м корпусом наполеоновской армии, с конца сентября руководил обороной Дрездена.

[27] Макдональд Жан-Стефан (1765–1840), выходец из Шотландии, маршал и пэр Франции, герцог Тарентский, в 1812 г. командовал 10-м корпусом "Великой армии" в районе Риги.

[28] Шварценберг Карл-Филипп (1771–1820), князь, австрийский фельдмаршал, в 1812 г. командовал корпусом, действовавшим против 3-й Западной армии, в 1813 г. командир обсервационного австрийского отряда в Богемии, после вступления Австрии в антинаполеоновскую коалицию – главнокомандующий Главной (Богемской) армией союзников.

[29] Рапорт кн. Багратиона Барклаю де Толли от 14 июня 1812 г. № 323 см.: Отечественная война 1812 г. ... Т. XII. С. 131–133.

[30] Иловайский 5-й Николай Васильевич (1773–1828), генерал-майор, в 1812 г. командир Донского казачьего полка в составе 2-й Западной Армии. С февраля 1813 г. – генерал-лейтенант, участвовал в сражении при Эльбинге, Мариенбурге, Люцене, Бауцене.

[31] Карпов 2-й Аким Акимович (1763–1838), генерал-майор, в начале Отечественной войны находился в арьергарде 2-й Западной армии, командовал казачьими полками. Участвовал в кампании 1813 г., с января 1814 г. – генерал-лейтенант.

[32] Турно, французский генерал, командир кавалерийской бригады, убит в бою под местечком Мир.

[33] Рожнецкий Александр Александрович (1774–1849), польский генерал, участвовавший в войне 1812 г. на стороне Наполеона, командовал дивизией 4-го резервного кавалерийского корпуса Латур-Мобура. В 1813 г. – начальник штаба 5-й армии, в сражении под Лейпцигом ранен и взят в плен.

[34] Очевидно, имеется в виду Сысоев 3-й Василий Алексеевич (1774–1840), в 1812 г. полковник, затем генерал-майор.

[35] Грессер Александр Иванович (1772–1822), полковник, командир саперного батальона. Участвовал в арьергардных боях 2-й Западной армии у Могилева, Новоселок, Салтановки, в Смоленском сражении был в корпусе Раевского. С декабря 1812 г. – генерал-майор. В 1813 г. ему поручено возобновление Борисовских укреплений и формирование саперного и пионерного батальонов.

[36] Валанс Сирус-Мари-Александр де Тимбурн-Тимброн (1757–1822), граф, французский генерал, в 1812 г. командовал кирасирской дивизией.

[37] Шастель Пьер-Луи-Эме (1774–1826), барон, дивизионный генерал французской армии, в 1812 г. командовал 3-й кавалерийской дивизией 3-го кавалерийского корпуса.

[38] Бордесульт Этьен-Тардиф-Поммеро (1771–1837), граф, бригадный генерал французской армии, в 1812 г. командовал кавалерийской бригадой. В том же году произведен в дивизионные генералы.

[39] Пажоль Клод-Пьер (1772–1814), барон, в 1812 г. в чине бригадного (а с августа – дивизионного) генерала командовал авангардом 1-го кавалерийского корпуса и легкой кавалерийской дивизией в корпусе Монбрена. В 1813 г. сражался при Люцене, Бауцене, Бунцлау, командовал 5-м кавалерийским корпусом.

[40] Кулебякин (Колюбакин) Петр Михайлович (1763 – после 1814), генерал-майор, в 1812 г. шеф Смоленского полка, командир 12-й пехотной дивизии, с которой участвовал в сражениях при Салтановке, Малоярославце, Красном. В 1813 г., при блокаде Данцига, командовал отрядом.

[41] Неверовский Дмитрий Петрович (1771–1813), генерал-майор, с конца 1811 г. формировал в Москве 27-ю пехотную дивизию, с которой участвовал в решающих сражениях Отечественной войны, особенно в боях под Смоленском и кампании 1813 г. После Бородина произведен в генерал-лейтенанты. Умер от ран, полученных в Лейпцигском сражении.

[42] Речь идет о Военном совете, созванном Барклаем де Толли 25 июля, после соединения 1-й и 2-й Западных армий у Смоленска, для обсуждения предложенного К.Ф. Толем плана перехода русских войск в наступление. Кроме перечисленных Паскевичем лиц, на совете присутствовали генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии М.С. Вистицкий и состоявший при штабе М.Б. Барклая де Толли вюртембергский офицер Л. Вольцоген.

[43] Константин Павлович (1779–1831), великий князь, брат Александра I, в начале Отечественной войны командовал Гвардейским корпусом, за интриги против М.Б. Барклая де Толли в августе 1812 г. был удален им из армии, вернулся в главную квартиру в середине ноября, с конца 1812 г. командовал резервными войсками.

[44] Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), генерал-майор, с 7 августа 1812 г. генерал-лейтенант, с 30 июня 1812 г. начальник штаба 1-й Западной армии, после ее объединения со 2-й армией – начальник штаба Главной армии. В 1813 г. начальник артиллерии действующих русских армий, командир Гвардейского пехотного корпуса.

[45] Сен-При (Сен-Приест) Эммануил Францевич (1776–1814), граф, французский эмигрант на русской службе, генерал-майор, начальник штаба 2-й Западной армии, в октябре 1812 г. состоял в отряде П.В. Голенищева-Кутузова. В 1813 г. генерал-лейтенант, командир 8-го пехотного корпуса, после перемирия вошедшего в состав Силезской армии, смертельно ранен в марте 1814 г.

[46] Толь Карл Федорович (1777–1842), полковник, с ноября 1812 г. генерал-майор, ведал 2-м отделением генерал-квартирмейстерской канцелярии, с конца июня 1812 г. генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии, с начала сентября – генерал-квартирмейстер штаба М.И. Кутузова, после его смерти генерал-квартирмейстер Главного штаба Александра I. С августа 1813 г. генерал-квартирмейстер при штабе К.Ф. Шварценберга, после Лейпцигского сражения генерал-лейтенант.

[47] Ставицкий Максим Федорович (1778–1841), полковник, командир бригады 27-й пехотной дивизии. За участие в Бородинском сражении, где был дважды ранен, произведен в генерал-майоры. В 1813 г. сражался при Крейсвальде, Бунцлау, Кацбахе, Лейпциге, участвовал в блокаде Данцига.

[48] Мекленбург-Шверинский (Мекленбургский) Карл (1783–1833), принц, генерал-майор, шеф Московского гренадерского полка, командир 2-й гренадерской дивизии в составе 8-го корпуса 2-й Западной армии; за отличие в Бородинском сражении произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в кампаниях 1813–1814 гг., после чего оставил русскую службу.

[49] Лихачев Петр Гаврилович (1758–1812), генерал-майор. В 1812 г. командовал 24-й пехотной дивизией в 6-м пехотном корпусе, оборонял Смоленск, а в Бородинском сражении защищал батарею Раевского, был ранен и взят в плен. Умер в Кенигсберге по дороге во Францию.

[50] Монахтин Федор Федорович (ум. 1812), полковник Московского пехотного полка, начальник штаба 6-го пехотного корпуса, смертельно ранен в Бородинском сражении.

[51] Кутайсов Александр Иванович (1784–1812), граф, генерал-майор, начальник артиллерии 1-й Западной армии, погиб в Бородинском сражении.

[52] Виртембергский Евгений (1788–1857), принц, двоюродный брат Александра I, в 1812 г. генерал-майор, командир 4-й пехотной дивизии, с конца 1812 г. генерал-лейтенант, командующий 2-м пехотным корпусом.

[53] Тучков 3-й Павел Алексеевич (1775–1858), генерал-майор, в 1812 г. шеф Вильманстрандского пехотного полка, командовал пехотной бригадой в 1-й Западной армии. Участвовал в обороне Смоленска. 7 августа в сражении при Валутиной горе, командуя отрядом, удерживал неприятеля, пытавшегося отрезать 1-ю армию от 2-й. Был ранен и взят в плен; освобожден в 1814 г.

[54] Орлов-Денисов Василий Васильевич (1775–1843), граф, в 1812 г. генерал-майор, командир л.-гв. казачьего полка, предводительствовал партизанскими казачьими отрядами.

[55] Беннигсен (Бениксен) Леонтий Леонтьевич (1745–1826), генерал от кавалерии, в начале войны 1812 г. состоял в свите Александра I, после его отъезда из армии – при главной квартире М.Б. Барклая де Толли, с августа по октябрь – начальник Главного штаба при М.И. Кутузове, в 1813 г. главнокомандующий Польской армией.

[56] Тучков 1-й Николай Алексеевич (1765–1812), генерал-лейтенант, командующий 3-м пехотным корпусом, смертельно ранен в Бородинском сражении.

[57] Сиверс Карл Карлович (1772–1856), граф, генерал-майор, в 1812 г. командовал 4-м кавалерийским корпусом во 2-й Западной армии. Участвовал в кампании 1813 г., за взятие Пилау произведен в генерал-лейтенанты.

[58] Остерман-Толстой Александр Иванович (1770–1857), граф, генерал-лейтенант, командущий (после П.А. Шувалова) 4-м пехотным корпусом 1-й Западной армии. В 1813 г. командовал правым крылом Богемской армии, отличился в сражении под Кульмом, где потерял руку.

[59] Корф Федор Карлович (1774–1823), барон, в 1812 г. генерал-майор, после Бородина – генерал-лейтенант, командовал 2-м кавалерийским корпусом в 1-й Западной армии, в 1813 г. – 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами, позднее – кавалерией Силезской армии.

[60] Дука Илья Михайлович (1768–1830), барон, генерал-майор, в 1812 г. командовал бригадой 2-й кирасирской дивизии в составе 2-й Западной армии, с 10 августа – командир 2-й кирасирской дивизии. С апреля 1813 г. – генерал-лейтенант, командир 3-й кирасирской дивизии, с которой участвовал в сражениях под Дрезденом, Лейпцигом, Бриенном, Бар-Сюр-Об и во взятии Парижа.

[61] Депрерадович Николай Иванович (1767–1843), генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 1-й кирасирской дивизии 1-й Западной армии.

[62] Жерар Этьен-Морис (1773–1852), барон, в 1812 г. бригадный генерал французской армии, под Смоленском принял командование дивизией смертельно раненного генерала Ш.-Э. Гюдена в составе 1-го пехотного корпуса маршала Л.-Н. Даву. В 1813 г. командовал 11-м корпусом.

[63] Моран Шарль-Луи-Антуан (1771–1835), граф, французский генерал и военный писатель, в 1812–1813 гг. командовал пехотной дивизией.

[64] Брусье Жан-Батист (1766–1814), граф, французский генерал, в 1812 г. командовал 14-й дивизией в составе 4-го корпуса.

[65] Дельзон Алексей-Иосиф (1775–1812), барон, французский генерал, в 1812 г. командир 13-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса, убит в сражении под Малоярославцем.

[66] Орнано Филипп-Антуан (1784–1863), граф, бригадный, затем дивизионный генерал французской армии, в 1812 г. начальник авангарда 14-й дивизии в 4-м корпусе, ранен под Красным и отправлен во Францию. В 1813 г., после смерти под Люценом маршала Ж.-Б. Бессьера, возглавил гвардейскую кавалерию.

[67] Багговут Карл Федорович (1761–1812), генерал-лейтенант, в Отечественной войне командовал 2-м пехотным корпусом в 1-й Западной армии, убит в Тарутинском сражении.

[68] Явная описка – в Бородинском сражении был убит не П.П. Коновницын, а генерал-майор А.И. Кутайсов.

[69] Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), князь, генерал-лейтенант, командующий кавалерией 2-й Западной армии, затем командовал кирасирским корпусом, отличился при Бородине и Красном. Участвовал в кампаниях 1813–1814 гг.

№ 9

РГАЛИ Ф. 1337 (Собрание воспоминаний и дневников). Оп 1. Д 323

[1] Княжнин 1-й Александр Яковлевич (1771–1829), в 1812 г. в звании полковника командовал бригадой 27-й пехотной дивизии; в генерал-майоры произведен за отличие в бою 24 августа 1812 г. под Шевардином, где был тяжело ранен.

[2] Воейков Алексей Васильевич (1778–1825), полковник, флигель-адъютант, правитель секретной канцелярии военного министра, один из ближайших сотрудников М.Б. Барклая де Толли, был выслан в связи с удалением М.М. Сперанского, в 1812 г. командовал егерской бригадой в 27-й дивизии Д.П. Неверовского, за отличие в Бородине произведен в генерал-майоры.

[3] Потулов Александр Александрович, в 1812 г. полковник, командир Одесского пехотного корпуса.

[4] Титов Адам Агеевич, в 1812 г. полковник, командир Тарнопольского пехотного полка.

[5] Губерти 1-й Александр Яковлевич, в 1812 г. полковник, командир и шеф Виленского пехотного полка.

[6] Лошкарев Павел Сергеевич (ум. после 1838), полковник, командир и шеф Симбирского пехотного полка. С 1814 г. генерал-майор, в отставке по ранению.

[7] Кологривов Алексей Семенович (1780-е – 1818), полковник, командир 49-го Егерского полка. С 1813 г. генерал-майор, командир бригады.

[8] Назимов Николай Гаврилович, в 1812 г. полковник, командир 50-го Егерского полка.

[9] Гудович Иван Васильевич (1741–1820), граф, генерал-фельдмаршал, с 1809 г. до конца мая 1812 г. главнокомандующий в Москве, сенатор, член Государственного совета.

[10] Унгебаур А.А., в 1812 г. дивизионный адъютант Д.П. Неверовского (до января 1813 г.).

[11] Всеволжский (Всеволожский) Алексей Матвеевич (ум. 1812), генерал-майор. Шеф Елисаветградского гусарского полка, командир бригады в корпусе Ф.П. Уварова.

[12] Душенкевич не совсем точно передает заключительные слова из "Приказа нашим армиям" Александра I от 13 июня 1812 г.: "На зачинающего Бог!"

[13] Бернадот (Барнадот) Жан-Батист-Жюль (1764–1844), маршал Франции, с 1810 г. наследный принц Швеции, Карл Иоганн, в 1813 г. главнокомандующий Северной армией, впоследствии король Швеции Карл XIV.

[14] Остен-Сакен (Сакен) фон дер Фабиан Вильгельмович (1752–1838), барон, генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал резервным корпусом на Волыни, с конца сентября переведен в подчинение П.В. Чичагову, с 1813 г. – генерал от инфантерии.

[15] Блюхер Гебхорт Леберехт (1742–1819), прусский военный деятель, в 1812 г. генерал от кавалерии. С февраля 1813 г. командир Прусского корпуса, после летнего перемирия командующий Силезской армией, за участие в Лейпцигской битве произведен в фельдмаршалы.

[16] Йорк фон Вартенбург Ганс Давид-Людвиг (1756–1828), прусский военный деятель, генерал-лейтенант. В 1812 г. командующий 1-м корпусом Силезской армии.

[17] Фигнер Александр Самойлович (1787–1813), штабс-капитан 3-й легкой роты в 11-й артиллерийской бригаде, с ноября 1812 г. подполковник. С марта 1813 г. полковник, в Отечественной войне прославился как командир партизанского отряда из регулярных войск и крестьян. Осенью 1813 г. во время боевых действий на территории Германии организовал "легион мести" из дезертиров наполеоновской армии – насильственно завербованных в нее итальянцев и испанцев, а также немецких волонтеров, русских казаков. 1 октября 1813 г. отряд Фигнера был окружен крупными силами французов и оттеснен к берегу Эльбы. При попытке переправиться через реку погиб.

[18] Васильчиков 2-й Дмитрий Васильевич (1778–1859), полковник, впоследствии генерал-майор, командир Ахтырского гусарского полка.

[19] Рахманов (Рохманов) Петр Александрович (ум. 1813), полковник, комнадир резервной бригады 17-й пехотной дивизии корпуса Сакена. Математик, военный писатель, доктор философии, издатель "Военного журнала". Убит в Лейпцигском сражении.

[20] Делор (де Лорж), французский дивизионный генерал.

[21] Шувалов Павел Андреевич (1774–1823), граф, в начале Отечественной войны командовал 4-м пехотным корпусом, затем по болезни оставил армию. В 1813 г. состоял при Александре I, участвовал в подготовке Плесвицкого перемирия, в 1814 г. по поручению союзных монархов сопровождал Наполеона на о. Эльба.

[22] Князеберг (прав. – Кнезебек) Карл-Фридрих (1768–1848), барон, генерал-адъютант Фридриха-Вильгельма III, сторонник союза Пруссии с Францией.

[23] Рошешуар Леонид Петрович, граф, французский эмигрант на русской службе, подполковник, затем полковник свиты е.и.в. по квартирмейстерской части.

[24] Роберсон (Робертсон) Этьен Гаспар Роберт (1763–1837), французский физик, воздухоплаватель, иллюзионист.

[25] Ливен Иван Андреевич (1768–1848), граф, генерал-майор, затем генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал 10-й пехотной дивизией в армии П.В. Чичагова.

[26] Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), граф, генерал от инфантерии. Французский эмигрант, с 1790 г. на русской службе, в 1812 г. командовал корпусом в армии Чичагова. В 1813 г. командовал войсками, осаждавшими Торн, после перемирия командир русского корпуса в Силезской армии.

[27] Алопеус Давид Максимович (1769–1831), граф, русский дипломат, в 1813 г. генеральный комиссар при союзной армии, в 1815.г. военный губернатор Лотарингии.

№ 10

РО ИРЛИ. Ф. 265 ("Русская старина") Оп. 2 Д 2541. Л 1–2

№ 11

ОР РГБ. Ф. 231 (М.П. Погодин) III. Карт. 25 № 12. Л. 1–6

[1] Домбровский Ян-Генрих (1755–1818), польский генерал, создатель польских легионов. Участник восстания Костюшки (1794 г.). После 3-го раздела Польши (1796 г.) эмигрировал во Францию. В 1812–1813 гг. участвовал в войне с Россией на стороне Франции, командовал 17-й пехотной дивизией в корпусе И.А. Понятовского, после гибели которого принял командование над остатками польской армии.

[2] Ламберт Карл Осипович (1771–1843), граф, французский эмигрант на русской службе, в 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, командовал корпусом в 3-й Западной армии и авангардом в армии П.В. Чичагова.

[3] Пален 1-й фон дер Павел Петрович (1775–1834), в 1812 г. генерал-майор, затем генерал-адъютант, командовал авангардским отрядом в армии П.В. Чичагова, в 1813 г. – 2-й конноегерской дивизией в корпусе Ф.К. Корфа.

[4] Войска П.В. Чичагова покинули левый берег р. Березины и расположились на правом, против г. Борисова 11 ноября.

[5] Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842), в 1812 г. генерал-лейтенант, затем генерал от кавалерии, командующий 1-м Отдельным корпусом, прикрывавшим Петербург, участвовал с ним в Березинской операции. После смерти М.И. Кутузова, с 16 апреля по 19 мая 1813 г. главнокомандующий русско-прусскими армиями, затем русскими войсками в Главной (Богемской) армии.

[6] Извещение П.Х. Витгенштейна о том, что французская армия повернула к г. Бобруйску, так как Виктор покинул Черены, было получено Чичаговым в ночь с 12 на 13 ноября.

[7] Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768–1825), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал пехотным, затем авангардным корпусом в 3-й Западной армии.

[8] Карл XII (1682–1718), король Швеции (1697–1718). В 1708 г., вторгшись в Россию, потерпел поражение под Лесной, а в 1709 г. был полностью разгромлен в Полтавском сражении и бежал в Турцию. Убит во время захватнического похода в Норвегию.

[9] Франциск I (1494–1547), король Франции с 1515 г. Вел войну с Италией и был пленен при Павии в 1525 г.

[10] Имеются в виду слова из Манифеста Александра I, изданного в Вильне 25 декабря 1812 г. в связи с изгнанием наполеоновской армии из России: "Уже нет ни единого врага на лице земли Нашей"(Краткие записки адмирала А. Шишкова... СПб., 1832. 2-е изд. С. 68–73).

№ 12

РГИА. Ф. 1018 (И.Ф. Паскевич-Эриванский). Оп. 9. Д. 166. Л. 19–24.

[1] Гартинг Мартын Николаевич (1785–1824), подполковник свиты е.и.в. по квартирмейстерской части. С января по 2 июня 1812 г. дивизионный квартирмейстер 17-й дивизии, затем до 30 августа – обер-квартирмейстер 3-го пехотного корпуса, выполнял поручения штаба М.И. Кутузова. С января 1813 г. находился при Главной квартире армии, с февраля – полковник.

[2] Иловайский 9-й Григорий Дмитриевич (1778–1847), полковник, комнадир ополченского Донского казачьего полка.

[3] Тискевич (Тышкевич), польский генерал, взятый в плен под Малоярославцем.

[4] Запись повеления М.И. Кутузова И.Ф. Паскевичу от 14 октября 1812 г. № 235 в "Журнале исходящих бумаг штаба главнокомандующего всеми армиями за октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1812 г." опубликована в кн.: Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. XIX. С. 132. Текстуально не вполне совпадает с цитируемым Теннером документом.

[4а] Иловайский 11-й Тимофей Дмитриевич (1786–1812), генерал от кавалерии, командир Донского казачьего полка.

[5] Здесь и далее Теннер не вполне точно цитирует книгу Д.П. Бутурлина во втором ее издании на русском языке (*Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1838. Ч. II).

[6] Долгоруков 2-й Сергей Николаевич (1770–1829), князь, генерал-лейтенант, в начале октября 1812 г. был прикомандирован к авангарду М.А. Милорадовича, после Тарутинского сражения назначен командиром 2-го пехотного корпуса вместо убитого К.Ф. Багговута; в ноябре – командир 8-го пехотного корпуса.

[7] "Ермолай Васильевич", рассказ которого приводит Теннер, – это знаменитый партизан 1812 г. Е.В. Четвертаков (род 1781), солдат Киевского драгунского полка, из крепостных Черниговской губернии, организовавший осенью 1812 г. в Смоленской губернии крестьянский партизанский отряд, успешно действовавший против французов. Его действиями был освобожден Гжатский уезд. В ноябре 1812 г. Четвертаков был произведен в унтер-офицеры и в составе своего полка участвовал в заграничных походах.

[8] По всей видимости, Теннер имеет в виду предписание М.И. Кутузова М.А. Милорадовичу от 19 октября 1812 г. № 290, в котором, в частности, говорится: "Если г.-м. Паскевич со вверенною ему дивизиею продолжает марш с авангардом, в таком случае не нужно оную прежде отделять, пока не сблизится авангард к армии". Других предписаний, касающихся дивизии Паскевича, за 17–20 октября в "Журнале исходящих бумаг штаба главнокомандующего всеми армиями за октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1812 г." не зарегистрировано (Отечественная война 1812 г. ... Т. XIX. С. 139–143).

[9] Панчулидзев 2-й Семен Давыдович (1767–1817), в 1812 г. генерал-майор, шеф Ингерманландского драгунского полка, командовал кавалерийской бригадой в 1-й Западной армии, затем кавалерийской дивизией. В кампаниях 1813 и 1814 гг. участвовал в основных сражениях в Саксонии, Силезии и во Франции.

[10] Чоглоков (Чеглоков) Павел Николаевич (1770–1832), генерал-майор, в 1812 г. командовал 11-й пехотной дивизией.

№ 13

РО ИРЛИ. Ф. 265 ("Русская старина"). Оп. 2. Д. 123. Л. 5–8.

[1] Сражение под Пултуском на р. Нареве между русскими войсками под командованием Л.Л. Беннигсена и французской армией произошло 14 декабря 1806 г.

[2] Обрезков Михаил Алексеевич (1759–1842), генерал-лейтенант (с июня 1806 г.), генерал-кригскомиссар действующей русской армии в войне 1806–1807 гг.

[3] Сражение под Прейсиш-Эйлау, в Восточной Пруссии между русскими и французскими войсками произошло 26–27 января 1807 г.

[4] Бартолемей Алексей Иванович (1784–1839), с февраля 1805 г. поручик, с ноября 1807 г. штабс-капитан 3-го Егерского полка, которым командовал М.Б. Барклай де Толли, исполнял обязанности его адъютанта. Бартолемей состоял при Барклае де Толли и в 1812 г. за отличие в Смоленском сражении произведен в полковники, в 1813 г., после Лейпцига – в генерал-майоры.

[5] Виллие (Вилье) Яков Васильевич (1768–1854), баронет, лейб-медик, действительный тайный советник, в 1812 г. главный военно-медицинский инспектор русской армии.

[6] Имеется в виду Август-Вильгельм Барклай де Толли.

[7] Ошибка памяти Баталина – М.Б. Барклай де Толли не мог приехать в Москву на "8-й день по выступлении из оной французов" (т.е. 18 или 19 октября), да еще и застать здесь Ф.В. Ростопчина, который вернулся в столицу только 24 октября. Сам же Барклай еще 25 октября находился во Владимире и мог попасть в Москву только в последние дни месяца (Тр. Имп. Русского Военно-исторического о-ва. СПб., 1912. Т. VI, ч. 2. С. 2).

[8] Баталин неточно освещает обстоятельства отъезда Барклая де Толли из Москвы. Он отправился оттуда не прямо в лифляндское имение Бехгоф, а через Тверь – в Новгород, куда прибыл не позднее 6 ноября, ожидая здесь ответа от Александра I на посланные еще из Владимира оправдательные записки. В Бехгоф же Барклай приехал только в середине ноября 1812 г., т.е. почти два месяца спустя после того, как покинул армию в Тарутине. При нем в это время находился не один Баталин, а ближайшие его помощники и доверенные лица, в частности А.А. Закревский, который сопровождал Барклая и в Петербург в декабре 1812 – начале января 1813 г. (см. его письма к А.Я. Булгакову от 6, 10 ноября 1812 г. и 6 января 1813 г.: ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 86. № 8. Л. 3–6, 9).

№ 14

ГАРФ. Ф. 826 (В.Ф. Джунковский). Оп. 1. Д. 191. Л. 39 об. – 41.

№ 15

ОР РГБ Ф. 23 (М.П. Погодин). III. Карт. 11. № 62. Л. 1–2 об.

№ 16

РО ИРЛИ. Ф. 265 ("Русская старина"). Оп. 2. Д. 707. Л. 1–7 об.

[1] Имеется в виду война России с Францией 1806–1807 гг.

[2] Автор имеет в виду русско-турецкую войну 1806–1812 гг.

[3] Голдинский точно цитирует начальную фразу рескрипта Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров Н.И. Салтыкову от 13 июня 1812 г. из Вильны.

[4] Имеется в виду серебряная медаль в память Отечественной войны, учрежденая 20 декабря 1813 г. для раздачи "строевым чинам в армиях и ополчениях всем без изъятия действовавшим против неприятеля в продолжении 1812 года" (ПСЗ. Т. XXXII. № 25505). На лицевой стороне медали изображено лучезарное всевидящее око с датой "1812 год", а на обороте имеется надпись: "Не нам, не нам, а имени твоему", заимствованная из 9-го стиха 113-го псалма Давида: "Не нам, не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дашь ты славу".

№ 17

РО ИРЛИ. Ф. 265 ("Русская старина"). Оп. 2. Д. 123. Л. 1–2 об.

Список сокращений

Хранилища

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (прежде: ЦГАОР СССР)
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (прежде: ГБЛ)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (прежде: ГПБ)
ПФИРИ – Санкт-Петербургский филиал Института российской истории (прежде: Архив ЛОИИ)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (прежде: ЦГАЛИ)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (прежде: ЦГВИА)
РГИА – Российский государственный исторический архив (прежде: ЦГИА)
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив г. Москвы (прежде: ЦГАМ)

Издания

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Слова

вел. кн. – великий князь
г. – город
г-н – господин
г-жа – госпожа
гр. – граф
дер. – деревня
е.и.в. – его императорское величество
кн. – князь
коп. – копейки
лат. (после перевода) – латинский
л.-гв. – лейб-гвардии
мин. – минуты
нем. (после перевода) – немецкий
проч., пр. – прочее
р. – река
руб. (после цифр. обознач. суммы) – рубли
с. – село
сел. – селение
Св. (к названию церквей, орденов) – Святого
тыс. – тысяч
фр. (после перевода) – французский
час. – часы
чел. – человек

Указатель имен

Содержание

Научное издание

1812 год
в воспоминаниях современников

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории РАН

Заведующая редакцией "Наука – история"
Н.Л. Петрова
Редактор *С.А. Левина*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технические редакторы *Н.М. Бурова, О.В. Аредова*
Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1574
Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 23.05.95
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,0
Усл. кр.-отт. 13,3. Уч.-изд.л. 15,2
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 3 4 11

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Пожар 1812 года... Редко какое событие русской истории было овеяно такой дымкой смутных легенд и поражающих воображение слухов. В этой книге — итоге многолетних разысканий в архивах мемуарных рукописей по 1812 г. — помещены записки, впервые раскрывающие тайну возникновения московского пожара. Читатель найдет здесь немало уникальных сведений о ранее скрытых сторонах военно-общественной жизни той эпохи.

«НАУКА»